

ИСТОРІЯ ЗЕМЛЕВѢДѢНІЯ.

C. Roller.

ИСТОРІЯ
ЗЕМЛЕВѢДѢНІЯ
и
ОТКРЫТІЙ ПО ЭТОМУ ПРЕДМЕТУ.

ЛЕКЦІИ

КАРЛА РИТТЕРА,

ЧИТАННЫЯ ВЪ БЕРЛИНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Изданныя **Г. А. ДАНІЕЛЕМЪ.**

Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею

Н. БАКСТА.

(Съ портретомъ автора.)

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ О. И. БАКСТА.
1864.

Дозволено цензурою. С. Петербургъ. Января 2 дня 1864 г.

ВЪ ТИПОГРАФІИ О. И. БАКСТА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ своихъ лекціяхъ о «всеобщемъ сравнительномъ землевѣдѣніи» Риттеръ, послѣ введенія и обзора географической литературы, переходилъ обыкновенно къ исторіи землевѣдѣнія и географическихъ открытій до открытія Америки. Эту исторію онъ любилъ излагать такъ обстоятельно, что долженъ былъ посвящать ей почти такое же число лекцій, какъ другимъ частямъ землевѣдѣнія, — и слушатели Риттера всегда будутъ живо помнить, съ какимъ живымъ интересомъ великій учитель излагалъ преимущественно исторію землевѣдѣнія. Постепенное выступленіе земли изъ мрака неизвѣстности въ свѣтъ географическаго познанія было любимымъ предметомъ изложенія Риттера; онъ характеризовалъ своимъ слушателямъ великихъ географовъ, изслѣдователей, открывателей и путешественниковъ древняго и новаго міра, не только какъ глубокій ученый, но и съ живою признательностью, можно сказать, съ чувствомъ благоговѣнія, — и человѣкъ, котораго вообще такъ трудно было раздражать, приходилъ въ негодованіе, когда ему доводилось говорить о непризнаніи или недостаточной оцѣнкѣ великихъ людей въ области географіи.

Сказаннаго уже достаточно было бы для оправданія изданія лекцій по исторіи землевѣдѣнія. Но еще убѣдительнѣе побуждало къ этому то обстоятельство, что самъ Риттеръ назначилъ и приготовилъ эти лекціи къ печати.

Съ радостію и возможнымъ раченіемъ исполнилъ я предложеніе издателя — поставить надъ гробомъ великаго человѣка памятникъ, созданный имъ самимъ. При обработкѣ этого изданія я пользовался манускриптомъ покойника и университетскими записками его лекцій; являясь теперь въ свѣтъ, лекціи эти, надѣюсь, живо напомнятъ почитателямъ и слушателямъ Риттера время, когда они сидѣли у ногъ обожаемаго учителя и наслаждались его воодушевленнымъ словомъ.

Галле, 18 марта 1861 г.

Д-ръ Г. А. Даніель.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ДРЕВНІЕ ВѢКА.

Человѣчество знакомилось съ землею только постепенно. Тысячелѣтія нужны были для пріобрѣтенія тѣхъ познаній о землѣ, которыя мы имѣемъ теперь; но тѣмъ не менѣе и наши познанія о ней все еще очень неполны. Въ географическомъ описаніи земли нельзя соблюдать строгой хронологической послѣдовательности. Сверхъ того, воспроизвести передъ глазами читателя стройную картину всей земли, съ исторической и физической стороны, рѣшительно невозможно, потому что отдѣльныя страны дѣлались намъ извѣстны въ совершенно различныя времена. Только исторія можетъ ознакомить насъ съ различнымъ состояніемъ земли въ разныя эпохи, до настоящаго времени; географическія открытія составляютъ одну изъ частей исторіи.

Познанія о поверхности земли переданы намъ только образованными народами древности. Необразованные и дикіе народы знаютъ только свою родину, но общаго знанія земли, настоящаго землевѣдѣнія, мы у нихъ не находимъ. Индійцы Сѣверной Америки и одноплеменники ихъ, живущіе у рѣки Амазоны, отлично знакомы съ своими первобытными лѣсами и находятъ свои охотничьи тропинки на разстояніи нѣсколькихъ сотъ миль. Бедуины съ увѣренностью путешествуютъ по своимъ песчанымъ, безпредѣльнымъ пустынямъ. Эскимосы полярныхъ странъ въ состояніи были даже нарисовать углемъ на березовой корѣ берега и острова обширнаго и страшнаго Ледовитаго моря, и такимъ образомъ указали англійскимъ мореплавателямъ пути къ достиженію сѣверо-западнаго прохода. Малаецъ хорошо знаетъ путь по безконечной поверхности моря

къ ближайшей группѣ острововъ; но далѣе нхъ онъ не попадетъ, если только его не занесетъ куда нибудь теченіемъ. Вообще знанія этихъ первобытныхъ народовъ не простираются за предѣлы ихъ родины и удовлетворяютъ только первымъ, насущнымъ потребностямъ ихъ; но между свѣдѣніями о родинѣ и всеобщей наукой о землѣ — огромная разница.

ЕВРЕИ И ЕГИПТЯНЕ.

Первое, болѣе общее географическое обозрѣніе странъ и народовъ, выходящее изъ тѣсныхъ предѣловъ свѣдѣній о родинѣ, мы встрѣчаемъ у евреевъ (I кн. Моисея, гл. 10). Мы говоримъ о замѣчательной генеалогіи человѣческихъ племенъ по тремъ сыновьямъ Ноя — Симу, Хаму и Яфету. Вмѣстѣ съ названіями племенъ вычисляются здѣсь и страны, острова и города, въ которыхъ они поселились. Здѣсь упоминаются уже мѣста въ западной Азіи, сѣверовосточной Африкѣ и юговосточной Европѣ, слѣдовательно мы должны предполагать у нихъ уже значительныя географическія познанія о центрѣ древняго міра. Какъ древнѣйшій источникъ по предмету землевѣдѣнія, это распредѣленіе народовъ послужило поводомъ къ цѣлому ряду замѣчательныхъ изслѣдованій о народахъ, языкахъ, первоначальномъ распространеніи рода человѣческаго и о его генеалогіи. Къ числу поучительнѣйшихъ комментаріевъ на это распредѣленіе народовъ принадлежатъ труды Бохарта, Гезеніуса, Розенмюллера, Гартманна и пр. [1]).

Страсть къ генеалогіи, свойственная евреямъ и всѣмъ вообще семитическимъ народамъ, до современныхъ арабовъ, привела ихъ къ этнографіи и географіи.

Со вступленіемъ евреевъ въ землю Ханаанскую мы получаемъ второй географическій документъ. Іисусъ Навинъ (кн. Іис. Нав. 18) поручилъ посламъ, по три человѣка отъ каждаго колѣна на-

---

[1]) Hartmann, Aufklärung überAsien für Bibelforscher. 1806. ч. I.—Rosenmüller, Bibl. Alterthumskunde und Bibl. Geographie. 1823—1836.—v. Lengerke, Kanaan. Königsb. 1844.—Ewald, Geschichte des Volkes Israel. 3 ч. 1847.—Knobel, Die Völkertafel der Genesis. Ethnographische Untersuchungen. Giessen 1850.—Leo, Vorlesungen über die Geschichte des Iüdischen Staats. 1828.—v. Bohlen, Genesis. Königsb. 1835.—Hitzig, Urgeschichte der Philistäer, Leipzig 1845.—Kiepert, Bibel-Atlas. Berlin 1847.

рода Израильскаго, обойти и описать всю землю Ханаанскую для того, чтобы можно было вѣрно раздѣлить ее между колѣнами Израиля, или, какъ сказано въ писаніи, чтобы можно было бросить жребій о поземельномъ владѣніи. Такимъ образомъ Обѣтованная Земля первая выступаетъ изъ мрака первобытнаго міра.

Еще Моисей (кн. IV, 13) послалъ пословъ для осмотрѣнія земли Ханаанской, ясно указывая имъ на что они должны обращать вниманіе (стих. 18—21). Раздѣленіе на участки по колѣнамъ дѣйствительно совершено было тогда на восточномъ берегу Іордана и на югѣ Іудеи. Но когда потомъ семь колѣнъ оказались еще безъ надѣла, явилась необходимость вторично изслѣдовать сѣверный Ханаанъ. Это произведено было при Іисусѣ Навинѣ (кн. Іис. Нав. 18, 2), когда Израильскій народъ, спустя семь лѣтъ послѣ вступленія въ землю Ханаанскую, собрался въ Силамѣ изъ Гилгала на Іорданѣ. Пастушескія колѣна — Рувима, Гада и половина колѣна Менассии получили во владѣніе пастбища на восточномъ берегу Іордана. Колѣна Іуды, Симеона и Веньямина поселились на югѣ, гдѣ сдѣланы были первыя побѣдоносныя завоеванія евреевъ. Іисусъ Навинъ повелѣлъ тогда снова раздѣлить землю между семью колѣнами, еще не получившими участковъ. Книга Іис. Нав., гл. 18, ст. 4: «Дайте мнѣ по три человѣка отъ каждаго колѣна, я пошлю ихъ; пусть они пойдутъ по странѣ и опишутъ ее по участкамъ, и пусть потомъ пріидутъ ко мнѣ». Ст. 5: «И раздѣлите землю на семь частей: Іуда пусть останется у предѣловъ ея къ югу, а домъ Іосифа (Эфраима) у предѣловъ ея къ сѣверу». Стихъ 6: «Вы же опишите землю по семи частямъ и принесите мнѣ сюда, тогда я брошу вамъ жребій здѣсь предъ Господомъ Богомъ нашимъ». Стихъ 9: «И люди пошли, и прошли по странѣ, и описали ее въ книгѣ по городамъ на семь частей и пришли въ станъ Іисуса, въ Силамъ.»

Кейль въ своемъ комментаріѣ къ книгѣ Іис. Навина (стр. 329—331) говоритъ: «Слово описать на еврейскомъ языкѣ не значитъ размежевать, хотя евреи, безъ сомнѣнія, знакомы были съ землемѣрнымъ искусствомъ египтянъ. Такимъ образомъ въ книгѣ Іисуса Навина не говорится еще о географической картѣ, а надо думать, что страна была только описана по городамъ и ихъ округамъ, такъ что города служили для опредѣленія областей. Вотъ почему границы и обозначены были весьма неточно». Однакоже тотъ же самый ученый, такъ рѣшительно высказавшійся противъ настоящаго измѣренія земли Ханаанской во время перваго раздѣленія, соглашается (стр. 269), что при вторичномъ раздѣленіи земли въ

Силамѣ между семью колѣнами необходимо было предварительно снять планъ всей остальной части страны (за исключеніемъ надѣловъ Іуды и Эфраима и восточнаго берега Іордана) для того, чтобы раздѣлить ее на семь областей.

Но уже слѣдующія мѣста въ 4 кн. Моисея (гл. 13, стих. 17—21) приводятъ насъ къ тому же заключенію: «Отправьтесь на югъ (Ханаана) и поднимитесь на гору (Хермонъ и пр.)» (стихъ 17). «И осмотрите страну, какова она, и народъ, обитающій въ ней, силенъ ли онъ или слабъ, малочисленъ ли онъ или многочисленъ?» (стихъ 18). «И что это за страна, въ которой онъ живетъ, хороша ли она или дурна, и каковы города, въ которыхъ онъ живетъ, живетъ ли онъ въ палаткахъ или крѣпостяхъ?» (ст. 19). «И какова земля, жирная ли она или тощая, есть ли на ней деревья или нѣтъ; не робѣйте и берите изъ плодовъ страны, — а это какъ разъ было во время созрѣванія перваго винограда.» (ст. 20). «И они отправились, и высмотрѣли страну, отъ пустыни Цинъ (у Мертваго озера) до Рехоба, по направленію къ Хамату (т. е. до Дамаска и Гамы на Оронтѣ.)» (ст. 21). Выраженія же «измѣрять» и «межевая мѣра» встрѣчаются безчисленное множество разъ. Въ 4 кн. Моисея, гл. 34, ст. 7 и 8 прямо сказано: «Отъ моря великаго измѣрите до горы Гора». «А отъ горы Гора измѣрите по направленію къ Хамату.» Въ книгѣ Іисуса Навина (гл. 17, ст. 14) жребій называется даже межевою мѣрою (חבל), а далѣе отмѣреннымъ наслѣдіемъ (Кейль, стр. 324); въ той же главѣ, ст. 5, мы встрѣчаемъ: «И на долю Менассе досталось еще десять веревокъ (межевыхъ мѣръ), кромѣ страны Гилеада», а въ гл. 19, ст. 9: «Наслѣдіе Симеона изъ веревки (межевой мѣры) сыновъ Іегуды.» У Іесаія (гл. 34, ст. 11) межевая мѣра называется отвѣсомъ и т. д.; у Езекіиля (гл. 47, ст. 3) мы находимъ, что при опредѣленіи границъ страны проводятъ три раза межевой шнурокъ.

Основываясь на замѣчаніи Іосифа Флавія (Antiqq. V. 1, 20) объ упомянутой разсылкѣ пословъ, мы должны думать, что при этомъ описаніи страны предпринято было настоящее измѣреніе ея и что набросано было нѣчто въ родѣ географической карты. «При нихъ — говоритъ І. Флавій — было нѣсколько геометровъ, чтобы справедливо опредѣлить и раздѣлить угодья». Да и трудно предположить, чтобы такое разумное распредѣленіе участковъ по колѣнамъ, какое мы находимъ впослѣдствіи, могло быть сдѣлано безъ предварительнаго поземельнаго чертежа.

Такимъ образомъ почти за 1,500 лѣтъ до начала нашего лѣтосчисленія мы находимъ у евреевъ первую всеобщую генеалогію народовъ и первую спеціальную географическую карту, а въ станціяхъ израильтянъ во время исхода ихъ изъ Египта — первый маршрутъ народнаго переселенія. Вотъ три древнѣйшія формы дошедшихъ до насъ географическихъ извѣстій [1]).

Евреи, безъ сомнѣнія, вынесли эти начала географическихъ познаній изъ Египта. Природа страны, въ которой жили египтяне, сдѣлала ихъ изобрѣтателями геометріи и геодезіи; ежегодно, послѣ разлитія Нила, они должны были снова провѣрять раздѣлъ пахатной земли. Египтяне съ большою точностію раздѣлили свою страну на 44 *Номы* [2]), умѣли опредѣлять уровень воды и, по словамъ Геродота, вели настоящую поземельную книгу для собиранія податей съ недвижимыхъ имуществъ. Вотъ почему у нихъ прежде всего развились *Хорографія* и *Топографія*, благодаря описанію земель и отдѣльныхъ мѣстностей Нильской долины по номамъ и храмовымъ округамъ. [3])

Образцовая система каналовъ, прорѣзывавшихъ всю страну, служитъ неоспоримымъ доказательствомъ успѣховъ египтянъ въ названныхъ наукахъ; иначе проведеніе каналовъ было бы рѣшительно невозможно. Даже въ новѣйшее время англійскимъ, французскимъ и австрійскимъ инженерамъ стоило не мало труда сдѣлать нивеллированіе, необходимое для проведенія Суэзскаго и Александрійскаго каналовъ. Египетскіе жрецы обязаны были изучать хорографію Египта и Нила; этого столько же требовала ихъ религія, сколько обязательное для нихъ отправленіе правосудія, присвоенное храмовымъ округамъ. (42 священныя книги египтянъ раздѣляются по своему содержанію на: 10 пророческихъ, 10 литературныхъ, 14 по точнымъ наукамъ и 10 по іероглификѣ, межевому искусству и геометріи) [4]). Въ числѣ 42 таинственныхъ (герметическихъ) отдѣловъ

---

[1]) Raumer, über den Zug der Israeliten durch die Wüste. Leipzig 1843. — Robinson, Palästina. — Laborde, Commentaire géogr. sur l'Exodus. Paris 1841.

[2]) Область, особенно у древнихъ египтянъ.

[3]) Brugsch, Die Geographie des alten Aegyptens nach den altägyptsichen Denkmälern zum ersten Male zusammengestellt und verglichen mit den geographischen Angaben der H. Schrift. 1857.

[4]) У Риттера здѣсь явная ошибка: сумма этихъ цифръ очевидно составляетъ 44, а не 42. Трудно опредѣлить, въ какомъ изъ означенныхъ слагаемыхъ (за исключеніемъ перваго и послѣдняго) заключается эта ошибка, такъ какъ вообще дѣле-

науки, въ знаніе которыхъ должны были быть посвящены всѣ три класса египетскихъ жрецовъ, упоминаются между прочимъ и астрологія, космографія и географія. Занятія всѣми этими предметами возложено было при каждомъ храмовомъ округѣ на такъ называемаго гіерограмматика (Scriba sacrorum), ученаго жреца, который въ тоже время занимался еще писаніемъ гіероглифовъ [1]).

Египтяне еще въ самыя раннія времена, благодаря дѣятельности своихъ царей-завоевателей, пріобрѣли общія познанія о землѣ. Сезостриды воздвигали обелиски и великолѣпные памятники на сокровища Индіи и Эѳіопіи. Эти страны покорены были Сезострисомъ во время его походовъ съ огромными войсками: къ югу онъ проникъ въ нынѣшнюю Абиссинію (Кесъ), къ сѣверу до Танаиса (Дона), слѣдовательно до границы между Азіей и Европой, гдѣ обитали Колхидяне и Скиѳы, къ востоку онъ проникъ до земель Аравійскихъ, а моремъ онъ проникъ еще дальше. Черезъ Аравійскій заливъ (Эритрейское море) онъ отправился съ большимъ флотомъ въ Индію. Тамъ высадилось его войско и завоевало города по теченію Ганга. Такъ разсказываетъ еще Геродотъ (кн. II. 102—106). Діодоръ Сицилійскій, собравшій свои Aegyptiaca въ библіотекахъ Александріи и Ѳивъ, помѣщаетъ въ самомъ началѣ своей исторіи народовъ преданіе о Сезоозисѣ, пробравшемся до Ганга. Уже Гейне въ своемъ сочиненіи de fide Diodori (Comment. Soc. Gott. VII. 83) называетъ это преданіе миѳомъ, а Боленъ (Das Alte Indien. I. стр. 62), также считающій походъ Сезостриса баснословнымъ, выражаетъ предположеніе, что онъ выдуманъ былъ уже впослѣдствіи египтянами, въ подражаніе грекамъ. Однакоже позднѣйшія изслѣдованія и открытія привели къ другимъ результатамъ, болѣе согласнымъ съ свѣдѣніями, собранными

ніе книгъ, принятое здѣсь Риттеромъ, весьма неточно и неправильно. По Клименту Александрійскому, которому мы обязаны вѣрнѣйшими свѣденіями по этому предмету, книги эти дѣлятся на: 6 книгъ медицинскихъ, 2 книги пѣвца, 4 астрономическія книги гороскопа, 10 книгъ гіерограмматика, 10 богослужебныхъ книгъ столиста (это названіе первоначально давалось лицу, обязанности котораго состояли въ заботахъ о нарядѣ и украшеніяхъ боговъ, впослѣдствіи же этимъ названіемъ обозначали вообще церемоніймейстера) и 10 книгъ пророка. См. Bunsen, Aegyptens Stelle in der Weltgeschichte, стр. 34 и слѣд., который добросовѣстно слѣдилъ относительно этихъ книгъ по Клименту Александрійскому. Прим. ред. пер.

[1]) Самое важное мѣсто въ полномъ собраніи сочиненій Климента Александрійскаго. Stromatum lib. VI. 4. p. 757. ed. Potter. Объяснено Крейцеромъ въ «Symbol. u. Mythol.», 2 изд., ч. I, стр. 245.

Геродотомъ въ Нильской долинѣ; вслѣдствіе этого мы не можемъ долѣе считать ихъ баснями. Вообще нужно замѣтить, что впродолженіи цѣлаго столѣтія ученые почему-то привыкли думать, что всѣ древніе народы, жившіе еще до грековъ и не принадлежавшіе къ Эллинскому племени, оставались въ состояніи какого-то младенчества или даже полнаго невѣжества. Они воображали, что пришли къ такимъ выводамъ при помощи, такъ называемой, болѣе строгой критики; но пробудившееся съ тѣхъ поръ изученіе памятниковъ Востока, на Евфратѣ и Тигрѣ, а также и въ Египтѣ, на Нилѣ, бросаетъ совершенно иной свѣтъ на Сезостриса и вообще на всю древнѣйшую исторію Египта.

Нельзя, конечно, не согласиться, что у египтянъ, также какъ и у китайцевъ, индусовъ и другихъ народовъ, генеалогія и хронологія очень затемнены были славолюбіемъ и легендами позднѣйшихъ поколѣній жрецовъ, равно какъ и непониманіемъ и невѣжествомъ ихъ преемниковъ, во всемъ подражавшихъ грекамъ, и позднѣйшихъ толкователей [1]). Только теперь начинаютъ мало по малу разбирать и понимать отрывки оставленныхъ ими лѣтописей и династическихъ списковъ, равно какъ и папирусные свертки ихъ, отысканные въ числѣ столь многихъ тысячъ [2]).

Дѣйствительность царствованія Сезостридовъ несомнѣнно доказывается памятниками [3]). Сезострисъ, названный такъ греками, носилъ у египтянъ имя Рамзессъ или Рамессесъ. Поставленные имъ пограничные столбы, которые онъ, какъ завоеватель, отмѣчалъ своимъ именемъ «Рамзесъ», и на которыхъ отчасти еще сохранились покрывавшіе ихъ іероглифы и клинообразныя надписи, отысканы въ Сиріи, недалеко отъ Бейрута, и между финикійскими изваяніями изъ камня у Нар-эль-Кельба. Столпообразные памятники въ окрестностяхъ Смирны и Сардъ, изображенія, ошибочно принятыя Геродотомъ за изображенія самого Сезостриса (изсѣченныя на высотѣ скалъ фигуры героя съ лукомъ и копьемъ), сходныя съ тѣми, которыя по Діодору (I. 55) существовали въ Іоніи и Келе-

---

[1]) Замѣчательное исключеніе составляетъ Тацитъ (Ann. II. 60): онъ вѣрно передаетъ все то, что египетскіе жрецы и ученые сообщили Германику объ исторіи памятниковъ ихъ страны.

[2]) Рожеръ Шамполліонъ, Розеллини, Юнгъ. — Lepsius, Chronologie der Aegypter. — Bunsen, Aegyptens Stellung in der Weltgeschichte. 1845. — Boeckh, Manetho's Dynastien. — Brugsch и др.

[3]) Доказательства этому находятся въ новомъ египетскомъ музеѣ въ Берлинѣ.

сиріи, и съ тѣми, которыя еще Страбонъ (XIV. 4.) видѣлъ въ проливѣ Баб-эль-Мандебъ, при выходѣ изъ Аравійскаго залива, — всѣ эти памятники, хотя, повидимому, теперь уже исчезли и разрушены, служатъ тѣмъ не менѣе неоспоримымъ доказательствомъ дѣйствительнаго существованія великаго періода Сезострисовъ. Но въ особенности барельефы и рисунки на дворцахъ въ Ѳивахъ и въ роскошныхъ склепахъ властителей Нильской долины уничтожаютъ всякое сомнѣніе насчетъ подвиговъ, совершенныхъ древними египетскими царями въ отдаленный завоевательный періодъ. Пирамиды, катакомбы, равно какъ и огромный Некрополисъ въ Нижнемъ Египтѣ также очень богаты свидѣтельствами того времени, сдѣлавшимися извѣстными только очень недавно, благодаря раскопамъ, произведеннымъ прусскою ученой экспедиціей.

Сезострисъ теперь уже не миѳъ, какъ думали прежде, а историческая личность, второй царь девятнадцатой династіи по Мането. Онъ жилъ за 1400 лѣтъ до Р. Х.; его туземное имя — Рамзесъ Міаменъ Великій. Но онъ только самый извѣстный представитель длиннаго ряда царей. За 200 лѣтъ до него, около 1678 г. до Р. Х., началось изгнаніе изъ Нижняго Египта пастушескихъ царей *Гиксовъ*, подъ правленіемъ Амозиса, Тутмозиса, Аменофиса и Менефты. Не страсть къ завоеваніямъ, а преслѣдованіе Гиксовъ завело Египтянъ въ переднюю Азію.

Изъ всѣхъ памятниковъ, доказавшихъ дѣйствительное существованіе періода Сезострисовъ, для исторіи землевѣдѣнія всего важнѣе барельефы и рисунки, сохранившіеся на древнихъ египетскихъ памятникахъ [1]).

---

[1]) Sur les Basreliefs Egyptiens et Persans en Syrie par Dr. R. Lepsius. Rome 1838, въ Monatsber. d. Kön. Acad. d. Wissensch. Berlin 1840. Первый снимокъ барельефовъ изъ Мединатъ-Хабу находится въ Déscription de l'Egypte. Antiquit. Vol. II. Послѣ этого Лепсіусомъ и другими были сдѣланы болѣе точные рисунки и сняты іероглифическія надписи къ нимъ. Первый разборъ іероглифовъ Шампольіона ознакомилъ насъ съ туземными названіями царей, народовъ, покоренныхъ городовъ, странъ, рѣкъ и мѣстностей, помѣщенныхъ на этихъ барельефахъ и картинахъ для объясненія ихъ. Многія изъ этихъ названій подверглись съ тѣхъ поръ новымъ и болѣе основательнымъ изслѣдованіямъ и разобраны были самымъ счастливымъ образомъ, такъ что этотъ разборъ можетъ выдержать любую критику. Разысканія Вилькинсона, Topography of Thebes, Розеллини, ле-Нормана, Рожера, Прокеша, Партея, Лепсіуса, Chronologie der Aegypter, и др. заключаютъ въ себѣ дальнѣйшія объясненія этихъ памятниковъ, сдѣлавшихся столь поучительными для географіи. Will. Osburn, Monumental History of Egypt from the first Colonisation of the Valley of the Nile to the Visit of Patriarch Abraham and Exodus of Moses. Vol I. II. 1854.

Дѣянія Сезостридовъ изображены на гранитныхъ плиткахъ въ стѣнахъ дворцовъ древнихъ Ѳивъ и на многихъ другихъ памятникахъ, воздвигнутыхъ ими; на черныхъ мраморныхъ стѣнахъ въ развалинахъ Персеполя мы находимъ точно такія же изображенія дѣяній Ахеменидовъ, а на бѣлыхъ алебастровыхъ плиткахъ въ Ниневіи или Нимрудѣ и Хорзабадѣ—изображенія дѣяній ассирійскихъ царей самой глубокой древности. Прекрасныя рельефныя изваянія въ Луксорѣ представляютъ, кромѣ религіозныхъ празднествъ и жертвоприношеній въ благодарность богамъ, и великолѣпныя пиршества, тріумфы, торжественныя шествія, даже побѣдоносные походы, съ битвами, завоеваніями крѣпостей и городовъ,—на сухомъ пути и на морѣ, при помощи флота. Эти изображенія представляютъ въ высшей степени важныя географическія данныя объ огромной части земной поверхности, лежащей подъ тропиками. Важны они потому, что изображаютъ произведенія странъ, платившихъ дань, и даже самыя племена, обитавшія эти страны, въ ихъ національныхъ одеждахъ и съ ихъ обычаями, при чемъ живопись сохранила каждому изъ предметовъ свойственныя ему краски. Различныя человѣческія племена отличаются на этихъ изображеніяхъ формами и выраженіями лицъ, равно какъ и цвѣтами: бѣлымъ, краснымъ, коричневымъ или чернымъ. Изображенія представляютъ растенія, животныхъ и людей съ ихъ характеристическими формами. Въ безчисленномъ множествѣ рисунковъ представлены: слоновая кость въ видѣ слоновыхъ клыковъ, индійскія породы деревьевъ — въ видѣ чернаго дерева, чужестранные плоды и звѣри, какъ жирафъ и другіе, наконецъ крѣпости и корабли различной постройки. Можно даже ясно отличать морскіе валы, пересѣкаемые цѣлыми флотами кораблей, отъ волнъ прѣсныхъ рѣчныхъ водъ, производимыхъ рѣчными лодками.

Въ Египтѣ всѣ воины, безъ исключенія, были пѣшіе; вожди же ихъ, точно такъ какъ и въ троянской войнѣ, имѣли всегда свои колесницы. Конницы египтяне вовсе не знали; по этому всадники могли быть изображаемы только въ войскахъ азіатскихъ народовъ, во владѣніяхъ которыхъ Сезостриды дѣлали свои завоеванія. По украшеніямъ изъ перьевъ и пестрымъ каттунамъ, составляющимъ одежду непріятеля на великой рѣкѣ, можно заключить, что египтяне проникли къ индійцамъ до Инда или даже до Ганга; Діодоръ подтверждаетъ это. Въ могильной катакомбѣ одного изъ царей — Тотмеса II изображено цѣлое шествіе азіатскихъ народовъ съ лошадьми и двумя слонами, которые не встрѣчались еще въ то время ручными ни въ Египтѣ, ни въ цѣлой передней Азіи; это доказываетъ, что египтя-

не имѣли сношенія съ индійцами, жившими по ту сторону Ганга, откуда и Александръ Великій приказалъ привести перваго слона. Мы находимъ также изображенія весьма характеристическихъ и разнородныхъ мѣстностей съ разсѣянными по нимъ памятниками зодчества. На всѣхъ этихъ изображеніяхъ находятся гіероглифическія надписи, объясняющія имена и названія лицъ, народовъ, царей и мѣстностей. Не всѣ надписи еще вполнѣ разобраны; однакоже нѣкоторыя изъ нихъ совершенно ясны. Въ окончаніи *апуро* на изображеніяхъ великой рѣки легко узнать имена городовъ, лежавшихъ по Инду и Гангу, изъ которыхъ многіе и теперь еще сохраняютъ послѣдній слогъ *пура* (т. е. крѣпость по санскритски), наприм. Гастинапура, Бальпуръ, Сингапура и друг. Въ изображеніяхъ Ирана при Индѣ представлены войны съ Хетами или Кзетами; ясно, что тутъ разумѣются жившіе въ тѣхъ мѣстахъ древніе защитники Индіи — Кшетріи, именемъ которыхъ и теперь еще называется на Индѣ каста воиновъ. Въ изображеніяхъ изъ сѣверо-восточнаго Ирана встрѣчаются и названія, напоминающія скиѳскія племена. *Шари* (Сури) — ничто иное какъ Ассуръ, т. е. Ассирія; *Нагарина* — Арамъ-Нагараимъ, Месопотамія; *Руми* — Арменія. Въ Аравіи изображена битва со львами. Въ папирусныхъ сверткахъ изъ временъ Сезострисовъ часто обозначаются въ западной Азіи имена: Іуни и Луки, т. е. Іоняне и Ликійцы. Въ войнахъ съ Эѳіопянами и въ изображеніяхъ жителей передней Азіи можно ясно отличать головы арабовъ, евреевъ, эѳіопянъ и негровъ.

Всѣ эти изображенія заставляютъ насъ думать, что египтяне имѣли уже точныя познанія о положеніи и произведеніяхъ весьма отдаленныхъ другъ отъ друга южныхъ странъ, а также и о населявшихъ эти страны племенахъ.

Такимъ образомъ египтяне ознакомились съ чужими странами, благодаря завоеваніямъ Сезострисовъ; безъ сомнѣнія, точно такимъ же путемъ Западъ получилъ свои древнѣйшія географическія свѣдѣнія о Востокѣ, Эѳіопіи и Нильской долинѣ; такъ, напримѣръ, побѣды Александра Великаго распространили въ позднѣйшее время въ Греціи и выше на Сѣверѣ первыя извѣстія о верхней Индіи и о внутренней части Азіи, населенной скиѳами; подобнымъ же образомъ въ средніе вѣка крестовые походы впервые ознакомили германскія племена западной Европы съ магометанскими землями.

Пробудившееся въ новѣйшее время изученіе египетскихъ древностей и удачное объясненіе ихъ гіероглифовъ доказало намъ, что египтяне, независимо отъ всѣхъ прочихъ историческихъ народовъ,

еще въ самой глубокой древности, пріобрѣли огромный запасъ опытности и знанія, какъ въ области землевѣдѣнія, такъ и въ другихъ наукахъ. Поэтому мы считаемъ весьма вѣроятнымъ, что и Моисеева генеалогія народовъ обязана своими краткими данными также учености египтянъ. Обширность обнимаемой ею области говоритъ въ пользу этого предположенія.

Эта генеалогія народовъ простирается на сѣверѣ отъ Ѳираса (Ѳракіи) до Гомера и Ѳогармы (армянъ), далѣе черезъ Ассирію и Ниневію доходитъ до Евфрата и Тигра, равно какъ и до Мадаевъ (мидянъ), Эламовъ (сузіанъ) и Парасовъ (персовъ). На югѣ она простирается до потомковъ Іоктана на южной оконечности счастливой Аравіи, жители которой и теперь еще называютъ себя Іоктанидами. Далѣе эта генеалогія народовъ обращается за Эритрейское море къ Кушитамъ (африканцамъ), которыхъ она подраздѣляетъ на потомковъ Мицраима (египтяне), Сабты или Саботы (сабейцы), Эвилы или Хевилы (не Апала ли?) и Нуба (т. е. современныхъ нубійцевъ и эѳіопянъ). На западѣ она касается Элиши, греческой Элиды въ Пелопонесѣ, Кафтора (Крита) и Китима (Кипра) съ сидонцами и финикіянами. Потомство Раама и Деданъ суть арабскія племена у южнаго океана и Персидско-Эритрейскаго моря, близъ Инда [1]); это самые восточные племена Моисеевой генеалогіи народовъ.

Въ новѣйшее время предпринято было много изслѣдованій по хронологіи, филологіи и древностямъ, и притомъ съ помощью такихъ научныхъ средствъ, которыя доселѣ не были еще извѣстны; поэтому можно надѣяться, что эти труды, а въ особенности отысканныя въ большомъ числѣ надписи, скоро еще болѣе разъяснятъ этотъ древнѣйшій памятникъ [2]).

Послѣ Сезостридовъ вся дѣятельность египтянъ, безъ сомнѣнія, была сосредоточена преимущественно на одной только долинѣ Нила. Непосредственныя сношенія ихъ съ чужими странами прекратились; наступили внутренніе раздоры въ раздробившихся до без-

---

[1]) Слова « близъ Инда » здѣсь грубая безсмыслица: племена эти, какъ и вообще арабскія племена почти до принятія Ислама, никогда не доходили такъ далеко. См. объ этихъ племенахъ и ихъ мѣстѣ жительства Julius Fürst, Hebräisches und Chaldäisches Handwörterbuch, Leipzig 1857 и слѣд.

Прим. ред. пер.

[2]) Knobel, Völkertafel der Genesis 1850.—Разборы надписей на памятникахъ Ниневіи и Сузы, сдѣланные Раулинсономъ и другими.

конечности царственныхъ династіяхъ. Однакоже при Фараонѣ Нехао (600 лѣтъ до Р. Х.) еще разъ возобновились побѣдоносные походы египтянъ противъ Іерусалима, Ассиріи и странъ, лежавшихъ по Евфрату. Но нападенія извнѣ положили конецъ и этому періоду. Судьба египтянъ послѣ покоренія ихъ Камбизомъ хорошо извѣстна всѣмъ. Съ этого времени они почти вовсе не могли содѣйствовать успѣхамъ всеобщаго землевѣдѣнія. Такое положеніе продолжалось до Эратосѳена и Клавдія Птолемея, первыхъ астрономическихъ и математическихъ географовъ въ Александріи; но и они были греки и только жили въ Египтѣ подъ покровительствомъ Птоломеевъ и Римлянъ.

ФИНИКІЯНЕ (карѳагеняне).

Финикіяне, народъ мореходный и торговый, ознакомились со стороны моря еще съ бо́льшею частью земной поверхности, чѣмъ современники ихъ — египтяне, проникавшіе въ чужія земли преимущественно сухимъ путемъ. Азія лежала на востокъ отъ финикіянъ, Африка — на югъ, Европа — на сѣверъ; свою же страну они считали центромъ этихъ трехъ частей свѣта и потому предполагали, что вся земля раздѣляется на эти три главные отдѣла. Такое дѣленіе впослѣдствіи заимствовано было у нихъ греками; финикійскія названія этихъ частей свѣта: Европа, Азія, Ливія (Африка) удержаны нами и до настоящаго времени.

Самыми замѣчательными изъ финикійскихъ городовъ были: Тиръ, на югѣ, Аруадъ (Арадъ), на сѣверѣ, и между ними Сидонъ (т. е. мѣсто жительства рыбаковъ); оба первые города были выселками изъ древнѣйшаго города Сидона, жители котораго, какъ это указываетъ намъ его названіе, первые перешли отъ кочевой жизни праотцевъ къ занятіямъ рыболовствомъ и мореплаваніемъ. Тиръ и Арадъ выстроены были на островахъ, у мысовъ, близъ самаго финикійскаго берега, — нынѣ Суръ и Руадъ. Далѣе на востокъ мы еще два раза встрѣчаемъ по два острова, носящихъ тѣ же самыя названія, именно: при входѣ въ Персидскій заливъ, насупротивъ позднѣйшаго Ормуза, и во внутреннемъ углу того же залива — нынѣшніе острова Бахрейнъ или Багрейнъ, на которыхъ производится самая дѣятельная ловля жемчуга. Въ обоихъ этихъ мѣстахъ лежало по два острова вмѣстѣ, всегда носившихъ названія Тиръ и Арадъ. Страбонъ (XVI, 766) говоритъ, что жители острововъ Тиросъ (так-

же Тилосъ) и Арадосъ въ Персидскомъ заливѣ утверждали, будто одноименные съ ними города и острова Финикіянъ заселены были выходцами отъ нихъ (ἀποίκους ἑαυτῶν). Геродотъ (I, 1 и VII, 89) приводитъ сказаніе персидскихъ логоевъ или лѣтописей, по которому финикіяне перешли нѣкогда съ береговъ Эритрейскаго (индо-аравійскаго) моря на берега Средиземнаго, а персы, по его мнѣнію, изъ всѣхъ народовъ обладали самыми лучшими историческими свѣдѣніями. Но эти мѣста встрѣтили самыя различныя толкованія у новѣйшихъ изслѣдователей; многіе оспаривали даже ихъ достовѣрность, а всѣхъ основательнѣе — Моверсъ. Дѣйствительно, названія острововъ подверглись у различныхъ авторовъ нѣкоторымъ измѣненіямъ. Но Плиній также называетъ нынѣшніе Багрейновы острова—Tylos и Tylos minor, на которые указываетъ, какъ на мѣста, гдѣ разведены были первыя хлопчато-бумажныя плантаціи (XII. 21: Arbores vocant gossympinos). Еще прежде него говорилъ тоже самое и упоминалъ объ островѣ Тилосѣ — Теофрастъ въ Hist. Plant. IV. 7. 7, а впослѣдствіи на Тилосъ и Арадосъ указываетъ и Птолемей. Еще во времена Александра Великаго и Страбона стояли тамъ финикійскіе храмы; оттуда купцы добывали жемчугъ и хлопчатую бумагу отъ Gossypium arboreum, дерева, о которомъ Теофрастъ зналъ, что оно растетъ въ Индіи. Въ этомъ мѣстѣ, вѣроятно, разведена была жителями Тира первая хлопчато-бумажная плантація въ передней Азіи. А. Гумбольдтъ (Космосъ II, стр. 161) полагаетъ, что Багреиновы острова были только торговыми факторіями финикіянъ.

Мы съ своей стороны, согласно съ древнѣйшимъ свидѣтельствомъ Геродота, думаемъ, что оба эти острова и города, три раза встрѣчаемые нами подъ одними и тѣми же названіями, были только тремя парами колоній, заложенныхъ финикіянами во время ихъ переселенія съ востока на западъ. Дѣйствительно, гораздо естественнѣе предполагать, что народъ, знавшій такъ хорошо востокъ уже въ самыя раннія времена, обиталъ первоначально на Персидско-эритрейскомъ побережіи, а не на берегу Средиземнаго моря.

Будучи величайшимъ торговымъ народомъ древности, какъ относительно сухопутной, такъ и морской торговли, финикіяне такимъ образомъ пріобрѣли мирнымъ путемъ обширнѣйшія свѣдѣнія о странахъ и народахъ какъ востока, такъ и запада.

О востокѣ знали они еще потому, что сами происходили оттуда. Историки ихъ описываютъ событія, совершившіяся за 1000 лѣтъ до Р. Х. и еще ранѣе; кромѣ того, весьма вѣроятно, что

даже вовсе не существовало историка Санхуніатона, а что этимъ именемъ обозначался просто сборникъ священныхъ книгъ финикіянъ (Movers, Phoenicier. I. 100). Космогонія халдейца Бероза относится къ позднѣйшей эпохѣ, именно ко времени Кира [1]); девять же книгъ Филона Библосскаго, безъ сомнѣнія, суть ничто иное, какъ позднѣйшій переводъ.

Изъ путешествій финикіянъ на востокъ одно имѣетъ для насъ особенный интересъ: еще во времена Давида и Соломона они плавали по Аравійскому заливу и Эритрейскому морю на востокъ—въ *Офиръ* [2]).

Въ то время израильскій и тирскій цари соединились для постройки флота въ гавани Элеаѳъ (Аилаѳъ, нынѣ Аила) или Эзеонъ—Геберъ (Асціумъ арабовъ, упоминаемый въ арабской рукописи X вѣка, но нынѣ неизвѣстный). Оттуда отправлялись они въ Офиръ за золотомъ, слоновою костью и драгоцѣнными пряностями. Положеніе обѣихъ названныхъ гаваней оставалось неизвѣстнымъ до новѣйшаго времени. Эд. Рюппель открылъ ихъ только въ 1822 г. (Monatl. Correspondenz für Astronomie von Zach. T. VII.—Aufnahme und Messung am Golf von Akabah. Aila 29⁰ 31′ С. Ш.). Что же касается Офира, то до сихъ поръ еще положительно неизвѣстно, находился ли онъ на восточномъ берегу Африки, въ богатой золотомъ Софалѣ, или въ южной части Аравіи, Arabia felix, (гдѣ въ Іеменѣ до сихъ поръ еще существуетъ гора Офиръ), или же, наконецъ, на западномъ побережьи индійскаго полуострова? Нѣкоторые указывали даже на островъ Цейлонъ, какъ на древній Офиръ. Произведенія, вывезенныя изъ этого путешествія, были всѣ чужеземныя и ни одно изъ нихъ не носитъ еврейскаго названія, кромѣ золота, которое уже и прежде было извѣстно, и въ этомъ

---

[1]) Это мѣсто изъ лекцій Риттера несогласно съ историческими данными: Берозусъ писалъ около 260—270 г., какимъ же образомъ можно отнести его космогонію (1-й томъ его халдейской или вавилонской исторіи въ 3 томахъ) ко времени Кира, когда великій завоеватель Киръ умеръ уже въ 529 г. до Р. Х., а другой Киръ, братъ Артаксеркса Мнемона, жившій около 150 лѣтъ послѣ перваго, убитъ былъ уже въ 400 г. до Р. Х. своимъ братомъ, послѣ сраженія въ долинахъ Кунакса, въ Вавилоніи. См. энциклопедію Эрша и Грубера, часть 9, секція I, стр. 223, гдѣ впрочемъ вообще данныя о Берозусѣ весьма невѣрны (статья о немъ въ этой энциклопедіи напечатана еще въ 1822 г.), преимущественно же Fragmenta hist. Graecorum. ed. Didot, t. II и M. v. Niebuhr, Geschichte Assurs u. Babels, 1857.

Прим. ред. пер.

[2]) Кейль, über die Hiram-Salomonische Schifffahrt nach Ophir und Tarsis. Dorpat 1834. Другаго мнѣнія: К. Риттеръ, über Ophir, въ Allgem. Erdk. т. XIV, стр. 348—431.

случаѣ пазвано офирскимъ золотомъ. Корабль привёзъ обезьянъ, названныхъ евреями *куфъ*, отъ санскритскаго *капи*; павлиновъ, которые и теперь еще живутъ въ дикомъ состояніи въ передней Индіи — прекрасная царственная птица — и у тамуловъ въ Деканѣ до сихъ поръ еще называются Tukhi-im [1]); сандальное дерево, которое растетъ только въ Индіи и извѣстно тамъ подъ названіемъ *альгуминъ*; слоновой кости, по еврейскому тексту — *шенъ-габимъ*, слово, которое можетъ быть объяснено только на основаніи санскритскаго языка, какъ *зубъ габима*, т. е. слона, санскритское названіе котораго — Ibha. По мнѣнію Шлегеля даже самое, впослѣдствіи искаженное, слово Elephas произошло отъ Al-Ibha-dante (что значитъ на санскритскомъ языкѣ: зубъ Ibha). Лассенъ производитъ этимологію всѣхъ названій, встрѣчающихся въ еврейскомъ текстѣ, при описаніи офирскаго путешествія, отъ коренныхъ индійскихъ словъ; съ арабскими же или африканскими нарѣчіями они, повидимому, не имѣютъ ничего общаго. Можно поэтому съ достаточною вѣрностью думать, что цѣлью офирскаго путешествія было западное побережье передней Индіи [2]).

Впрочемъ мы должны еще доказать преимущество нашего мнѣнія передъ мнѣніями другихъ, весьма уважительныхъ авторитетовъ.

Лассенъ отыскалъ въ санскритскихъ лѣтописяхъ, что около 1000 лѣтъ до Р. Х., слѣдовательно во времена Соломона и Да-

[1]) Важность этого даннаго заключается въ томъ, что слово Tukhi-im встрѣчается и въ Библіи (I кн. царей, гл. X, ст. 22 и II кн. Хроники, гл. 9, ст. 21) при описаніи офирскаго путешествія для обозначенія павлина, что, разумѣется, даетъ намъ право думать, что и предметъ этотъ, равно какъ и названіе, вывезенъ былъ изъ Индіи. Прим. ред. пер.

[2]) Бохартъ и Гезеніусъ въ Thesaurus высказались въ пользу южной оконечности Аравіи; они основывали свое рѣшеніе на результатахъ, выведенныхъ въ ихъ время изъ изученія одной только арабской филологіи. Ученый Quatremère (Mém. sur le Pays d'Ophir въ Mém. d'Inscript. et Bell. Lettres 1845. t. XV), основываясь на томъ, что изъ Офира было вывезено золото, помѣщаетъ его на золотоносномъ берегу Африки. Къ этому же мнѣнію склоняется и А. Гумбольдтъ въ Космосѣ II, стр. 166, опираясь на то, что изъ Офира, вмѣстѣ съ вышепоименованными дѣйствительно индійскими произведеніями, не были вывезены другія не менѣе характеристическія произведенія современной Индіи, напримѣръ шелкъ, хлопчато-бумажныя матеріи, пряности, корица, ладонъ и т. п., а вывезено, напротивъ того, такъ много золота, составляющаго въ настоящее время рѣдкость въ Индіи. Вотъ почему можно думать, что слово Офиръ обозначаетъ вообще богатыя произведеніями приморскія страны, какъ напр. въ настоящее время слово Востокъ.

вида, одно изъ санскритскихъ племенъ *Абгира* (Abhira) перешло съ верховьевъ Инда къ его устьямъ; такимъ образомъ это переселеніе произошло въ то самое время, когда вообще въ странѣ по Инду и Гангу распространились санскритскія племена, поклонники Брамы. Это племя принесло съ собою много золота изъ своей горной родины, лежавшей въ долинахъ Гималайскаго хребта, гдѣ и теперь еще можно было бы добывать изъ глубины земли достаточныя количества этого металла; но въ то время собирать его было еще гораздо легче, потому что оно лежало на поверхности земли въ видѣ самородковъ, какъ это было при открытіи Калифорніи и всѣхъ другихъ извѣстныхъ золотоносныхъ мѣстностей на Уралѣ, въ Венгріи, на Гаити, на островѣ Кубѣ, на всѣхъ Антильскихъ островахъ и въ Мехикѣ. Когда запасъ золота, собираемаго на поверхности земли почти безъ всякаго труда, истощается, а добываніе оставшихся подъ землею сокровищъ требуетъ тяжелыхъ подземныхъ работъ, тогда одна грубая жадность къ богатству, обыкновенно ищущая легкой добычи, отказывается отъ подобныхъ трудовъ. Такимъ образомъ и послѣ путешествія въ Офиръ умолкаетъ слава о добываемомъ въ Индіи золотѣ, потому что индійцы или боялись, или не знали тяжелой работы въ глубинѣ рудниковъ. Но эти сокровища остались тамъ и до настоящаго времени, только индусы не сдѣлались рудокопами. Племя *Абгира* (Афиръ или Офиръ) придвинулось къ устьямъ Инда, гдѣ торговый рынокъ *Баригаза* пріобрѣлъ впослѣдствіи такую извѣстность своею торговлею съ странами Запада. Только у этого племени корабли Соломоновы могли получать, посредствомъ покупки или обмѣна, произведенія сѣверной Индіи, подъ санскритскими названіями, и произведенія южной Индіи, Декана, подъ тамульскими названіями. Баригаза имѣла весьма важное значеніе, потому что она еще при Александрѣ Великомъ и въ позднѣйшій римскій періодъ была главнымъ торговымъ пунктомъ для всѣхъ западныхъ мореходцевъ и лежала на самой границѣ Сѣверной и Южной Индіи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ средніе вѣка, во время владычества португальцевъ, находились *Діу*, *Камбойя* и *Гоа*, гдѣ, наконецъ, въ настоящее время процвѣтаютъ огромные торговые рынки англичанъ — *Барода* и *Бомбей*. Такимъ образомъ финикійскіе кормчіе Соломоновыхъ кораблей были уже знакомы съ Остъ-Индіей и достигали почти до самого Цейлона.

Особенное очертаніе береговъ Средиземнаго моря, соединеніе его съ Атлантическимъ Океаномъ, рѣдкость бурь и вообще безъ-

опасность его, дѣлавшая плаваніе по немъ несравненно легче, чѣмъ плаваніе по Эритрейскому морю, — всѣ эти причины еще въ самыя раннія времена вели Финикіянъ къ знакомству съ Западомъ. Постепенно достигали они сначала до сосѣднихъ острововъ, потомъ до Египта, и наконецъ до Сиртовъ и Иберіи. Вездѣ закладывали они колоніи, изъ которыхъ каждая, какъ для нихъ, такъ и для послѣдующаго міра, составляла новое географическое открытіе. Колоніи эти были: Ципросъ (Кипръ, мѣдный островъ), Родосъ, Критъ (Кафторимъ), Сицилія (пшеничный островъ, западная половина), берегъ Барки, Кареагенъ, Утика, Лепта, Сардо (Сардинія), Иберія (южная Испанія), Тартесъ (прежде Дертцоза, Тортоза — по Редслобу — при устьи р. Эбро) и наконецъ Гадиръ (Кадиксъ), первая пристань ихъ въ океанѣ, по ту сторону Мелицертовыхъ (Геркулесовыхъ) столбовъ (Гибралтарскаго пролива). Тутъ финикіяне впервые увидѣли открытый океанъ. Какое великое открытіе для народа, жившаго по берегамъ замкнутаго Средиземнаго моря! Такимъ образомъ финикіяне первые пріобрѣли первоначальныя познанія объ океанѣ; самое слово *Океанъ*, происходящее отъ финикійскаго названія его *Огъ* и *Огенъ* т. е. всеобъемлющій, постоянно напоминаетъ намъ о минувшей дѣятельности этихъ изслѣдователей земли. Греки и римляне переняли въ свои языки названіе океана отъ финикіянъ.

Таково было время, когда, по словамъ пророка Исаія (гл. 23), владѣльцы кораблей и купцы города Тира были князьями земли и обладателями моря, подобно тому, какъ сезостриды были обладателями суши.

Кареагеняне продолжали на западѣ путешествія и открытія своихъ предковъ финикіянъ въ гораздо большихъ размѣрахъ. Къ югу они проникли сухимъ путемъ, караванами, въ Ливію и Нигрицію; побѣдоносные походы Ганнибала проложили имъ путь въ Иберію, Галлію и Италію. Къ сожалѣнію, для насъ потеряны свѣдѣнія о многихъ открытіяхъ этого народа. Что касается туземныхъ историческихъ источниковъ, то намъ остается только жалѣть, что, несмотря на ихъ многочисленность, почти всѣ они погибли, и ни одинъ изъ нихъ не сохранился въ первоначальной чистотѣ, на туземномъ языкѣ. Изъ множества донесеній и описаній кареагенянъ о прибрежныхъ плаваніяхъ ихъ намъ извѣстенъ всего одинъ отрывокъ; но и тотъ — въ греческомъ переводѣ, а не на кареагенскомъ языкѣ, который совершенно исчезъ съ лица земли подъ

гнетомъ римлянъ. Мы говоримъ о Periplus Ганнона [1]) т. е. описаніе путешествія его вдоль западнаго берега Африки, теперешнихъ горъ Атласа и Африканскаго прибрежья отъ Марокко до Церне. Ганнонъ, карѳагенскій полководецъ, начальствовалъ надъ флотомъ, который изъ Карѳагена направился вдоль сѣвернаго берега Африки (нынѣшняго Алжира) къ западу въ Атлантическій океанъ. Карѳагеняне поручили Ганнону заложить города на Ливійскомъ побережьи и съ этою цѣлью на корабли было посажено 30,000 мужчинъ и женщинъ, со всѣми необходимыми принадлежностями. При вступленіи въ Атлантическій океанъ путешественники принесли жертву Мелькарту, карѳагенскому Геркулесу, и молили его о благополучномъ окончаніи путешествія. Экспедиція, состоявшая изъ 60 кораблей (пятидесятивесельныхъ), съ 500 человѣкъ на каждомъ, плыла вдоль береговъ и достигла отдаленнаго, неизвѣстнаго намъ теперь острова *Церне* (не Горея-ли близъ Зеленаго мыса?). На пути путешественники пришли къ огромному южному рогу, западному рогу, *Ἑσπέρου κέρας*, Cornu Austri (Зеленый мысъ? Пальмовый мысъ?), далѣе къ *Θεῶν ὄχημα*, Deorum vehiculum, колесницѣ боговъ, высокой горѣ, лежащей въ заливѣ (не Гвинеи ли?), проплыли потомъ, среди удушливой жары, вблизи многихъ огненныхъ потоковъ (огнедышащихъ горъ?), изливавшихся въ море, и наконецъ достигли весьма жаркаго берега, съ душистыми испареніями, и острововъ, населенныхъ дикими людьми, поросшими волосами — *Γορίλλας*, у Плинія Gorgides или Gorgones, — вѣроятно, обезьянами. Никакимъ образомъ нельзя было поймать ни одного изъ мужчинъ, которые весьма быстро взбирались на утесы и бросали оттуда каменьями; изъ женщинъ же три были пойманы и убиты [2]). Здѣсь у путешественниковъ вышли всѣ жизненные припасы и они по необходимости должны были возвратиться въ Средиземное море. Эта экспедиція, по всей вѣроятности, достигла по крайней мѣрѣ далеко вдающагося въ океанъ Зеленаго мыса, а, можетъ быть, и Пальмоваго мыса. При дальнѣйшемъ продолженіи путешествія они легко проникли бы до поворотнаго круга у мыса Бланко и острова Аргуина. Неопредѣленность мѣста, до котораго они достигли въ

---

[1]) Вѣроятно донесеніе самого адмирала, сообщенное имъ карѳагенскому сенату. Текстъ его, въ греческомъ переводѣ, помѣщенъ въ первомъ томѣ «Geographi Graeci Minores», ed. Hudson. Oxon. 1698. Срав. Plin. II. 67. V. 1. VI. 36.

[2]) Кожи, снятыя съ нихъ, еще во времена Сципіона висѣли въ храмѣ Мелькарта въ Карѳагенѣ.

этомъ путешествіи, зависитъ отъ того, что можно различнымъ образомъ вычислять пройденное кареагенянами пространство по числу дней, употребленныхъ на плаваніе: такъ Реннель полагаетъ, что они проходили не болѣе 16—20 миль въ сутки, между тѣмъ какъ по мнѣнію Бугенвилля они могли проходить въ сутки вдвое бо̀льшее пространство, пользуясь теченіемъ и вѣтрами. Самый же текстъ донесенія не разрѣшаетъ этого вопроса. Арріанъ (Indic. 43.) говоритъ даже, будто кареагеняне плыли 35 дней по направленію къ востоку, а не къ югу. Во всякомъ случаѣ это была очень значительная морская экспедиція, которая все время, на протяженіи 300—400 географическихъ миль, плыла по океану вдоль неизвѣстнаго берега, населеннаго варварами. Время, когда совершена была эта экспедиція, также неизвѣстно въ точности. Госселинъ въ своихъ Recherches (II. 49. 6) относитъ ее къ 1000 году до Р. Х., слѣдовательно къ одному времени съ Соломоновымъ путешествіемъ въ Офиръ; Бредовъ—къ 770 году (въ Untersuchungen über Alte Geschichte u. Geogr.); Гугъ въ Freiburger Programm 1808 и Геккертъ въ своей «Исторіи и Географіи Римлянъ», I. 60—къ 500 году до Р. Х., а Клуге (Hannonis Periplus. Dissertat. 1828, съ пересмотрѣннымъ текстомъ оригинала) относитъ эту экспедицію къ 509 году до Р. Х. Въ гораздо позднѣйшее время, уже послѣ разрушенія Кареагена (146 г. до Р. Х.), Полибій, по приказанію своего покровителя Публія Корнелія Сципіона Африканскаго, предпринялъ (въ 145 г.) съ римскимъ флотомъ военную экспедицію на западъ, съ цѣлью отыскать и, вѣроятно, разрушить колоніи кареагенянъ по ту сторону Геркулесовыхъ столповъ [1]). Полибій, особенно извѣстный намъ какъ знаменитый историкъ, почерпнулъ изъ кареагенскихъ архивовъ весьма точныя свѣдѣнія о морскихъ путешествіяхъ кареагенянъ на западъ. Кромѣ того въ этомъ первомъ плаваніи своемъ по океану Римляне, безъ сомнѣнія, не могли обойтись безъ помощи кареагенскихъ лоцмановъ. У Плинія (Hist. Nat. V. 1) мы находимъ краткое извлеченіе изъ донесенія Полибія. Въ этомъ донесеніи встрѣчается нѣсколько новыхъ названій рѣкъ, горъ и мѣстностей, но по всему видно, что Полибій проникъ по ту сторону Атласа только до Promontorium Hesperium, до Theon Ochema и до фарузіянъ, слѣдовательно не далѣе тѣхъ мѣстъ, которыя посѣщали уже и кареагеняне. Позднѣйшій разсказъ Страбона (XVII. 826) о томъ, что въ южныхъ

---

[1]) Polyb. Hist. III. 59. и Exc. XVI. 29.

бухтахъ побережья западной Африки существовало около 300 опустѣлыхъ городовъ и поселеній, заложенныхъ жителями Тира и разрушенныхъ фарузіанами и нигритами (неграми?), могъ быть заимствованъ имъ только изъ потерянныхъ для насъ карѳагенскихъ источниковъ; изъ нихъ же, вѣроятно, почерпнуты были и позднѣйшіе разсказы римлянъ о группахъ острововъ, расположенныхъ въ тѣхъ частяхъ Атлантическаго океана. Такова древнѣйшая исторія открытій, сдѣланныхъ на западѣ Африки.

Фестъ Авіенъ и Плиній сообщаютъ, что одновременно съ Ганнономъ посланъ былъ въ атлантическій океанъ, къ берегамъ Европы, другой мореплаватель — Гимилько. По ихъ словамъ, онъ пробылъ въ дорогѣ четыре мѣсяца, но, испуганный водоворотами, тиной и темнотой, вернулся назадъ; разсказы о приключеніяхъ при этомъ путешествіи скоро стали извѣстны многимъ. Темнота дѣйствительно могла встрѣтиться Гимильку при дальнѣйшемъ плаваніи въ сѣверныхъ широтахъ. Морская тина также, кажется, не была простою выдумкою, потому что и спутниковъ Колумба, равно какъ и многихъ другихъ мореплавателей прошлыхъ вѣковъ, удерживали отъ дальнѣйшихъ попытокъ пловучіе луга, образуемые морскими водорослями, Sargasso (Fucus articulatus). Эти водоросли оплетались вокругъ ихъ судовъ и не позволяли имъ продолжать путешествія. По изслѣдованіямъ А. Гумбольдта, въ Атлантическомъ океанѣ, на высотѣ Азорскихъ острововъ, эти водоросли занимаютъ огромныя пространства и колышатся вмѣстѣ съ волнами, при чемъ впрочемъ остаются прикрѣпленными къ одному мѣсту. И такъ весьма вѣроятно, что карѳагенскіе мореплаватели достигли уже до этихъ мѣстъ [1]).

Такимъ образомъ римляне объѣзжали берега внѣшнихъ морей по слѣдамъ своихъ учителей — карѳагенянъ. Но они нигдѣ не называютъ карѳагенянъ этимъ именемъ, точно также какъ и

---

[1]) Gosselin, Recherches sur la Géogr. des Anciens. 4 ч. (на нѣмецкомъ языкѣ обработано Бредовымъ). — Heeren, Ideen über Politik, Verkehr und Handel der Alten Welt, 2 изд. — Hamacker, Miscellanea Phoenicia. Lugd. Bat. 1828.—Lelewel, Die Entdeckungen der Karthager und Griechen auf dem Ocean. Перев. съ польскаго. 1831. — Gesenius, Scripturae linguae Phoeniciae Monumenta. Lips. 4. 1837. 2 vol.—Movers, Phönicier. 3 ч. Берлинъ. 1850.—Schmeckel, Geographische Uebersicht der Phönicischen Colonien. Progamm. Мерзебургъ 1836.—Сочиненіе д-ра Генриха Барта, Wanderungen durch das Punische und Kyrenäische Küstenland, und Mogreb, Afrikia, Barkia. Берлинъ 1849 (съ картами) — заключаетъ въ себѣ результаты очень важныхъ изслѣдованій автора на самомъ мѣстѣ древняго Карѳагена.

въ наше время французы обыкновенно не упоминаютъ о предшественникахъ своихъ, ни у нѣмцевъ, ни у англичанъ, а приписываютъ все себѣ однимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что весьма многія географическія свѣдѣнія, впервые встрѣчаемыя нами у римлянъ, почерпнуты были ими изъ кареагенскихъ источниковъ. Послѣдніе, напримѣръ Marinus Tyrius, къ сожалѣнію, потеряны. Впрочемъ арабы, жившіе въ первыхъ вѣкахъ Халифата, хорошо знали этого писателя и часто ссылаются на него. Массуди (онъ написалъ въ 943 году свои «Золотыя Нивы—Moroudi Aldzeheb») въ своемъ послѣднемъ сочиненіи, написанномъ незадолго до его смерти (въ 956 году), прямо говоритъ, что онъ пользовался трактатомъ Марина Тирскаго и приложенными къ нему картами. Греческій текстъ его погибъ и намъ извѣстно только то, что имъ пользовался Птоломей: потеря эта для насъ весьма значительна.

Но это не единственная потеря! Такой народъ, какъ финикіяне, первые изобрѣтатели звуковой азбуки, перешедшей отъ нихъ ко всѣмъ семитическимъ народамъ, а, можетъ быть, и къ самимъ грекамъ, непремѣнно долженъ былъ имѣть богатую литературу. Этого предположенія не можетъ даже потрясти бѣдность и незначительность до сихъ поръ извѣстныхъ намъ памятниковъ ихъ и надписей, на которыхъ мы разбираемъ имена ничѣмъ не замѣчательныхъ личностей, но не встрѣчаемъ ни одного историческаго документа, ни одного факта всеобщаго историческаго значенія. Саркофагъ сидонскаго царя Эсмуназора вмѣстѣ съ надписями на немъ описанъ герцогомъ de Luynes (Парижъ 1856 г.). Но не забудемъ при этомъ, какое разореніе потерпѣли Тиръ и Кареагенъ во время истребительныхъ войнъ съ ассиріянами, македонянами и римлянами! Неподалеку отъ развалинъ древнихъ городовъ возникали изъ ихъ обломковъ новыя римскія поселенія; огромное количество строительнаго матеріала растаскано было повсюду; наконецъ пережиганіе мрамора въ известь было тогда во всеобщемъ употребленіи. Что же касается литературы, то у Санхуніатона, Бероза, Филона Библоскаго мы находимъ только отрывки или передѣлки позднѣйшаго времени, точно такъ, какъ у Птоломея мы находимъ выписки изъ Марина Тирскаго. Іосифъ Флавій (c. Apion. T. II, стр. 447) утверждаетъ, что памятники отечественной исторіи пунійцевъ издавна сохранялись самымъ тщательнымъ образомъ въ Тирѣ. Еще въ книгѣ Іис. Навина (15, 15) покоренный при вторженіи въ землю Ханаанскую городъ при Хевронѣ названъ Kiriat Sefer—городъ книгъ, отечественныхъ архивовъ (градъ пись-

менъ). Сохраненный у Евсевія отрывокъ изъ космогоніи Санхуніатона, по греческому переводу Филона, составляетъ почти единственный, извѣстный намъ письменный памятникъ финикіянъ, свидѣтельствующій о существованіи у нихъ литературы [1]). Исторіи Тира, на которыя ссылаются Іосифъ Флавій, Таціанъ, Климентъ Александрійскій и Евсевій, написаны были на греческомъ языкѣ, но, безъ сомнѣнія, по финикійскимъ источникамъ; то же самое должно сказать и о Менандрѣ, Діѣ, Іеронимѣ—Египтянинѣ и другихъ, сочиненія которыхъ всѣ утрачены. Страбонъ (XVI. 757) упоминаетъ о философѣ Мосхусѣ изъ Сидона, жившемъ и писавшемъ еще до троянской войны. Карѳагенъ также имѣлъ свои архивы; но они были истреблены римлянами, не желавшими, чтобы сохранились военныя донесенія Ганнибала, которыя врядъ ли согласовались бы съ извѣстіями, сообщенными Полибіемъ и Ливіемъ. Между тѣмъ въ этихъ архивахъ можно было бы найти много извѣстій о Финикіи. Маго написалъ на пуническомъ языкѣ нѣсколько превосходныхъ сочиненій о земледѣліи, изъ которыхъ мы имѣемъ только нѣсколько извлеченій. Полибій оставилъ намъ (III. гл. 22 — 25) мирный договоръ между Карѳагеномъ и Римомъ (въ 509 году до Р. X.). Много подобныхъ трактатовъ заключено было между карѳагенянами и римлянами, сицилійцами, иберійскими и африканскими царями, и всѣ эти документы, вѣроятно, сохранялись въ Карѳагенѣ, въ архивѣ сената. Во время покоренія этой столицы римлянами въ ней существовала библіотека, на которую впрочемъ гордые римляне, не знавшіе пуническаго языка, обратили мало вниманія. Римскіе писатели говорятъ, что Сципіонъ роздалъ ее Массиниссѣ и другимъ союзнымъ царямъ. Все это достаточно объясняетъ бѣдность дошедшей до насъ карѳагенской литературы. Напрасно льстили себя въ послѣднее время надеждою отыскать въ Тимбукту или въ другихъ городахъ внутренней Африки какіе нибудь слѣды тѣхъ нитей, которыя нѣкогда связывали эти мѣста съ Карѳагеномъ. Между тѣмъ въ средніе вѣка у арабовъ и португальцевъ, и еще теперь на берегахъ Сенегала и Нигера, мы встрѣчаемъ множество преданій о блескѣ и величіи Карѳагена.

О другихъ отрасляхъ своей дѣятельности — о своей индустріи, мореплаваніи, открытіяхъ, о выдѣлкѣ стекла и наконецъ объ искусствѣ окрашивать ткани пурпуромъ — финикіяне оста-

---

[1]) См. Cosmographia et Theologia Phoenicum Sanchuniathon. ed. Orelli. Lips. 1826.

вили послѣдующему міру болѣе достовѣрныя свѣдѣнія, чѣмъ о своей литературѣ: но, при всемъ томъ, имъ не суждено было сдѣлаться владыками земли. Темная сторона ихъ національнаго характера слишкомъ ясно высказывается во многихъ учрежденіяхъ ихъ, гибельныхъ для человѣчества. Они должны были наконецъ сойти съ поля всемірной исторіи; азіатскій характеръ ихъ не долженъ былъ стѣснять новаго, самобытнаго развитія народовъ Европы.

Участь, постигшая кареагенянъ на западѣ со стороны римлянъ, выпала и на долю финикіянъ отъ грековъ въ восточныхъ частяхъ Средиземнаго моря. Финикіяне уже въ самой глубокой древности плавали по Черному и Каспійскому морямъ, посѣщали ихъ берега и острова и къ сѣверу достигали даже до нынѣшней Россіи, именно до Крыма и устьевъ Танаиса (Дона). Но и объ этихъ путешествіяхъ мы не имѣемъ собственныхъ разсказовъ финикіянъ. Только изъ пѣсенъ Гомера мы узнаемъ въ общихъ чертахъ, что по греческому Архипелагу, вдоль сѣверныхъ береговъ Малой Азіи и вообще по прибрежью Понтійскаго и Каспійскаго морей, разъѣзжали по всѣмъ направленіямъ многіе финикійскіе торговцы. Они приставали къ безчисленнымъ островамъ и прибрежнымъ городамъ Малой Азіи и Греціи, для мѣновой торговли; но въ то же время они занимались еще морскими разбоями, грабежемъ и захватывали людей. Вслѣдствіе этого плаваніе по этимъ морямъ было въ то время также опасно, какъ въ позднѣйшія столѣтія плаваніе по западнымъ частямъ Средиземнаго моря, гдѣ грабили алжирскіе берберы. Но эти восточные пунійцы вытѣснены были изъ этихъ мѣстъ въ Средиземномъ морѣ, вскорѣ послѣ того, какъ въ Малой Азіи, Сициліи и Великой Греціи возникли приморскія греческія государства и колоніи. Греки обогатились не только прежнею торговлею финикіянъ въ этихъ мѣстахъ, но и пріобрѣтенными ими географическими познаніями; въ этомъ отношеніи особенно отличились милетяне. Неутомимые милетяне основали собственныя свои колоніи по берегамъ Понта, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ передъ тѣмъ финикіяне вели торговлю съ туземцами; за милетянами послѣдовали уже и другіе греки [1]). Такимъ образомъ вокругъ Понта Эвксинскаго вскорѣ начали процвѣтать многочисленныя греческія колоніи, какъ Истрополь,

[1]) Heyne, Opuscula academica. Gott. 1787. T. II. III. — Hegewisch, Geographiche u. histor. Nachrichten über die Colonien der Griechen. — Raoul-Rochette, Colonies des Anciens. — Movers, Phönicier. ч. III.

Ольбіополь, Борисѳенская колонія, Фанагорія, Пантикапея, Синдика, Синопа и др. Всѣ онѣ скоро прославились своимъ богатствомъ и новыми удивительными разсказами о чужихъ странахъ и народахъ. Милетское богатство и милетскія сказки обратились въ пословицу. Еще въ очень раннія времена въ этихъ колоніяхъ, преимущественно же въ Синдикѣ на Фазисѣ, можно было встрѣтить индійскихъ торговцевъ, съ которыми іоняне были въ сношеніяхъ еще гораздо прежде, чѣмъ Индія сдѣлалась извѣстною грекамъ и остальной Европѣ.

Такимъ образомъ финикіяне первые распространили свѣдѣнія объ эвксинскомъ и кавказскомъ сѣверѣ; но плодами ихъ открытій воспользовались не они сами, а милетяне и одноплеменники ихъ греки, которые отъ этого обогатились и стали могущественны. Между тѣмъ миролюбивые финикіяне, уступивъ имъ эти моря, отыскали другіе еще болѣе выгодные торговые пути, но при этомъ съ удвоеннымъ рвеніемъ старались содержать свои открытія втайнѣ. И дѣйствительно, они въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій были единственными торговцами самыхъ рѣдкихъ и дорогихъ въ то время произведеній, какъ-то: янтаря (электронъ), олова (касситеросъ), привозимаго ими съ береговъ Балтійскаго моря, серебра—изъ Испаніи (Тартесса), слоновой кости и золотаго песку—изъ Сиртскихъ бухтъ, пряныхъ кореньевъ и жемчуга—изъ Эритрейскаго моря. Чужеземцамъ они сообщали одни только сказки и различныя выдумки о приключеніяхъ и опасностяхъ при своихъ отдаленныхъ морскихъ плаваніяхъ; изъ этихъ то разсказовъ образовались всѣ сказанія о гарпіяхъ и грифахъ Понта Эвксинскаго, о муравьяхъ, охраняющихъ золото, о Сциллѣ и Харибдѣ близъ Сициліи, о студенистомъ сѣверномъ морѣ и т. п. Сами же финикіяне уже задолго до Гомера умѣли примѣнять астрономію къ мореплаванію и совершать путешествія по открытому морю ночью. Греки и римляне, напротивъ того, еще долгое время плавали только вдоль береговъ, не осмѣливаясь выйти въ открытое море и совершали свои переѣзды только днемъ. Въ теченіи первыхъ четырехъ столѣтій существованія римской республики, римляне были еще чрезвычайно стѣснены финикіянами и карѳагенянами, которые въ виду Лаціума заняли сосѣдственные съ нимъ острова: Сицилію, Сардинію и Корсику. По древнѣйшему торговому договору (по Polyb. Hist. c. 22 in initio belli Punici), заключенному въ 509 году до Р. Х. (245 г. по постр. Рима) между карѳагенянами и римской республикой, судамъ послѣдней предоставлено было отъѣзжать не далѣе бе-

реговъ Лаціума и не выступать за предѣлы Тирренскаго моря, а также не плавать и не производить торговли на западѣ съ Иберіею. Пунійцы обозначили даже тѣ мысы, которыхъ римляне не должны были огибать, напрпм. Pulchrum Promontorium (τὸ καλὸν ἀκρωτήριον), лежавшій на сѣверозападѣ отъ Карѳагена. Они старались препятствовать всякой попыткѣ римлянъ пробраться за Геркулесовы столпы. Такъ Страбонъ (XVII. 802) говоритъ, что они топили всякое судно, проходившее мимо острова Сардиніи, или направлявшееся къ Геркулесовымъ столпамъ. Далѣе (III. 176) тотъ же писатель разсказываетъ, что когда впослѣдствіи одно римское судно, желая выслѣдить торговые пути карѳагенянъ, все таки пробралось за Геркулесовы столпы по слѣдамъ какого то карѳагенскаго корабля, то послѣдній преднамѣренно направился на мель; римское судно послѣдовало за нимъ и погибло. Карѳагенянинъ же спасъ свою жизнь и получилъ отъ отечественнаго сената богатое вознагражденіе за потерю товаровъ.

Финикіяне поступали ничѣмъ не хуже португальцевъ, которые, уже въ новѣйшія времена, положили даже смертную казнь за плаваніе по ихъ морямъ и распространеніе свѣдѣній о нихъ; не хуже и голландцевъ, которые подобными же средствами обезпечивали за собою въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій монополію продажи пряностей въ цѣлой Европѣ и пріобрѣли такимъ образомъ огромныя богатства. Греки, напротивъ того, держали себя совершенно иначе: они охотно разсказывали о всемъ, что только могли узнать отъ финикіянъ и другихъ сосѣдей. Такъ даже и самъ Геродотъ (440 г. до Р. Х.), отецъ исторіи и въ то же время основатель географіи, сначала много путешествовалъ по торговымъ дѣламъ, посѣтилъ милетскія колоніи до Танаиса и Колхиды, у подножія Кавказа, и только впослѣдствіи записалъ свои наблюденія. Онъ первый открылъ классически образованнымъ народамъ географическія тайны финикіянъ и соплеменниковъ своихъ — милетянъ о сѣверной части древней Европы и Азіи.

И такъ мы знаемъ, что финикіяне плавали по Средиземному морю, по Понту и даже по западному океану. Но они проникали также и на востокъ, по Индійскому океану, до Цейлона и многихъ гаваней на берегахъ Индіи [1]).

---

[1]) А. В. Шлегель сомнѣвается въ этомъ, основываясь на томъ отрицательномъ соображеніи, что у финикіянъ нигдѣ не упоминается объ индійскихъ слонахъ и что слѣдовательно они не знали ихъ. Но многое ли даже изъ того, что

Разсказъ Геродота (IV, 42) доказываетъ, что финикіяне знакомы были и съ южными частями океановъ. Египетскій царь Нехо (Фараонъ Нехао или Некусъ II, 611—595 до Р. Х.) принялъ въ свою службу опытныхъ финикійскихъ моряковъ и приказалъ имъ, выйдя изъ Эритрейскаго (Чермнаго) моря, обойти на корабляхъ вокругъ всей Ливіи и чрезъ Геркулесовы столпы возвратиться съ юга къ сѣверному морю и къ устьямъ Нила. Это одно, прибавляетъ Геродотъ, уже доказываетъ, что Ливія омывается моремъ со всѣхъ сторонъ. Такимъ образомъ эти финикіяне первые совершили путешествіе вокругъ Африки и употребили для этого, по словамъ Геродота, три года. Таково было первое, конечно, довольно смутное знакомство древнихъ съ южнымъ полушаріемъ земли. Должно предполагать, что Нехао имѣлъ уже какія нибудь свѣдѣнія о пути, проложенномъ финикіянами и карѳагенянами по Атлантическому океану вдоль западныхъ береговъ Ливіи; иначе онъ не могъ бы поставить задачею экспедиціи возвратиться чрезъ Геркулесовы столпы. Къ сожалѣнію, разсказъ Геродота объ этомъ путешествіи чрезвычайно коротокъ и передаетъ намъ почти одинъ только голый фактъ, что̀ давало поводъ сомнѣваться въ справедливости этого извѣстія, какъ и многихъ другихъ показаній Геродота. Но недостатокъ въ исторической критикѣ можетъ столько же высказываться въ ни на чемъ неоснованномъ сомнѣніи, сколько и въ безусловной довѣрчивости. Разсказъ не представляетъ ничего невѣроятнаго; напротивъ того, весьма важнымъ доказательствомъ въ его пользу служитъ собственное сомнѣніе Геродота въ его справедливости. Моряки, посланные Нехао, разсказывали, что во время ихъ плаванія вдоль береговъ Ливіи солнце было у нихъ по правую руку; а между тѣмъ они плыли на западъ. Это кажется Геродоту невѣроятнымъ. И дѣйствительно, въ Средиземномъ морѣ, отъ Египта къ Геркулесовымъ столпамъ, или же изъ Тира въ Гадеиру, всегда и неизмѣнно солнце свѣтило мореплавателю слѣва, т. е. съ юга; въ южномъ же полушаріи явленіе это происходитъ на оборотъ: солнце тамъ въ полдень стоитъ къ сѣверу отъ мореплавателя. «Я не могу этому вѣрить, чистосердечно восклицаетъ Геродотъ; можетъ быть, найдутся другіе, которые повѣрятъ этому!» Его недовѣріе рѣшительно под-

---

они, безъ сомнѣнія, знали, дошло до насъ? Впрочемъ совершенно противное доказываетъ индійское названіе слоновой кости (Schen habim, зубъ Габима), вывезенной изъ Офира союзнымъ флотомъ Хирама и Соломона при посредствѣ финикійскихъ матросовъ.

тверждаетъ дѣйствительность путешествія. Люди, не обладавшіе никакой астрономическо-географической теоріей (по которой они бы знали, что только въ южномъ полушаріи солнце обращено въ полдень къ сѣверу), не могли разсказывать этого, не бывши сами очевидцами такого явленія. А это, какъ мы уже замѣтили, весьма вѣроятно. Какъ только они перешли чрезъ тропикъ козерога т. е. нѣсколько дальше Момбазы и Зангебара, то всѣ трудности путешествія были уже преодолѣны, и нѣтъ причины отрицать дѣйствительность его. Береговыя теченія южной Африки и вѣтры должны были даже благопріятствовать плаванію ихъ на югъ и на западъ. Это доказалъ I. Реннель въ своихъ Researches on the Geographical System of Herodot. Lond. 1830, а Гееренъ, Шлегель и Гумбольдтъ соглашаются съ нимъ. Впрочемъ это путешествіе очень мало исправило прежнія ошибочныя понятія древнихъ о видѣ земли, что̀ доказываетъ только, что это открытіе (не имѣвшее никакихъ послѣдствій) было слишкомъ велико для своего времени и не могло быть ни понято, ни оцѣнено по достоинству. Оно было единственнымъ въ своемъ родѣ и людямъ того времени было гораздо труднѣе постичь его значеніе, чѣмъ современникамъ Колумба оцѣнить открытіе его на западѣ. О величественныхъ предпріятіяхъ Нехао свидѣтельствуютъ барельефы и рисунки въ его катакомбахъ. Бельцони отыскалъ возлѣ Ѳивъ, въ числѣ многихъ царскихъ гробницъ, и великолѣпно сдѣланную гробницу Фараона Нехао. Многочисленныя гіероглифическія надписи, находящіяся въ ней и, вѣроятно, заключающія въ себѣ свѣдѣнія о правленіи и дѣяніяхъ его, ожидаютъ еще толкователя.

Міровою задачею того времени былъ Югъ, подобно тому какъ впослѣдствіи ею сдѣлался Западъ и, наконецъ, Сѣверъ. Впрочемъ надъ разрѣшеніемъ ея работали не одни финикіяне [1]). Геродотъ

---

[1]) Гераклидъ Понтійскій, платоникъ, авторъ книги περὶ πολιτειῶν, въ одномъ изъ своихъ діалоговъ, на который ссылается Страбонъ, выставляетъ магика, увѣряющаго, что онъ объѣхалъ моремъ вокругъ всей Ливіи. Посидоній въ одномъ сочиненіи о всѣхъ путешественникахъ вокругъ Ливіи говоритъ, что, по словамъ Геродота, Нехао (въ текстѣ ошибочно сказано Дарій) въ 616 г. до Р. Х. велѣлъ совершить путешествіе вокругъ Африки. Далѣе онъ разсказываетъ о донесеніи Евдокса о путешествіи вокругъ Ливіи и о найденныхъ на пути корабельныхъ знакахъ жителей Гадейры. Plin. II. 67: Nepos Cornelius auctor est Eudoxum quendam sua aetate, cum Lathyrum Regem fugeret, Arabico sinu egressum Gades usque pervectum; multoque ante eum Caelius Antipater, vidisse se, qui navigasset ex Hispania in Aethiopiam commercii gratia.

разсказываетъ, что персидскій царь Ксерксъ велѣлъ Сатаспу, въ наказаніе за изнасилованіе одной знатной персіанки, объѣхать моремъ вокругъ всей Африки по направленію, противуположному тому, по которому отправилась сейчасъ упомянутая экспедиція, именно выѣхать чрезъ Геркулесовы столпы и возвратиться Аравійскимъ заливомъ. Сатаспъ, по его словамъ, пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ въ дорогѣ, обогнулъ одинъ изъ мысовъ Африки, по названію Solonis, но, наконецъ, видя что путь становится все длиннѣе, отказался отъ предпріятія и прежнимъ путемъ вернулся назадъ, за что, по приказанію Ксеркса, посаженъ былъ на колъ. Гиллани (Martin Behaim, 1850, стр. 73) справедливо заключаетъ изъ всего этого, что возможность объѣхать моремъ вокругъ Африки была извѣстна древнимъ, въ особенности же финикіянамъ, имѣвшимъ много колоній на западномъ берегу ея. Впрочемъ эти извѣстія считались сказками до тѣхъ поръ, пока португальцы не начали подвигаться все далѣе по африканскому берегу и не достигли, наконецъ, мыса Доброй Надежды [1]).

Свѣдѣнія финикіянъ объ атлантическомъ океанѣ, о прибрежныхъ странахъ его и близлежащихъ къ нимъ островахъ должны были расширяться почти одновременно. Канарскіе острова расположены у южной оконечности Атласа и отстоятъ отъ африканскаго берега всего на 40 географич. миль; это Insulae Fortunatae Плинія (VI. 37), который сообщаетъ о нихъ, на основаніи карѳагенскихъ источниковъ, много замѣчательныхъ свѣдѣній; наши предшественники не понимали этихъ разсказовъ Плинія и называли ихъ баснями. Но превосходныя наблюденія, сдѣланныя Бухомъ на Канарскихъ островахъ, бросили новый свѣтъ на всю главу Плинія, посвященную этой группѣ островов [2]). Впрочемъ съ ними не должно смѣшивать такъ называемыхъ «острововъ блаженныхъ» (Элизіонъ), которые Гомеръ въ своихъ пѣсняхъ помѣщаетъ гораздо далѣе на океанѣ. Они принадлежатъ къ тѣмъ идеальнымъ областямъ, которыми воображеніе всегда украшаетъ самыя отдаленныя концы земли. Весьма вѣроятно, что финикіянами же

---

[1]) На глобусѣ Мартина Беэма, рисованномъ въ Нюренбергѣ въ 1492 году, слѣдовательно за 6 лѣтъ до открытія мыса Доброй Надежды Васко-де-Гамою, южная часть Африки изображена уже такъ, что видна возможность объѣхать ее и путь въ Остъ-Индію уже обозначенъ. Но какимъ образомъ могло попасть туда названіе Caput bonae Spei?

[2]) Leop. v. Buch, Die Canarischen Inseln, съ атласомъ. Берлинъ 1825.

были открыты оба пурпурные острова (Purpurariae Insulae), упоминаемые Плиніемъ и Плутархомъ; это были, по всей вѣроятности, вновь отысканные впослѣдствіи острова Мадера и Порто Санто.

Путешествія, совершенныя финикіянами изъ Гадеса на Сѣверъ, покрыты глубокимъ мракомъ. Они проходили мимо Бетики, Лузитаніи и Иберіи (нынѣшней Португаліи и Испаніи) въ Сѣверное море, на островъ Іерне (Ирладнія) и въ нынѣшнюю Великобританію. Впрочемъ тогда нигдѣ еще не упоминаются эти названія. Однакожъ нѣтъ сомнѣнія, что финикіяне посѣщали тамъ богатыя оловомъ Касситериды (Сциллейскіе острова и Корнвалисъ) [1] и вели обширную торговлю янтаремъ (электронъ) съ отдаленными ютландскими, датскими островами, а, можетъ быть, даже и съ прусскими берегами Нѣмецкаго и Балтійскаго морей.

Такимъ образомъ торговыя путешествія финикіянъ простирались по крайней мѣрѣ отъ Сциллейскихъ острововъ до Цейлона. Изъ всѣхъ народовъ древности они обладали обширнѣйшими познаніями о землѣ и они же распространили ихъ между ними.

ГРЕКИ.

Греки значительно увеличили сумму научныхъ свѣдѣній о землѣ; но это не единственная заслуга ихъ въ этой области: имъ же мы обязаны и первою обработкою географической науки.

Древнѣйшимъ путешествіемъ ихъ въ неизвѣстныя страны былъ знаменитый *походъ Аргонавтовъ* черезъ понтъ Евксинскій [2]) въ землю колхидянъ. Этотъ походъ совершенъ былъ еще во времена, предшествовавшія Гомеру [3]), и разсказъ о немъ почти такъ же

---

[1]) *Κασσίτερος*, драгоцѣнный металлъ, впослѣдствіи олово, очень рѣдкій въ то время, потому что его добывали только въ Месопотаміи и въ одной части Индіи.

[2]) Греки хвалились, что они первые открыли доступъ въ это море. Ихъ схоліасты утверждаютъ, что, только благодаря грекамъ, оно изъ ἄξεινος (негостепріимнаго) сдѣлалось εὔξεινος (гостепріимнымъ), и вовсе не упоминаютъ при этомъ о финикіянахъ; жителей же Каріи и Крита, которые еще прежде грековъ плавали по этому морю, они изображаютъ разбойниками.

[3]) Уже Гомеръ говоритъ о путешествіи корабля Арго, которое по его словамъ было πᾶσι μέλουσα, т. е. интересовало всѣхъ и о которомъ слышалось много пѣсенъ и разсказовъ (Одиссея XII, 70), хотя стихъ этотъ и считаютъ позднѣйшею вставкою. Гомеру хорошо извѣстно это событіе, только онъ не называетъ Язона

запутанъ и неяссенъ, какъ разсказъ евреевъ о путешествіи въ Офиръ [1]). Походъ аргонавтовъ еще весьма рано воспѣтъ былъ поэтами, но пѣсни ихъ, къ сожалѣнію, утрачены; дошедшія же до насъ Argonautica сложены всѣ въ гораздо позднѣйшую эпоху различными лицами,какъ напр. пѣсни Аполлонія Родосскаго (2—400 лѣтъ по Р. Х.) и др. Эти Argonautica составлены по отрывкамъ прежнихъ пѣсенъ и потому въ нихъ трудно отличить истину отъ вымысла. Многое въ нихъ возбуждаетъ наше сомнѣніе, многое совершенно темно для насъ. Но географическія данныя, встрѣчающіяся въ этихъ пѣсняхъ, указываютъ на историческую основу, которая не могла быть только вымысломъ поэтовъ (Танаисъ, Меотисъ, пороги Борисѳена, курганы [tumuli] и проч.). Эти пѣсни знакомятъ насъ съ древнѣйшею географіею и этнографіею сѣверной и восточной Европы во времена финикіянъ; свѣдѣнія эти были послѣ совершенно забыты греками, но тѣмъ не менѣе и теперь еще они подтверждаются во многихъ мѣстахъ; нѣчто подобное мы видимъ въ Луизіадѣ Камоэнса, представляющей картину индійскаго міра въ средніе вѣка, подъ владычествомъ португальцевъ.

Почти каждому открытію новыхъ странъ предшествуетъ сказаніе, словно указывающее ему дорогу. Мы видимъ тоже самое и здѣсь: съ именемъ Геллеспонта связано сказаніе о путешествіи Фрикса и Геллы съ цѣлью добыть сокровища изъ дальнихъ странъ. Поэтому цѣлью похода аргонавтовъ всегда представляютъ золотое руно колхидянъ. Гезіодъ (800 г. до Р. Х.) повѣствуетъ, что аргонавты выплыли на кораблѣ Арго по Фазису въ океанъ, оттуда направились далѣе — на югъ и на западъ и, наконецъ, пройдя по рѣкѣ или озеру Тритонъ въ Ливіи, попали снова въ Средиземное море, именно въ Сиртскія бухты, къ западу отъ Киренаики. Такой способъ возвращенія, во время котораго аргонавты должны были нѣкоторое раз-

---

его героемъ и не обозначаетъ цѣли путешествія (Колхиды). Пѣсни Гомера страннымъ образомъ умалчиваютъ обо всемъ сѣверномъ берегѣ Малой Азіи и Черномъ морѣ, между тѣмъ какъ онѣ же такъ часто распространяются о берегахъ Босфора, о близлежащей области Трои и о западномъ берегѣ Малой Азіи. Трудно допустить, чтобы причиною этого молчанія было дѣйствительное незнаніе сѣвера Малой Азіи. Еще Страбонъ (XII. 553) защищаетъ Гомера отъ обвиненія въ незнакомствѣ съ Понтомъ. Гораздо вѣроятнѣе предположеніе Уккерта, который объясняетъ подобное молчаніе тѣмъ, что берега эти, много разъ уже воспѣтые орфиками, были хорошо извѣстны всѣмъ и потому тамъ не было простора фантазіи поэта.

[1]) Strabo I, 46.—Schönemann, Commentatio de Geographia Argonautarum. Gotting. 1788. 4.—Uckert, über die Argonautenfahrt. Weimar 1816.

стояніе тащить свое судно сухимъ путемъ, находится въ связи съ понятіемъ грековъ о происхожденіи рѣкъ и съ служеніемъ Посейдону, перенесенному въ Грецію изъ Ливіи. Многіе поэты послѣдовали примѣру Гезіода. Трагики, какъ Софоклъ, приписываютъ аргонавтамъ тотъ же возвратный путь. Географъ Гекатей Милетскій, основываясь на другой теоріи объ источникахъ большихъ рѣкъ, о которыхъ тогда думали, что они берутъ начало изъ моря, говоритъ, что корабль Арго съ юга, по большой рѣкѣ Нилу, вошелъ въ Средиземное море и оттуда въ Понтъ.

Греки постепенно все болѣе и болѣе знакомились съ Югомъ; Сѣверъ долго еще былъ полонъ мрака и басенъ. Вотъ почему позднѣйшіе поэты гораздо охотнѣе заставляютъ аргонавтовъ возвращаться черезъ загадочный Сѣверъ, чѣмъ черезъ Югъ, хорошо извѣстный грекамъ уже со временъ Александра. Тимей (около 320 года до Р. Х.) и другіе поэты, убѣдившись, что Фазисъ не впадаетъ въ океанъ, а Нилъ не вытекаетъ изъ него, иначе изображали походъ аргонавтовъ: у нихъ Арго подымается вверхъ по одной изъ сѣверныхъ рѣкъ — Танаису, Борисѳену или Истру, до самыхъ истоковъ ея, а оттуда нѣкоторое пространство переносится сухимъ путемъ до Сѣвернаго океана или Кроносова моря, т. е. до нашего нѣмецкаго моря; для нихъ это было шествіе на сѣверо-западъ. Изъ Кроносова моря (Нѣмецкое и Сѣверное моря), до котораго девять дней пути, корабль мимо Іерне (Ирландіи) возвратился въ Средиземное море чрезъ проливъ у Гадейры. Здѣсь уже, въ западной Европѣ, буря могла забросить корабль къ Сиртамъ, къ озеру или рѣкѣ Тритона: это божество научаетъ путешественниковъ (какъ Гомеровскій Протей — Одиссея), какимъ образомъ счастливо добраться до отечества. Такимъ образомъ произведенія новѣйшихъ поэтовъ, сочетаясь съ древнѣйшими и обогащаясь результатами новыхъ географическихъ открытій, могли постоянно украшаться новыми поэтическими вымыслами. Аполлоній Родосскій, послѣдній изъ греческихъ поэтовъ, воспѣвавшихъ походъ аргонавтовъ, избралъ для своихъ героевъ еще иной путь, именно вверхъ по Истру (о которомъ греки узнали позже, чѣмъ о другихъ сосѣднихъ рѣкахъ) до его истоковъ, оттуда въ Адріатическое море, которое онъ представлялъ себѣ лежащимъ вблизи отъ Истра. Онъ писалъ въ 196 году до Р. Х., былъ современникомъ Эратосѳена и его преемникомъ въ должности библіотекаря въ Александріи: этимъ легко объясняется близкое знакомство его съ описываемою имъ мѣстностью. Онъ называетъ Истръ (Дунай) рогомъ океана, широкимъ,

глубокимъ и судоходнымъ, и въ этомъ отношеніи онъ правъ, потому что ему было извѣстно только мощное нижнее теченіе Дуная. Понятіе его о большихъ рѣкахъ было то же, что и нынѣшнихъ китайцевъ, которые также называютъ свои колоссальныя рѣки Гоанго и Янъ-тче-Кіангъ сынами океана и думаютъ, что онѣ обязаны ему своимъ происхожденіемъ. Впрочемъ взглядъ этотъ раздѣляется многими приморскими народами, воображающими, что рѣка беретъ начало не изъ тѣхъ мѣстъ, которыя мы называемъ истоками, а изъ моря: приливъ, подымающійся вверхъ по рѣкѣ, даетъ поводъ къ такому взгляду.

Сдѣлаемъ теперь краткій обзоръ всего, до сихъ поръ сказаннаго. Всѣ поэты, писавшіе Argonautica, согласны насчетъ путешествія въ Колхиду; это преданіе основано на историческомъ фактѣ временъ, предшествовавшихъ Гомеру [1]). Это первая большая морская экспедиція эллиновъ, извѣстіе о которой дошло до потомства; она занимаетъ третье мѣсто, вслѣдъ за путешествіемъ финикіянъ въ Офиръ и плаваніемъ ихъ вокругъ Африки при Нехао. Но за то повѣствованіе о возвращеніи аргонавтовъ измѣняется сообразно съ временемъ: оно представляетъ не болѣе, какъ поэтическое прибавленіе и имѣетъ цѣлью сдѣлать сущность разсказа болѣе привлекательною. По различной редакціи этого дополненія поэтами, жившими въ различныя столѣтія, можно прослѣдить постепенное разширеніе познаній грековъ о земной поверхности и постепенное развитіе ихъ географическихъ теорій. Но кромѣ того, такъ какъ подъ формою миѳа скрывается еще много воспоминаній о дѣйствительно совершившихся событіяхъ, имѣющихъ важное значеніе для исторіи землевѣденія, то мы должны еще разъ кратко прослѣдить весь ходъ путешествія аргонавтовъ.

Нельзя сказать, чтобы разсказы объ опасности этого предпріятія были совершенно неосновательны. Даже и въ настоящее время плаваніе по Понту представляетъ много опасностей. Аргонавты отправились съ острова Лемноса; Язонъ былъ однимъ изъ владѣтелей

---

[1]) Страбонъ считаетъ походъ аргонавтовъ неоспоримой исторической истиной, основанной на древнемъ морскомъ путешествіи Фрикса и на томъ, что вся страна по Фазису богата золотыми, серебряными и желѣзными рудниками. Онъ говоритъ, что Синопа основана однимъ изъ спутниковъ Язона — Автоликомъ, и прибавляетъ: «отъ Синопы, вдоль береговъ Пропонтиды и Геллеспонта, до Лемноса — много слѣдовъ похода Язонъ и Фрикса; особенно же слѣды Язона и слѣдовавшихъ за нимъ Колхидянъ встрѣчаются еще до Крита, Италіи и Адріатическаго моря. Къ числу ихъ принадлежатъ Ἰασόνεια, Ἰασόνια ἡρῷα, мѣстности, горы и святилища, встрѣчающіяся даже въ Арменіи, Мидіи и прилежащихъ къ нимъ странахъ.

этого острова, а лемносскіе синтійцы съ давнихъ поръ слыли моряками. Только поэты позднѣйшаго времени, желая связать славу подвиговъ Язона съ славою Пелидовъ и Ахиллеса въ Ѳессаліи, называютъ гавань Іолкосъ исходною точкою похода аргонавтовъ. Морской берегъ, вдоль котораго плыли аргонавты, обозначенъ съ географическою точностью, и теперь еще въ описаніи поэтовъ не трудно узнать Ѳракійскій Босфоръ, прославленный и странствованіями Іо, продолженіе морскаго берега къ сѣверо-востоку до устья Истра, Таврическаго полуострова (Крыма) и еще далѣе до Таврическаго Босфора, Азовскаго моря (Maeotis Palus) и до Танаиса. Путешественники уже съ самого начала своего плаванія встрѣчаютъ вдоль по морскому берегу высокіе могильные курганы или конусообразныя насыпи (tumuli), которыя и теперь еще служатъ примѣтою для прибрежныхъ плавателей; а въ то время эти курганы, представляя мѣсто погребенія героевъ отдаленнѣйшаго времени, воскрешали въ воображеніи путешественниковъ самыя богатыя преданія и разсказы о старинѣ. Курганы Гектора и Ахиллеса въ Троянской землѣ прославлены пѣснями Гомера. Мы сами любовались ими съ парохода, при переѣздѣ между Иліономъ и Тенедосомъ. Вся южная Россія до сихъ поръ еще усѣяна подобными курганами, величина и многочисленность которыхъ изумительны. Но вотъ, наконецъ, послѣ утомительнаго плаванія и многихъ приключеній и битвъ, Аргонавты, миновавъ Херсонесъ Таврическій (Chersonesus Taurica) и Танаисъ, достигаютъ до Кубани (Hypanis) и Фазиса (Фаза), которые очерчены у поэтовъ совершенно отличительными красками. Въ лицѣ Эеты и Медеи, названіе которой напоминаетъ уже Мидію, выводятся магія и чародѣйство внутренней Азіи.

Возвратный путь, оставленный на произволъ поэтовъ позднѣйшаго времени, пролегаетъ, при описаніи возвращенія Аргонавтовъ сѣвернымъ путемъ, черезъ пороги Борисѳена (Днѣпра) по срединѣ восточной Европы. Эти страны впервые становятся извѣстными изъ Геродота и изъ торговаго пути за добычею янтаря: отъ Эридана, восточнаго берега Балтійскаго моря (Пруссіи), внизъ по Днѣпру, къ Крымскому полуострову и въ Понтъ [1]).

Всѣ познанія эллиновъ о землѣ въ гомерическія времена занесены въ двѣ великія эпопеи—Иліаду и Одиссею. Другаго источника подобнаго же объема по этому предмету мы не имѣемъ.

---

1) Fr. Vater, der Argonautenzug aus den Quellen dargestellt und erklärt. Kasan 1845.

*

Эти познанія Грековъ безспорно весьма незначительны въ сравненіи съ познаніями Финикіянъ, тѣмъ не менѣе они, благодаря своей поэтической формѣ, гораздо тверже остались въ памяти современниковъ и потомства. Вліяніе ихъ на первоначальное міровоззрѣніе классически образованныхъ народовъ было гораздо плодотворнѣе и продолжительнѣе, и отразилось какъ въ наукѣ, такъ и на вѣрованіяхъ этихъ народовъ.

Видъ земли по Гомеру послужилъ въ наше время предметомъ многихъ ученыхъ изслѣдованій [1]).

Земля, по понятію Грековъ, представляетъ пространный плоскій кругъ съ приподнятыми краями, изъ которыхъ сѣверный выше южнаго. Этотъ кругъ омывается со всѣхъ сторонъ быстротекущею всемірною рѣкою — *океаномъ*; изъ него берутъ начало всѣ источники, рѣки и все внутреннее море (*πόντος* и *πέλαγος*); изъ него же выходятъ и самые боги. Черезъ Фазисъ океанъ устремляется въ теченіи своемъ—отъ востока на западъ. Греки во времена Гомера не видали океана ни на востокѣ, ни на западѣ, и только слыхали о немъ отъ финикіянъ. На сѣверѣ же и на югѣ о немъ вовсе нѣтъ рѣчи. Поэтому они только гадательно соединяли обѣ оконечности посредствомъ круговратнаго обтеканія. На внѣшнемъ берегу этого обтекающаго землю океана, никѣмъ еще не изслѣдованномъ, покоится небесный сводъ, прозрачный и чистый, изъ металла, кристалла или адаманта. Высокіе столбы — конусообразныя вершины горныхъ хребтовъ (на западѣ Атласа, на востокѣ Кавказа), — стоящія выше облаковъ, поддерживаютъ этотъ сводъ.

Нельзя не замѣтить соотношенія, существующаго между этими основными положеніями Гомерова міровоззрѣнія и представленіями азіятскихъ народовъ о томъ же предметѣ. Мы уже упомянули (стр. 19.), что слово «океанъ» происходитъ не отъ *ὠκύς*, а отъ финикійскаго корня. Мнѣніе грековъ, что небесный сводъ поддерживается

---

[1]) I. Г. Фоссъ уже въ 1780 году началъ изысканія по этому предмету; таковы его статьи: объ островѣ Ортигіи въ Deutsches Museum 1780; объ Океанѣ— тамъ же; кромѣ того впослѣдствіи онъ помѣстилъ свои изысканія въ своихъ Mythologische Briefe, Königsberg 1794 и въ статьѣ Weltkunde der Alten, Jen. Lit. Zt. 1804. — Сочиненія Шенеманна, Шлихтгорста, А. В. Шлегеля.—Grotefend, über Homerische Geographie. Geogr. Ephemerid. т. 48. — Uckert, über Hom. Geogr. Weimar 1814; онъ же въ Geogr. d. Griech. und Röm. I. 13—35 — Zeune въ своихъ Erdansichten. — Völker, über Homerische Geographie und Weltkunde. Hannover 1830, и др.

Атласомъ и Кавказомъ, есть чисто азіатское воззрѣніе. Высочайшая вершина Алтайскаго хребта — Бѣлуха, Mont Blanc, Бѣлая гора, вышиною въ 10,000 фут., считается у туземцевъ столбомъ неба (Ікту), и ему приносятся постоянныя жертвы. Монгольскія и манджурскія племена считаютъ священными многіе «небесные столбы» — особенно высокія вершины горныхъ хребтовъ ихъ родины. (А. Гумбольдтъ, Central-Asien. I. стр. 136).

Мнѣніе грековъ о большей приподнятости земнаго круга на сѣверномъ краю возникло вслѣдствіе того, что къ сѣверу отъ нихъ лежали высокія горы. Слѣдующую изъ этого наклонность южнаго края Египта, Аравіи и Ливіи, старые натурфилософы Іонійской школы объясняли себѣ большимъ плодородіемъ Юга, о которомъ они имѣли слишкомъ преувеличенныя понятія. Они думали, что роскшная растительность тропическихъ лѣсовъ перевѣшивала землю на Югъ противъ голаго, лишеннаго растительности Сѣвера. Такое мнѣніе о недостаткѣ равновѣсія, Aequilibrium, на землѣ мы находимъ и у индійскихъ географовъ.Впрочемъ у нихъ, при самомъ началѣ образованія земли, собственные же ихъ боги помогаютъ этой бѣдѣ, хотя, правда, нѣсколько насильственнымъ образомъ. Высшій богъ ихъ, Батара-Гуру (въ миѳѣ объ островѣ Явѣ), замѣтивъ такой недостатокъ въ твореніи, особенно наклонность земли къ солнечному закату т. е. Западу (въ этой сторонѣ индусы дѣйствительно не замѣчали за предѣлами своей родины ни земель, ни горъ), помогаетъ бѣдѣ тѣмъ, что переноситъ горы на другія мѣста, и такимъ образомъ возстановляетъ равновѣсіе. Это перемѣщеніе горъ сдѣлалось неиcсякаемымъ источникомъ для объясненія всѣхъ переворотовъ, происходящихъ на земной поверхности, въ особенности же землетрясеній, такъ часто повторяющихся на Зундскихъ островахъ. Даже островитяне Южнаго океана раздѣляли это мнѣніе и считали группы своихъ острововъ только глыбами земли, отпавшими отъ материка тогда, когда великій богъ переносилъ землю къ восходу солнца (въ Америку) изъ земли на закатѣ (Азіи), черезъ ихъ океанъ. Слѣдовательно космогоническія и космополитическія воззрѣнія грековъ въ древнѣйшую эпоху совсѣмъ не такъ рѣдко совпадаютъ съ самыми закоренѣлыми представленіями восточныхъ народовъ. По нашему мнѣнію Греки выработали первые начатки своей цивилизаціи вовсе не такъ самостоятельно и независимо отъ вліянія прочаго человѣчества, жившаго на Востокѣ, какъ обыкновенно полагаютъ новѣйшіе эллинисты. Мы думаемъ, что они наслѣдовали идеи своихъ восточныхъ сосѣдей и предшественниковъ

и только развили миѳическую и поэтическую сторону ихъ съ большимъ искусствомъ и гармоніею.

И такъ, по понятію Гомера и его толкователей, какъ Страбона и др., огромный *кругъ земли* раздѣляется (по климату) на двѣ половины: на *сторону дня* и *сторону ночи* (*πρὸς ζόφον—πρὸς ἠῶ τ' ἠέλιόν τε*, Одисс. IX. 26). Между этими сторонами распредѣлены отдѣльныя части земли, и потому необходимо опредѣлить смыслъ этихъ выраженій Гомера. Различное пониманіе ихъ было причиною продолжительнаго спора между толкователями Гомера какъ въ новѣйшее время, такъ и въ древности. Такъ напр. Фоссъ подразумѣваетъ подъ этими названіями сѣверную и южную сторону земли, Уккертъ — Западъ и Востокъ, Фелькеръ — сторону свѣта и тѣни, другіе же — Сѣверо-западъ и Юго-востокъ. Страбонъ, величайшій почитатель Иліады и Одиссеи и относительно ихъ географическаго содержанія, тѣмъ не менѣе весьма основательно находитъ, что въ этихъ выраженіяхъ нельзя искать рѣзкаго разграниченія земли: оно уже и въ его время оказывалось не вездѣ примѣнимымъ. Да и какъ было въ эпоху Гомера опредѣлить съ большею точностью положеніе странъ свѣта по различнымъ временамъ года, когда солнце восходитъ и заходитъ каждый день на другомъ мѣстѣ горизонта? Возможностью этого мы обязаны только позднѣйшему изобрѣтенію — компасу; въ древности же человѣчество руководствовалось при подобныхъ опредѣленіяхъ однимъ измѣнчивымъ мѣстомъ восхода и заката солнца, равно какъ и вѣтрами, и только впослѣдствіи научилось оріентироваться по звѣздамъ. Въ позднѣйшее время греки и римляне называли «стороною ночи» — Сѣверъ т. е. Европу, къ которой причисляли также и сѣверную Азію, а «стороною дня» — всю остальную Азію и Ливію. Въ самой срединѣ земнаго круга лежитъ земля Эллиновъ съ островами—позднѣйшая Эллада или Грецiя; впрочемъ въ пѣсняхъ Гомера ей не дано еще никакого общаго названія. Центръ Эллады — высокій Олимпъ [1]), между Македоніей и Ѳессаліей, блестящій вѣчными снѣгами; онъ постепенно понижается многими уступами и, наконецъ, переходитъ въ равнины Аттики и Пелопонеса. На немъ

---

[1]) Многіе азіатскіе народы точно также считаютъ свое отечество центромъ земнаго круга; таково понятіе персовъ, индусовъ, китайцевъ (называющихъ свою страну «цвѣткомъ средины») и даже до настоящаго времени арабовъ, считающихъ Мекку средоточіемъ земли. Въ средніе вѣка Іерусалимъ былъ средоточіемъ земнаго круга для христіанскаго міра: тамъ совершилось паденіе Адама

обитаетъ Зевесъ и весь сонмъ боговъ. Богъ солнца, Геліосъ, ежедневно подымается изъ Limne (Il. XIII, 32) т. е. солнечнаго пруда, лежащаго къ востоку отъ Фазиса. Въ этомъ миѳѣ слышится темное сказаніе о Каспійскомъ морѣ или объ одномъ изъ заливовъ Эритрейскаго моря, либо Индійскаго океана. Этотъ разсказъ о выходѣ божества солнца изъ воды, такъ сильно напоминающій преданія азіятскихъ народовъ, кажется намъ особенно страннымъ въ устахъ Іонійскаго пѣвца, которому была извѣстна земля *πρὸς ἀνατολήν* (Анатолія), т. е. обширная область передней Азіи, но вовсе неизвѣстенъ былъ лежащій за нею Индійскій океанъ. Но это легко объясняется преданіями Востока, по которымъ не одно только солнце, но и всѣ прочія божества вышли изъ воды, ибо къ востоку Азія окружена океаномъ. Суріа, божество солнца у вавилонянъ, и Оаннесъ—у халдеевъ, подымались каждый день изъ океана, который на этомъ основаніи и названъ у Санхуніатона Ogeni domus т. е. жилищемъ бога Огена. Брама, божество индусовъ, по ученію браминовъ покоился на днѣ океана прежде, чѣмъ изъ нѣдръ послѣдняго выступила земля—его твореніе. Символомъ этого преданія служитъ цвѣтокъ лотоса, который во всѣхъ индійскихъ изваяніяхъ изображается какъ изголовье или подножіе Брамы.

Совершивъ дневной путь свой по мѣдному своду неба, Геліосъ, вмѣстѣ съ своей солнечной колесницей и четырьмя конями, погружается по ту сторону Гесперіи (запада) въ волны океана; такъ онъ ежедневно подымался изъ океана съ одной стороны земнаго круга и погружался въ него съ другой—противоположной. Черная ночь шла за нимъ слѣдомъ. Поэты и комментаторы позднѣйшаго времени говорятъ, что солнечный богъ каждую ночь объѣзжаетъ на волшебномъ кораблѣ кругомъ сѣвернаго края земнаго круга къ восточнымъ солнечнымъ воротамъ. Этотъ разсказъ точь въ точь согласуется и съ настоящею астрономическою теоріею браминовъ, по которой солнце каждую ночь обѣгаетъ по горизонтальному направленію около земнаго круга. Эосъ, утренняя заря, предвѣстница Геліоса, подобно ему подымалась изъ водъ на своей двуконной колесницѣ. На берегахъ солнечнаго пруда ле-

---

и тамъ же Христосъ искупилъ міръ. У грековъ такимъ средоточіемъ въ древнѣйшія времена считался Олимпъ, а впослѣдствіи Додона; уже въ гораздо позднѣйшую эпоху жрецы Аполлонова храма въ Дельфахъ перенесли, такъ называемый, пупъ земли, ὀμφαλὸς γῆς, изъ Ѳессалійско-Эпирской Додоны въ мѣстопребываніе своего оракула (Ovid. Metam. XV. 630. in umbilico terrarum).

житъ Колхида, земля *Аримовъ*. Эта первая извѣстная намъ страна, связывающая Востокъ съ Западомъ; мы знакомимся съ нею не по пѣснямъ Гомера, а по древнимъ странствованіямъ аргонавтовъ, совершеннымъ въ отдаленныя, до-троянскія времена. Но результаты этихъ походовъ были гораздо болѣе извѣстны во времена Гомера, чѣмъ въ послѣдующія столѣтія. *Аримы*, упоминаемые Гомеромъ, обитали за колхидянами или рядомъ съ ними; — не были ли это *Арамейцы* (предки Авраама) или позднѣйшіе *Абіои* (justissimi gentium)?

Пѣсни Гомера распространили свѣдѣнія преимущественно о Греціи, Малой Азіи и островахъ Эгейскаго моря, а также о южной Италіи, Сициліи и Египтѣ. Но уже Эратосѳенъ и Аполлодоръ справедливо замѣчаютъ, что Гомеръ былъ хорошо знакомъ только съ западною частью Азіи и съ землею эллиновъ, и что въ разсказахъ его о болѣе отдаленныхъ странахъ истина перемѣшана съ баснями. Географическія познанія Гомера даже объ Малой Азіи простирались на сѣверномъ берегу не далѣе Пафлагоніи и рѣки Галиса, а на южномъ—не далѣе Ликіи. Между тѣмъ нужно замѣтить, что Проконнесъ и Виѳинія были уже древними финикійскими поселеніями. На Сѣверѣ Гомеръ вовсе не знаетъ киммерійцевъ (вѣроятно отъ Kamar — по еврейски и финикійски темный, см. кн. Іова 3, 5), живущихъ въ темной части земли: они появляются тамъ только въ гораздо позднѣйшую эпоху. Самымъ южнымъ изъ извѣстныхъ ему городовъ были Ѳивы на Нилѣ. Эѳіопяне (обожженные солнцемъ) были самые южные, а Гиперборейцы (живущіе по ту сторону Борея) — самые сѣверные, крайніе баснословные жители обитаемой земли. Крайніе предѣлы географическихъ познаній Гомера на Западѣ составляютъ Геркулесовы столпы. Въ этотъ-то, еще баснословный, западный міръ перенесены странствованія Одиссея. Все, что зналъ Гомеръ о племени эллиновъ и о ихъ союзникахъ, изложено въ Иліадѣ при исчисленіи кораблей (II. 485 — 760); это исчисленіе — равнозначуще Моисеевой генеалогіи народовъ.

Пѣсни Гезіода изъ Аскры (около 800 г. до Р. Х.) очень мало расширили кругъ географическихъ познаній, сообщенныхъ Гомеромъ. Въ сущности гомеровское понятіе о землѣ не измѣнено и у Беотійскаго пѣвца; даже баснословные народы конечнаго края земнаго круга остались у него по старому.

Греки, только въ гораздо позднѣйшую эпоху, при посредствѣ критскихъ и милетскихъ мореходцевъ, познакомились съ островами,

берегами и морями, а при посредствѣ персовъ — и съ материкомъ Востока; наконецъ собственныя колоніи ихъ, заложенныя въ Сициліи, Великой Греціи (нижней Италіи) и Баркѣ (Киренаикѣ) познакомили ихъ съ Западомъ. Около 700 года до Р. Х. нѣсколько самосцевъ на корабляхъ своихъ занесены были бурею далеко на западъ и такимъ образомъ проложили первый путь къ собственнымъ открытіямъ грековъ. Колеосъ, первый извѣстный намъ между этими самоскими моряками, отплылъ (около 700 года) къ берегамъ Египта, тогда уже довольно хорошо извѣстнаго; но сильный восточный вѣтеръ занесъ его судно на западъ къ Иберіи и черезъ Геркулесовы столпы до самаго Тартесса (не Таршишъ ли финикіянъ и Библіи?). Поэтому открытіе Тартесса обыкновенно приписываютъ ему. Добыча, вывезенная изъ этого путешествія, какъ утверждаютъ, была огромная; Геродотъ и строгій Ѳукидидъ подтверждаютъ это. Геродотъ (IV. 152) говоритъ, что на десятую долю этой добычи посвященъ былъ въ Самоскомъ храмѣ богинѣ Герѣ огромный мѣдный жертвенникъ, украшенный головами грифоновъ. Путешествіе Колеоса имѣло для его соотечественниковъ такое же значеніе, какъ открытіе Новаго Свѣта Колумбомъ для Испаніи. Дѣйствительно, въ эту отдаленную эпоху сереброносный Тартессъ былъ для іонійскихъ грековъ тѣмъ же, чѣмъ впослѣдствіи была Америка для европейцевъ.

Геродотъ пишетъ, что Фокейскіе мореплаватели прежде другихъ стали предпринимать продолжительныя морскія путешествія. Они первые открыли Адріатическое море, по которому до нихъ, вслѣдствіе скалистыхъ береговъ его и частыхъ бурь, не отваживался плавать ни одинъ грекъ. Они открыли Тирренію (западную Италію), а потомъ, около 630 г. до Р. Х., Иберію, и узнали, что Тартесское царство простиралось не только по сю, но и по ту сторону Геркулесовыхъ столповъ. Царь тартессцевъ, Арганѳоній, управлявшій своимъ царствомъ 80 и жившій 120 лѣтъ, принялъ ихъ весьма радушно и даже приглашалъ поселиться у него. Такъ повѣствуетъ Геродотъ (I, 163).

По ту сторону Геркулесовыхъ столповъ, къ сѣверу отъ финикійской Гадейры, къ югу отъ Гвадіаны (Анасъ), протекала рѣка Тартесъ [1]); со времени открытія ея іоняне стали

---

[1]) Редслобъ думаетъ, что Тартесъ лежалъ у устья рѣки Эбро, гдѣ впослѣдствіи находилась Дертоза, но его соблазнило сходство именъ. См. Dertosa, ein Beitrag zur Geschichte des Phönicischen Handels. Hamburg, 1849.

дѣлить съ финикіянами торговлю съ отдаленными странами. Фокейцы приплывали въ Тартесъ не на маленькихъ, круглыхъ купеческихъ судахъ, а на большихъ пятидесятивесельныхъ корабляхъ. При Кирѣ персы стали очень тѣснить ихъ и потому они, любя свободу и желая избавиться отъ персидскаго ига, стали переселяться изъ своей родины. На своихъ корабляхъ они отправились на западъ, сначала въ Кирносъ (Керне — Корсика), а потомъ въ Галлію, къ прибрежьямъ земли кельтовъ, гдѣ недалеко отъ устья рѣки Родана (Роны) основали Массилію. Я видѣлъ обѣ гавани, Фокейскую и Марселькую, и былъ пораженъ необыкновеннымъ сходствомъ этихъ мѣстностей. Это сходство, вѣроятно, не мало содѣйствовало тому, что фокейцы такъ скоро свыклись съ Массиліей. Вообще, старанія всѣхъ эмигрантовъ древняго міра отыскать для поселенія мѣсто, похожее во всѣхъ отношеніяхъ на покинутую родину, достойно замѣчанія. Массилія, находясь почти насупротивъ Карѳагена, завела сношенія съ нимъ и скоро пришла въ цвѣтущее состояніе. Въ 1846 году, при раскопкахъ, произведенныхъ въ Марсели, на развалинахъ древняго храма Артемиды отысканъ памятникъ, могущій служить доказательствомъ торговыхъ сношеній Массиліи съ Карѳагеномъ. Это камень съ финикійскими письменами, на которомъ начертаны по финикійски законы относительно жертвоприношеній, которыя должны были отправлять въ Массиліи финикійскіе купцы, желавшіе вести тамъ торговлю [1]). Сухимъ путемъ Массилія вела торговлю, вверхъ по прекрасной долинѣ Роны, съ туземнымъ населеніемъ кельтовъ и галловъ. Массилія открыла грекамъ доступъ въ сѣверозападную Европу. Здѣсь греческіе поселенцы могли ознакомиться съ путешествіями и всемірною торговлею финикіянъ и карѳагенянъ, отчего и собственная торговля ихъ развилась здѣсь очень быстро.

Какъ Александръ Великій расширилъ кругъ географическихъ познаній о Востокѣ, а Нехао — о Югѣ, такъ Пиѳеасъ Массилійскій, современникъ Александра, подробно изучилъ и описалъ Западъ. Онъ совершилъ путешествіе по сѣверной части Европы, которая до него оставалась совершенно неизвѣстною и гдѣ ему предшествовалъ одинъ только карѳагенянинъ Гимилько, скоро впрочемъ возвратившійся вспять. Пиѳеасъ описалъ берега Атлантическаго океана, начиная отъ Гадеса, т. е. Испанію (Иберію), Галлію (Кельтику), Британію (Альбіонъ), далѣе Янтарный берегъ (Нѣмец-

[1]) Объ этой надписи см. соч. Ewald'a, Munk'a и Movers'a Massilia. 1848 и 49.

каго и Балтійскаго морей) и Ѳуле, самый крайній изъ сѣверныхъ острововъ, до котораго онъ только могъ достигнуть; подъ этимъ названіемъ должно разумѣть не Исландію, какъ прежде принимали, а одинъ изъ Шотландскихъ или Норвежскихъ острововъ, къ сѣверу отъ Шотландіи. Однакожъ сомнительно, доходилъ ли Пиѳеасъ до Танаиса. Сообщенныя имъ географическія свѣдѣнія тѣмъ болѣе обогатили землевѣдѣніе, что онъ былъ отличный математикъ, физикъ и астрономъ. Вообще нужно замѣтить, что въ Массильской республикѣ процвѣтали науки и искусства. Пиѳеасъ тщательно наблюдалъ небесныя явленія и первый опредѣлилъ, посредствомъ большой и малой медвѣдицы, положеніе сѣвернаго полюса и сѣверныхъ широтъ; онъ первый научилъ опредѣлять сѣверный полярный кругъ, ибо описалъ явленіе, что тамъ однажды въ извѣстное время года солнце вовсе не скрывается за горизонтъ. Занимаясь наблюденіями надъ приливомъ и отливомъ въ Нѣмецкомъ морѣ, онъ объяснилъ между прочимъ причину этихъ явленій. Наконецъ онъ же первый сталъ употреблять названіе Балтіа для обозначенія Балтійской страны и моря и подробно описалъ мѣсто нахожденія янтаря (электронъ) у Балтійскаго моря — на берегахъ Пруссіи или Ютландіи, гдѣ и добывали его. Нельзя не сожалѣть объ утратѣ произведеній Пиѳеаса. У Полибія, Страбона и Плинія сохранились лишь отрывки изъ его «Перриплуса», но и они по большей части не вполнѣ поняты были этими писателями, такъ какъ познанія ихъ о сѣверной части Европы были гораздо ограниченнѣе познаній Пиѳеаса. Этого великаго человѣка постигла одинаковая участь съ Геродотомъ, Марко Поло и другими: невѣжественные потомки часто обвиняли его въ искаженіи истины и даже просто во лжи. Даже Полибій и Страбонъ рѣдко понимали его. Только въ новѣйшее время опровергнуты были взведенныя на него обвиненія и признаны его заслуги [1]).

За то, къ счастью для насъ, сохранились до нашего времени свѣдѣнія, еще раньше собранныя другимъ замѣчательнымъ наблюдателемъ, уроженцемъ одной изъ самыхъ восточныхъ греческихъ колоній — Геродотомъ Галикарнасскимъ. Онъ жилъ около половины пятаго столѣтія до Р. Х., послѣ персидскихъ войнъ, и написалъ де-

---

[1]) I. Ph. Murray, De Pythea Massiliensi въ Neuen Comment. d. Gött. Societät d. Wissensch. T. VI. 1776. — Ioachim Lelewel, Pytheas de Marseille et la Géographie de son temps. Paris. 1836. — M. Fuhr, Pytheas aus Massilien, eine histor.-kritische Abhandlung. Darmstadt. 1842.

вять книгъ исторіи, получившихъ свои названія по именамъ девяти музъ; эти книги имѣютъ неоцѣнимое значеніе и для землевѣдѣнія. Геродотъ былъ очевидцемъ многихъ изъ описанныхъ имъ событій и мѣстностей, и вообще передаетъ съ величайшею добросовѣстностію все, что самъ видѣлъ или узналъ отъ другихъ. Онъ не умалчиваетъ ни о своемъ незнаніи, ни о своихъ гипотезахъ, ни о часто ошибочныхъ мнѣніяхъ чужеземцевъ и философовъ, ни о легендахъ жрецовъ. Особенно же его классическое греческое образованіе, его изящный, чистосердечный разсказъ, искренность въ указаніи источниковъ, откуда заимствованы имъ свѣдѣнія, и, наконецъ, его живая, тонкая наблюдательность, — все это сдѣлало его отцемъ географіи и исторіи.

Но и Геродотъ имѣлъ уже предшественниковъ въ жителяхъ Милета, гдѣ въ тѣ отдаленныя времена сосредоточены были всѣ географическія познанія азіатскихъ грековъ. Изъ этихъ предшественниковъ особенно замѣчательны: Θалесъ изъ Милета, первый астрономъ, разсуждавшій о природѣ земли; ученикъ его Анаксимандръ, начертавшій, по словамъ Страбона, Діогена Лаэрція и другихъ, первую географическую карту, и, наконецъ, ученикъ ихъ обоихъ — Гекатей изъ Милета, жившій около 500 года до Р. Х., слѣдовательно ближайшій предшественникъ Геродота. Къ сожалѣнію, до насъ дошли только отрывки произведеній послѣдняго [1]; мы даже не знаемъ въ точности, какъ далеко простирались его путешествія и наблюденія: извѣстно только, что онъ былъ въ Египтѣ, гдѣ Геродотъ часто находилъ его слѣды. Гекатей хорошо изучилъ персидское государство и исчислилъ всѣ народы, подвластные Дарію, обозначивъ при этомъ силу и значеніе каждаго. По словамъ Страбона, онъ составилъ описаніе земли, *γῆς περίοδος*, въ которомъ Азія, Европа и Ливія разсматривались каждая въ отдѣльной книгѣ. Сочиненія его по исторіи и генеалогіи также содержали въ себѣ много географическихъ свѣдѣній и, судя по отрывкамъ, оставшимся отъ нихъ, должны были быть очень интересны. О западныхъ странахъ мы находимъ у него болѣе свѣдѣній, чѣмъ у Геродота, исключительно посвятившаго себя подробному описанію Востока. Гекатей описалъ преимущественно много прибрежныхъ городовъ и, повидимому, мало зналъ внутренность самихъ странъ. Онъ принадлежалъ

---

[1]) Creuzer, Historicorum Graecorum antiquissimorum Fragmenta. Heidelberg. 1806. — Собраны, исправлены и объяснены въ Clausen'a Hecataei Milesii Fragmenta и Scylacis Caryandensis Periplus. Berolini 1831. 8.

къ школѣ іонійскихъ философовъ, основанной Ѳалесомъ въ Милетѣ, и потому въ его сочиненіяхъ мы встрѣчаемъ нѣкоторыя ложныя представленія о землѣ, принадлежащія этой школѣ. Геродотъ обладалъ уже болѣе обширными познаніями, чѣмъ Гекатей, и на основаніи своихъ собственныхъ наблюденій доказалъ неосновательность и даже смѣшную сторону многихъ изъ подобныхъ мнѣній своего предшественника (см. напр. II. 15. 16. 20. 21. 23. IV. 36. 42. 45. 49). Такъ относительно мнѣнія, что земля имѣетъ форму плоскаго круга, онъ замѣчаетъ (IV. 36), что многіе, вопреки здравому разсудку и опыту, сочиняли описанія земли (компендіи), по которымъ океанъ обтекаетъ землю кругомъ и представляли ее такою круглою, какъ будто бы она была выточена. Такое предположеніе кажется ему смѣшнымъ, потому что онъ повсюду встрѣчалъ выдающіяся земли и мысы, полуострова, выступающіе далеко въ море, и даже цѣлыя страны, всего болѣе вытянутыя по направленію отъ запада къ востоку. По его мнѣнію скорѣе можно принять, что земля имѣетъ эллиптическую форму, растянутую отъ запада къ востоку. Равнымъ образомъ онъ возстаетъ противъ мнѣнія, что океанъ обтекаетъ кругъ земной. Онъ зналъ, что океанъ — всемірное море, но не рѣка. «Нѣкоторые греки, желающіе прослыть людьми очень умными, говоритъ онъ, утверждаютъ, что океанъ обтекаетъ вокругъ всей земли, какъ рѣка, и что изъ него беретъ начало Нилъ.» Геродотъ считаетъ все это просто за поэтическій вымыселъ Гомера или какого нибудь другаго древняго поэта. Даже Гекатей проводитъ еще аргонавтовъ по Фазису въ океанъ, а изъ послѣдняго по Нилу — по другимъ по Тритону — обратно въ Средиземное море. Геродотъ разсѣялъ своими наблюденіями эти грубыя, бывшія во всеобщемъ ходу ложныя географическія понятія, и осмѣялъ ихъ. Въ Египтѣ онъ узналъ совершенно другую причину разлитія Нила. Кромѣ того онъ оспаривалъ мнѣніе о раздѣленіи земли на двѣ равныя части — сторону дня и ночи. Еще Гекатей утверждалъ, что обѣ эти части земнаго круга совершенно равны между собою. Другіе же принимали дѣленіе земли на три части, принадлежащее финикіянамъ. Вслѣдствіе этого мы встрѣчаемъ весьма сильныя разногласія по этому предмету въ древнихъ философскихъ школахъ, особенно же въ Ѳалесовой школѣ, въ Милетѣ, къ которой принадлежалъ Гекатей. Геродотъ съ своей стороны не признавалъ никакаго математическаго дѣленія земли на двѣ или на три части, а смотрѣлъ на нее, какъ на неразрывное цѣлое и потому считалъ нелѣпыми всѣ дѣленія, принимаемыя различными школами. Такъ (IV, 45)

онъ говоритъ, что ему неизвѣстно, кто далъ различнымъ частямъ земли, составляющей собственно одно цѣлое, имена трехъ женщинъ — Европы, Азіи и Ливіи, и почему египетскій Нилъ и колхидскій Фазисъ или Танаисъ и Киммерійскій проливъ принимаются за линію разграниченія этихъ трехъ частей между собою. Впрочемъ онъ самъ дѣлитъ всю обитаемую землю на два большіе отдѣла; границу между ними составляютъ по большей части природныя водовмѣстилища, именно: на западѣ Геркулесовъ проливъ, далѣе Средиземное море, Понтъ Эвксинскій, Фазисъ, Каспійское море и, наконецъ, Араксъ; сѣверную часть онъ назвалъ Европою, южную до Нила — Азіею, а далѣе отъ нея на западъ — Ливіею. Это болѣе естественное дѣленіе доказываетъ, по крайней мѣрѣ, что Геродотъ обладалъ болѣе обширнымъ взглядомъ на свой предметъ, чѣмъ всѣ его предшественники; при этомъ онъ руководствовался и историческими соображеніями, какъ напр. въ отношеніи къ Европѣ. Ему не нравилось противуестественное произвольное разграниченіе смежныхъ между собою земель; какая нибудь рѣка или узкій перешеекъ казались ему слишкомъ незначительными для того, чтобы на нихъ можно было основать дѣленіе земли на части свѣта. Естественное сродство смежныхъ между собою земель двухъ различныхъ частей свѣта казалось ему гораздо важнѣе всякаго чисто отвлеченнаго, теоретическаго дѣленія, которое, сверхъ того, могло быть только относительнымъ. «Одни, говоритъ Геродотъ (II, 16), отдѣляютъ части свѣта другъ отъ друга рѣками (Ниломъ, Танаисомъ) и считаютъ эти отдѣльныя части островами; другіе же разграничиваютъ ихъ перешейками (напр. Суэзскимъ) и принимаютъ ихъ за полуострова.» Съ своей стороны Геродотъ соглашается признать рубежемъ между Азіею и Ливіею только Египетъ, лежащій между ними. Такимъ образомъ уже Геродотъ разсуждалъ о естественныхъ географическихъ дѣленіяхъ и границахъ, о чемъ еще и въ настоящее время существуетъ такъ много ошибочныхъ и неясныхъ понятій [1]). Стоя въ Константинополѣ на берегахъ Босфора, я, подобно Геродоту, думалъ, что этотъ прекрасный каналъ не мо-

---

[1]) Предразсудки нынѣшней географіи внесли и въ ходъ исторіи величайшія противорѣчія тѣмъ, что рѣки стали считаться границами между государствами; отъ этого явились безчисленныя недоразумѣнія. И правый и лѣвый берегъ Рейна образуютъ только одну сплошную германскую мѣстность, а современные французы, руководствуясь рядомъ ложныхъ выводовъ, желали бы видѣть разнохарактерность въ обоихъ этихъ берегахъ.

жетъ составлять границы между Европою и Азіею: на обоихъ берегахъ его не замѣтно ничего разнохарактернаго или противоположнаго, и потому онъ долженъ не раздѣлять, а скорѣе соединять ихъ и уравнивать между ними ботатые дары природы.

Геродотъ самъ объѣхалъ тѣ страны, которыя описалъ; на востокѣ онъ достигъ до Вавилона на Евфратѣ, до Тигра и Персидской границы. Онъ посѣтилъ Сузу и Ардерикку, Эретрійскую колонію, поселенную тамъ Даріемъ (Герод. VI, 119), и проникъ до Аммы на Тигрѣ, близъ Персидскаго залива, куда уведены были плѣнные одноплеменники его — Милетяне. Кромѣ того ему была знакома и вся малая Азія, его родина. Онъ описалъ многіе города, начиная отъ Галикарнаса до Тира и Аскалона въ Палестинѣ, о которыхъ другіе писатели умалчиваютъ, и сообщилъ о гаваняхъ и храмахъ Тирянъ и Вавилонянъ болѣе полныя свѣдѣнія, чѣмъ всѣ его предшественники. Ученые персы познакомили его съ исторіею своего отечества и всей средней Азіи, а архивы Вавилонскихъ храмовъ были имъ тщательно разсмотрѣны. Но это, какъ и многое другое, сообщаемое Геродотомъ, было подвергнуто сомнѣнію. Однакожъ успѣхи послѣднихъ десяти лѣтъ, когда разобраны были клинообразныя надписи Персеполя, Экбатаны (Гамадана), Бизутуна, Ниневіи и Сузы, научили насъ вѣрить Геродоту. Онъ первый нѣсколько раскрылъ густой покровъ, скрывавшій отъ насъ Востокъ. Но и на югѣ Геродотъ проникъ до Саиса, Мемфиса и Ѳивъ въ верхнемъ Египтѣ. Геродотъ — первый достовѣрный очевидецъ, объѣхавшій, около 460 г. до Р. Х., Египетъ до южной границы Элефантины. Разумѣется, Египетъ тогда уже не былъ землею древнихъ Египтянъ, управлявшихся собственными законами и учрежденіями.

Въ повѣствованіи Геродота надо отличать три главныя составныя части: его заимствованія изъ Гекатея Милетскаго (II, 143), его собственныя наблюденія и, наконецъ, свѣдѣнія, почерпнутыя имъ у Египтянъ. Всего важнѣе, безъ сомнѣнія, разсказъ его о тѣхъ мѣстахъ и событіяхъ, которыхъ онъ былъ очевидцемъ: ручательствомъ ихъ достоинства служатъ его наблюдательность, умъ, здравый взглядъ на вещи и добросовѣстная правдивость. Впрочемъ нельзя не согласиться, что въ разсказѣ его проглядываетъ еще дѣтски неограниченная вѣра во всѣ слышанныя чудеса; кромѣ того замѣтно, что онъ, какъ посвященный въ мистеріи, преднамѣренно умалчиваетъ обо многомъ изъ священнаго страха (II. 3. 61. 63. 171). Свѣдѣнія, сообщенныя Геродоту герменевтами, уже гораздо менѣе

достовѣрны. Мы нигдѣ не находимъ удостовѣреній въ томъ, чтобы Геродотъ зналъ египетскій языкъ и письмена, точно такъ какъ сомнительно, владѣлъ ли онъ персидскимъ языкомъ. Греки не изучали языковъ варварскихъ народовъ. Но въ такомъ случаѣ могли ли необразованные переводчики вѣрно и безъошибочно передавать содержаніе священныхъ книгъ, или, будучи чужеземцами въ Египтѣ, вѣрно отличать древнія собственно Египетскія вѣрованія отъ позднѣйшихъ греко-персидскихъ вѣрованій? Это было причиною того, что египетскимъ богамъ даны были имена греческихъ боговъ. Кромѣ того въ разсказахъ герменевтовъ повсюду проглядываетъ склонность къ чудесному и желаніе возбуждать изумленіе чужестранцевъ. Въ то время сами египетскіе жрецы стояли уже на почвѣ преданія; поэтому все, что Геродотъ почерпнулъ изъ этого источника, не имѣетъ бо̀льшаго значенія, чѣмъ нынѣшнія легенды индійскихъ Пуранъ или монастырскія легенды монаховъ на христіанской землѣ Палестины и другихъ восточныхъ и западныхъ странъ.

Геродотъ проникъ въ Египтѣ къ югу до Элефантины (Ассуанъ) и пороговъ Нила, а къ западу до Киренаики и, повидимому, былъ даже въ Карѳагенѣ, гдѣ однакоже ему не удалось получить особенныхъ свѣдѣній (IV. 192. 196). Впрочемъ онъ получилъ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о внутренности Ливіи, напр. о путешествіи Назамоновъ къ чернымъ людямъ, жившимъ на большой внутренней рѣкѣ, безъ сомнѣнія, на Нигерѣ. На сѣверѣ внутренняго, извѣстнаго тогда материка Геродотъ объѣхалъ берега Понта Эвксинскаго до Херсонеса Таврическаго (нынѣшняго Крыма) и Босфора Киммерійскаго, образующаго входъ въ Азовское море (нынѣшній Керчь — Еникальскій проливъ). Онъ первый нѣсколько разъяснилъ намъ походъ аргонавтовъ. Онъ посѣтилъ Византію и хорошо зналъ главные торговые города, лежавшіе на берегахъ Понта—вплоть до Фазиса, особенно же Синопу, Колхиду; былъ у Танаиса (гдѣ нынѣ Черкаскъ въ землѣ Войска Донскаго), въ городѣ Борисѳенитовъ (нынѣшнемъ Кинбурнѣ и Херсонѣ), на рѣкѣ Борисѳенѣ (Данапръ, Днѣпръ), въ Ольвіи (Ольвіополь т. е. городъ богатствъ) и Истрополѣ, при устьяхъ Истра (Дуная), производившемъ въ то время значительную торговлю. На Понтѣ Геродотъ собралъ важнѣйшія географическія свѣдѣнія о большихъ рѣкахъ восточной Европы — Дунаѣ, Днѣстрѣ, Днѣпрѣ, Донѣ, можетъ быть, даже о Волгѣ, и дальнихъ земляхъ, ими орошаемыхъ, до него вовсе неизвѣстныхъ грекамъ. Безъ четвертой книги Геродота мы и въ настоящее время имѣли бы гораздо меньше свѣдѣній о вос-

точной Европѣ. Книга эта особенно важна для насъ, потому что только въ ней мы можемъ найти древнѣйшія извѣстія о восточной Европѣ, между тѣмъ какъ относительно другихъ земель мы имѣемъ еще и другіе источники. По этой причинѣ географы, этнографы и историки въ послѣднее время гораздо усерднѣе, чѣмъ прежде, занялись изученіемъ Геродотовыхъ Scythica; впрочемъ предметъ этотъ, даже и теперь еще, далеко не исчерпанъ вполнѣ [1]).

Геродотова исторія Персидской монархіи и персидскихъ войнъ познакомила грековъ и всѣхъ европейцевъ съ востокомъ Азіи, котораго они до тѣхъ поръ вовсе не знали. Такому знакомству также много способствовало образованіе Киромъ могущественной монархіи (550 г. до Р. Х.), въ которой слились всѣ прочіе, до того времени извѣстные, могущественные народы передней Азіи: Мидяне, Вавилоняне, Халдеи, Ассиріяне и Лидяне. Вмѣстѣ съ этими народами, имѣвшими свою цивилизацію, перешли къ персамъ и всѣ историческія и географическія познанія ихъ.

Открытыя въ новѣйшее время развалины Вавилона, Ниневіи, Нимруда, Хорсабада, Сузы, съ многочисленными надписями, могутъ дать намъ нѣкоторыя указанія о тогдашнемъ состояніи Персидской монархіи. Раздѣленіе этой монархіи Даріемъ Гистаспомъ на двадцать сатрапій или провинцій, по которымъ взималась дань, предполагаетъ уже большой запасъ географическихъ свѣдѣній, такъ какъ нѣкоторыя сатрапіи равнялись по своей величинѣ большимъ царствамъ. Дань взималась не деньгами, а натурою, т. е. произведеніями страны, исчисленіе которыхъ доставляетъ намъ первыя свѣдѣнія о произведеніяхъ Азіи; къ нимъ принадлежали: лошади, верблюды, овцы, овощи, плоды, пряные коренья, разные виды деревъ, ткани, утварь, рабы. Войско Ксеркса, во время его похода въ Грецію, состояло изъ 29 различныхъ племенъ,

---

[1]) Niebuhr, Geographie Herodot's. Разсужденіе это помѣщено въ Schriften der Berliner Academie der Wissensch. 1811—12.—I. Rennel, Geographical System of Herodotus. London. 1. edit. 1802. 2. edit. 1830; переведено на нѣмец. яз. Bredow'ымъ, Untersuchungen über Alte Geographie. Altona.—Ritter, Vorhalle europäischer Völkergeschichte vor Herodotus um den Kaukasus und am Gestade des Pontus. Eine Abhandlung zur Alterthumskunde. Berlin. 1820.—Dahlmann, Herodot aus seinem Buche sein Leben. Altona. 1823.—Doenniges, Tabula Orbis Terrarum ex opinione Herodoti illustrata. Berol. 1835.—Bobrik, Geographie Herodots in 10 Karten. Königsberg. 1838.—Kurt v. Schlözer, Les premiers habitans de la Russie. Essai. Paris. 1846.—Neumann, die Völker des südlichen Russland in ihrer geschichtlichen Entwickelung. 1855.—Rud. Iacobs, De Mensuris Herodoti. Berol. 1841.—Neumann, Die Hellenen im Skythenlande. Berlin. 1855

жившихъ на всемъ пространствѣ между Скиѳіею и Эѳіопіею, между Истромъ на западѣ и Индомъ на востокѣ, Танаисомъ и Яксартомъ (Сиръ-Дарья) на сѣверѣ и Ниломъ на югѣ. Племена эти являются не въ однообразной одеждѣ, а каждое въ туземномъ нарядѣ и съ туземными нравами, въ самомъ разнообразнѣйшемъ вооруженіи и со своими отличительными обычаями. Геродотъ очень подробно описываетъ, безъ сомнѣнія, на основаніи хорошихъ источниковъ, одежды и вооруженіе этихъ племенъ и такимъ образомъ сообщаетъ намъ очень важныя свѣдѣнія по этнографіи; это древнѣйшій источникъ для изученія народовъ передней Азіи.

Персы, подобно большинству народовъ германскаго племени, издревле вели государственныя лѣтописи и хроники, въ которыя они вносили все достопримѣчательное о странахъ и народахъ и разныя ежедневныя событія. Обычай этотъ сохранился у нихъ еще до настоящаго времени: извѣстно, что придворный писецъ всюду сопровождаетъ персидскаго шаха въ Тегеранѣ и, въ качествѣ придворнаго секретаря или исторіографа, ежедневно записываетъ всѣ дѣянія, какъ Waka neveis. Геродотъ называетъ персидскія лѣтописи своего времени *λόγοι* и заимствуетъ изъ нихъ свѣдѣнія о странахъ средней и передней Азіи. Содержаніе ихъ неоднократно подтверждено было изваяніями, найденными на развалинахъ Персеполя и многочисленными клинообразными надписями, открытыми въ Бизутунѣ, Экбатанѣ, Вавилонѣ и Ниневіи. Въ Геродотовомъ спискѣ сатрапій (III. 90 — 94) мы находимъ исчисленіе всѣхъ персидскихъ народовъ; это — административный актъ, податной листъ, въ которомъ перечислены различные народы, подвластные персидкой монархіи, и ежегодная дань, платимая каждымъ изъ нихъ. Такихъ народовъ поименно исчислено 42, но не по 22 обитаемымъ ими сатрапіямъ, не въ военномъ или административномъ отношеніи, а, какъ кажется, съ финансовой точки зрѣнія. Для сокращенія вычисленій мелкіе народы причислены были къ болѣе значительнымъ, для того, чтобы количество дани, платимой каждымъ, считая на таланты, выражалось въ круглыхъ суммахъ, безъ дробей. Это подтверждается тѣмъ, что въ спискѣ всѣ податныя суммы представляютъ кратныя числа 10-ти. Не зная этого, легко можно сбиться, что и случалось въ дѣйствительности со многими филологами и историками, разбиравшими Геродота; замѣтивъ въ его спискѣ нѣкоторую запутанность, они стали обвинять его въ сбивчивости показаній и легковѣріи. Но и въ этомъ случаѣ основательное изученіе пред-

мета совершенно оправдало его; этому особенно содѣйствовала весьма замѣчательная большая клинообразная надпись на мраморныхъ стѣнахъ дворцовъ въ Персеполѣ, скопированная уже около 100 лѣтъ тому назадъ Карстеномъ Нибуромъ, который представилъ снимокъ съ нея на своей таблицѣ № 1. Но въ то время никто еще не могъ прочесть ея. Ее разобралъ впервые въ 1836 году остроумный Лассенъ (Altpersische Keilschriften entziffert. Bonn 1836). Надпись эта, какъ и упомянутая глава Геродота о сатрапіяхъ, также содержитъ въ себѣ росписаніе персидскихъ народовъ, но здѣсь они расположены въ географическомъ порядкѣ. Она раздѣляетъ все населеніе Ирана на отдѣльныя племена, по мѣсту ихъ жительства, именно на 10 западныхъ народовъ, живущихъ по Евфрату и Тигру, 14 восточныхъ— по Инду, Яксарту и берегу моря, и на 2 народа, обитающихъ въ средней Персіи. Это перечисленіе, за исключеніемъ незначительныхъ различій, вполнѣ согласно съ тѣмъ, которое мы находимъ у Геродота, и потому достовѣрность послѣдняго не подлежитъ никакому сомнѣнію. Третья клинообразная надпись, также содержащая въ себѣ росписаніе народовъ, открыта и объяснена датчаниномъ Вестергаардомъ. Раулинсонъ скопировалъ и прочелъ самыя большія клинообразныя надписи, изсѣченныя на высокихъ скалахъ въ Бизутунѣ у Хоаспа (по дорогѣ изъ Багдада къ древней Экбатанѣ, лѣтней резиденціи персидскихъ царей); эта копія, содержащая не менѣе тысячи строкъ, безъ сомнѣнія, дополнитъ наши свѣдѣнія еще нѣкоторыми данными о персидскихъ народахъ и странахъ. Первыя попытки Раулинсона, Норриса и др. потребуютъ въ этомъ новомъ дѣлѣ еще много критическихъ изслѣдованій, прежде чѣмъ представятъ годные и несомнѣнные результаты [1]).

Можно съ достовѣрностью сказать, что персы имѣли и ландкарты. Намеки на это мы находимъ у Геродота (V. 52). Малоазійскіе греки знали употребленіе ландкартъ уже во времена персидскаго царя Дарія. Первое, самое точное извѣстіе о нихъ мы находимъ у Геродота въ исторіи Аристагора, намѣстника въ Милетѣ (V. 49). Аристагоръ возмутилъ Милетъ противъ персовъ и отправился искать помощи у Спарты и Аѳинъ. Желая нагляднѣе представить положеніе земель малой Азіи, онъ показалъ имъ огромную мѣдную

---

[1]) Замѣчательныя надписи Раулинсона см. въ Journal of the Asiatic Society of Great Britain and Ireland. vol. X. Lond. 1847.—Donaldson, Ueber alte Persische Inscriptionen zu Behistun, die Herodot falsch verstanden haben soll. Athenäum 1851. 1 февр. № 1214 и 140 въ Asiat. Society 18 янв. 1851 г.

доску, на которой, говоритъ Геродотъ, вырѣзано было изображеніе всей окружности земли и обозначены были моря, рѣки, города и большія дороги. Изображеніе это Геродотъ называетъ *χάλκειον πίνακα*. Но кто былъ изобрѣтателемъ этого графическаго искусства, онъ не говоритъ. Уже Анаксимандръ, говорятъ, начерталъ изображеніе земли; Гекатей также рисовалъ ландкарты. Поэтому Гроновъ и Сенъ-Круа (St. Croix) не безъ основанія предполагаютъ, что Аристагоръ привезъ съ собою въ Спарту именно карту Гекатея. Плутархъ въ жизнеописаніи Никія говоритъ о ландкартахъ, приготовленныхъ для похода Алкивіада въ Сицилію. Изъ описанія похода аргонавтовъ у Аполлонія Родосскаго (VI. 225) и изъ толкованій этого мѣста схоліастами видно, что честь изобрѣтенія картографическаго искусства никакъ не можетъ быть приписана малоазійскимъ грекамъ. Оно было еще гораздо раньше въ употребленіи у путешествовавшихъ колхидскихъ купцовъ; это обстоятельство, конечно, важно для исторіи Колхиды, въ которой до сихъ поръ еще осталось такъ много неразгаданнаго и баснословнаго. По словамъ Аполлонія Родосскаго (Argonaut. IV. 280 и слѣд.) и его схоліаста, колхидяне еще издревле научились отъ своихъ предковъ искусству изображать на доскахъ сухопутныя и морскія дороги для своихъ путешествій; эти доски сперва были изъ камня, впослѣдствіи же изъ дерева. Онѣ назывались *κύρβεις* — тѣмъ же именемъ, которымъ Эратосѳенъ обозначилъ древнія таблицы законовъ Аѳинянъ. Эти доски были безспорно первые начатки ландкартъ и весьма возможно, что подобныя же доски были передъ глазами и у Геродота, когда онъ (IV. 21—25) перечислялъ торговые пути сѣверныхъ народовъ у Борисѳена и Понта. Въ извѣстіи его о Скиѳахъ, что они ѣздятъ съ семью своими толмачами для остановокъ у семи различныхъ народовъ, отъ Савроматовъ къ Ѳиссагетамъ, Агрипеянамъ, Исседонянамъ и т. д. во внутреннюю Азію, нельзя не признать такой дорожной карты. Вообще у всѣхъ народовъ дорожники предшествовали ландкартамъ. Такъ у израильтянъ мы встрѣчаемъ прежде всего перечисленіе станцій на пути изъ Египта въ Ханаанъ черезъ Синайскую пустыню. Упомянутые маршруты колхидянъ и древнѣйшія карты персовъ, безъ сомнѣнія, были также дорожныя карты. Во времена Дарія Гистаспа и Ксеркса въ Персіи существовала уже цѣлая сѣть большихъ дорогъ, раздѣленныхъ на станціи. Геродотъ (VIII. 98) сообщаетъ намъ, что на мѣдной доскѣ Аристагора обозначены были подобныя «царскія дороги», ведшія отъ одной резиденціи къ другой; онъ же (V. 49 — 53) упоминаетъ о царской до-

рогѣ (*ὁδὸς βασιλική*), оффиціально размѣренной на царскія станціи (*σταθμοὶ βασιλήϊοι*). На этихъ станціяхъ жили конные гонцы, перевозившіе по опредѣленнымъ дорогамъ царскія депеши и передававшіе ихъ одинъ другому; такую обязанность и теперь еще исполняютъ у турокъ и у персовъ татарскіе курьеры. Пространство измѣрялось *парасангами;* каждая парасанга равнялась 30 олимпійскимъ стадіямъ или $^3/_4$ геогр. мили. Это же учрежденіе перешло и къ пареянамъ, только измѣреніе было не парасангами, а другою мѣрою, перенятою у египтянъ, — именно *шеномъ* (Schönus), равнявшимся двумъ парасангамъ. Во время походовъ Александра въ Переднюю Азію, его *бематисты* (т. е. измѣрители дорогъ, землемѣры, инженеры) превратили парасанги въ олимпійскія стадіи; 40 такихъ стадій составляютъ одну географическую милю. Римляне познакомились съ этими измѣреніями дорогъ (почтовыми, дорожными картами) въ передней Азіи гораздо позже, во время своихъ войнъ съ пареянами, и, по примѣру ихъ (со времени Юлія Цезаря), составили свою собственную мѣру—римскую милю, mille passus, равнявшуюся 8 олимпійскимъ стадіямъ или $^1/_5$ геогр. мили.

Здѣсь мы должны снова возвратиться къ колхидянамъ, ибо они имѣютъ чрезвычайно важное значеніе, какъ посредники въ древнѣйшихъ сношеніяхъ восточныхъ народовъ съ западными. Еще въ новѣйшее время, въ 1854 году, англичане и французы оспаривали у русскихъ страну, гдѣ въ древности жили колхидяне, желая вновь проложить черезъ нее свободный торговый путь отъ береговъ Чернаго моря въ центральную Азію. Съ подобною же цѣлью стремились туда и Эллины еще въ самую отдаленную эпоху, во время аргонавтовъ: тамъ искали они золотое руно. Подъ поэтическою и миеическою формою ихъ сказаній скрывается воспоминаніе о важномъ историческомъ фактѣ, именно о непосредственныхъ торговыхъ сношеніяхъ Греціи съ богатымъ Востокомъ, ближайшимъ путемъ. Греки называли колхидянъ, какъ и многихъ другихъ народовъ, сѣверными варварами, хотя въ дѣйствительности они вовсе не были дикарями; напротивъ, все показываетъ, что это былъ древній образованный народъ неизвѣстнаго происхожденія, древняя торговая колонія на восточномъ берегу Понта Эвксинскаго; греки, особенно же милетяне, еще со времени похода аргонавтовъ стремились утвердиться на Фазисѣ, въ землѣ этого народа. Правда, египтяне выдавали колхидянъ за одну изъ своихъ колоній, за знаменитый народъ, оставшійся на Фазисѣ еще со временъ Сезостридовъ; самъ Геродотъ приводитъ нѣкоторыя, впрочемъ очень

слабыя, доказательства въ пользу этого предположенія. Ксенофонтъ въ своей Киропедіи (I. 5. 3 и въ другихъ мѣстахъ), помѣщая индійцевъ вблизи пафлагонцевъ, вѣроятно подразумѣвалъ подъ первыми колхидянъ. И дѣйствительно ихъ можно назвать индійцами въ болѣе обширномъ смыслѣ слова, т. е. распространяя это имя на жителей всей сѣверной части центральной Азіи. Но нельзя рѣшить, поселились ли они тамъ прямо, или, какъ полагаетъ Гитцигъ (Philistäer. Lpzg. 1845), переселены были туда Сезостридами, черезъ Египетъ. Лазы и грузины, поселившіеся, по Прокопію, съ пятаго столѣтія по Р. Х. въ странѣ древнихъ колхидянъ, принадлежатъ къ индогерманскому племени, какъ это доказалъ Розенъ своими изслѣдованіями о языкахъ Кавказа.

Мы считаемъ колхидянъ послѣднимъ, самымъ западнымъ звеномъ длинной цѣпи древнихъ колоній, вышедшихъ еще за долго до Геродота изъ верхней Индіи или Бактріи, земли древнихъ Серовъ, и распространившихся отъ верховьевъ Окса (Гигонъ) къ Каспійскому морю, Араксу (Куръ) и до Фазиса на Понтѣ. Колхидяне подвигались къ Понту тѣмъ же самымъ путемъ, которымъ во времена римлянъ слѣдовали серы (торговцы шелкомъ) черезъ средину земли парѳянъ и которымъ впослѣдствіи бухарскіе купцы, а нынѣ индійскіе баніане достигаютъ Астрахани. Путь ихъ пролегалъ черезъ Мараканду (Самаркандъ) и двѣ Бактріи (Балкъ), верхнюю — на Оксѣ и нижнюю — на морскомъ берегу (близъ нынѣшняго торговаго оазиса Хивы у Аральскаго моря). Въ этихъ степяхъ, населенныхъ нынѣ бухарцами, киргизами, калмыками и казаками, Геродотъ приводитъ имена различныхъ народовъ, среди которыхъ пролегалъ тогда путь, отъ *исседоновъ* къ *аргипеянамъ*, *кинокефаламъ*, *ѳиссагетамъ* до *колхидянъ* и *савроматовъ* у Азовскаго моря (Palus Maeotis). Самъ Геродотъ называетъ *Индикою* страну на западъ отъ Каспійскаго моря къ Понту. Это кавказскій перешеекъ, нынѣшняя Грузія, съ знаменитыми въ древности странами — *Албаніею*, *Иберіею*, *Колхидою*, лежавшими на южномъ склонѣ Кавказа. Тамъ были главные рынки со скиѳскими племенами. Земля колхидянъ простиралась до самого Танаиса. Скиѳы вели съ ними значительную мѣновую торговлю; они пріѣзжали туда на своихъ колесныхъ повозкахъ по льду Меотійскаго моря. Здѣсь Геродотъ собралъ всѣ свои свѣдѣнія о средней (не персидкой) и верхней Азіи; въ другомъ мѣстѣ онъ нигдѣ не могъ бы пріобрѣсть ихъ. Народы, обитавшіе въ этихъ странахъ, располо-

жены у Геродота въ слѣдующемъ порядкѣ отъ запада къ востоку:

Скиѳы	Ѳиссагеты	Савроматы	
Маіоты		Аргиппеи	Серика.
Колхидяне	Исседоны	Кинокефалы.	

Познанія Геродота простирались никакъ не далѣе верховьевъ Инда; страны, лежавшія за Индомъ, вовсе неизвѣстны были ему. Всѣ свѣдѣнія объ индійцахъ, собранныя Геродотомъ въ другихъ мѣстахъ (III. 103 — 105), относятся всегда только къ сѣвернымъ частямъ Индіи. Болѣе подробныя свѣдѣнія онъ могъ заимствовать у колхидянъ. Они торговали золотомъ, жемчугомъ, драгоцѣнными камнями, шелкомъ, пряностями, рѣзными кольцами изъ *κουράλιον*, т. е. рубина, и лазурнымъ камнемъ. Они сами ѣздили за этими товарами въ Индію и среднюю Азію, въ мѣста ихъ производства и добыванія. Такимъ образомъ, совершая отдаленнѣйшія путешествія по материку внутренней Азіи, они должны были знать его лучше всѣхъ прочихъ народовъ.

Съ Геродота начинается второй періодъ исторіи землевѣдѣнія у древнихъ. Онъ продолжается до великаго переселенія народовъ, такъ какъ это событіе вытѣснило память о древней порѣ образованнаго міра; появляются новые народы и новыя земли, затмившіе своимъ значеніемъ народы древняго времени. Такими народами были: въ Европѣ—германскія и славянскія племена, въ Азіи — магометанскія.

Этотъ періодъ обнимаетъ цѣлое тысячелѣтіе, отъ 450 г. до Р. Х. до 500 г. по Р. Х. Въ теченіи этого періода важнѣйшими моментами для успѣховъ землевѣдѣнія были: образованіе огромныхъ монархій, походы завоевателей, завоеванія Александра и его преемниковъ — Діадоховъ и, наконецъ, возникновеніе и развитіе всемірной римской имперіи, раздвинувшейся на всѣ три части свѣта—отъ Sacrum Promontorium въ югозападной Португаліи до Евфрата и Тигра на Востокѣ.

АЛЕКСАНДРЪ ВЕЛИКІЙ.

Бо̀льшая часть трудовъ историковъ, бывшихъ очевидцами или современниками походовъ Александра Великаго (336—323), къ сожалѣнію, для насъ утрачена. Такъ напримѣръ карта походовъ Александра, составленная ученикомъ Аристотеля, Дикеархомъ, который сопровождалъ завоевателя въ его походахъ. Эти труды были еще подъ рукою у Полибія и Страбона при ихъ описаніяхъ. (Buttmanni Quæstiones de Dicaearcho ejusque operibus. 1832).

Однако многочисленные отрывки изъ этихъ древнѣйшихъ авторовъ собраны и сохранены у позднѣйшихъ компиляторовъ, каковы Курцій, Арріанъ, Страбонъ, Плиній и другіе [1]).

Творенія Аристотеля содержатъ много новыхъ пріобрѣтеній для землевѣдѣнія того времени, потому что онъ принималъ живѣйшее участіе въ открытіяхъ Александра, какъ учитель его и философъ. Они разбросаны въ его естественно-историческихъ, физическихъ и метеорологическихъ книгахъ [2]).

Сохранились также извѣстія главнаго кормчаго адмиральскаго корабля по Инду Онезикрита и дневникъ плаванія Неарха, командовавшаго индійскимъ флотомъ. Неархъ былъ на востокѣ, почти одновременно съ Пиѳеасомъ на западѣ, первымъ греческимъ описателемъ явленія прилива и отлива, которое привело македонянъ, незнакомыхъ еще съ этимъ феноменомъ, сперва въ величайшій ужасъ, а потомъ въ величайшее изумленіе, когда они увидѣли, что корабли ихъ въ дельтѣ Инда сперва погружались въ илъ, а потомъ снова подняты были водою [3]).

Александръ открылъ новый міръ на востокѣ, какъ 1800 лѣтъ спустя Колумбъ открылъ Новый Свѣтъ на западѣ. Благодаря Александру, сдѣлался извѣстнѣе не одинъ востокъ, но и сѣверныя

---

[1]) Образецъ критическаго разбора для оцѣнки достоинства этихъ отрывковъ представляетъ сочиненіе Sainte-Croix: Examen critique des Anciens Historiens d'Alexandre le Grand. Paris. Seconde édition. 1804.

[2]) Königsmann, de Aristotelis Geographia Prolusiones VI. Sleswich 1803—5.— Ideler, въ Aristotelis Meteorol.

[3]) Vincent Periplus или Commerce and Navigation of the Ancient in the Indian Ocean. London 1800. Переведено Bredow'ымъ въ Untersuchungen über Gegenstände der alten Geographie und Chronologie. Altona 1804. стр. 716 и слѣд. Въ Geschichte Alexander des Grossen Droysen'а, Berlin 1833, весьма тщательно разработаны и походы Александра, преимущественно въ географическомъ отношеніи.

страны Европы до придунайскихъ земель и Азіи до истоковъ Окса, равно какъ и земли Скиѳовъ до Волги. Но открытіе Индіи остается все таки его главной заслугой. Онъ открылъ своимъ преемникамъ, Селевкидамъ, въ особенности же Селевку Никатору, путь къ лежащимъ на востокъ отъ Инда, богатымъ и населеннымъ приганrскимъ странамъ. Съ этого времени Индія сдѣлалась для европейцевъ землею чудесъ на востокѣ, какъ 1700 лѣтъ спустя — Америка на западѣ.

Индійскій міръ, говоритъ Александръ Гумбольдтъ (Cosmos II. стр. 181), повелъ повсюду къ расширенію умственнаго кругозора. Въ нѣсколько лѣтъ пространство извѣстной эллинамъ земли удвоилось по направленію отъ запада къ востоку. Вмѣстѣ съ этимъ раздвинулось и познаніе небеснаго свода и климатическаго разнообразія, отъ Яксарта и снѣжнаго Имая до южной оконечности тропической Индіи. Новыя животныя и растенія, новые народы востока, новые образы, нравы и учрежденія плѣняютъ взоръ своею чудесностью. Невѣріе въ разсказы Неарха, Аристовула, Мегасѳена, Онезикрита и другихъ спутниковъ Александра продолжалось долго и послѣ среднихъ вѣковъ, потому что на западѣ никто не видалъ ничего подобнаго. Рисовыя поля, пальмовое вино, древесная шерсть (бамбаксъ), индійская сталь (вууцъ), которая рѣзала камни, шелковыя издѣлія — произведеніе червей, индійскія деревья и громадные плоды, какъ гигантское индійское фиговое дерево, бананъ, муза пизангъ, кокосы, пряности, не менѣе того и исполинскія породы животныхъ, слоны, тигры, индійскіе буйволы, исполинскія змѣи, стада различныхъ породъ антилопъ и оленей, огромные муравьи и проч. — все это звучало какъ то сказочно. Да и восточныя породы людей, ихъ своеобразные обычаи и нравы, ихъ военное искусство, вѣроисповѣданія и философскія ученія, приводившія всѣхъ въ изумленіе своею новизною и непонятностью, также отнесены были къ области баснословія и выдумокъ. Однако изученіе восточныхъ языковъ и нумизматики, успѣхи географіи въ новѣйшее время и здравая критика оправдали большею частью эти показанія древнихъ писателей.

На берегахъ Инда и Ганга греки нашли могущественныя населенныя и просвѣщенныя государства, съ дворцами, храмами и другими произведеніями архитектуры и такимъ изобиліемъ драгоцѣнныхъ камней, о какомъ они дотолѣ не имѣли никакого понятія. Мегасѳенъ, бывшій посломъ Селевкидовъ при индійскихъ князьяхъ

въ царствѣ Магадга на Гангѣ, ознакомился тамъ съ великолѣпными городами и различными сокровищами. Онъ посѣтилъ столичный городъ Палибоѳру на Гангѣ, главный городъ царства празіевъ. Арріанъ, Страбонъ и Плиній, основываясь на показаніяхъ Мегасѳена, говорятъ, что эта столица имѣла 64 ворота, 570 башенъ и тянулась по берегу Ганга на 180 стадій (8—9 часовъ ходьбы). Самъ Александръ, изумленный индійскою словесностью и философіей, старался, оказаніемъ почестей и подарками, привлечь къ своему двору нѣкоторыхъ изъ ихъ великихъ мудрецовъ, изъ касты гимнософистовъ. Но Манданъ ни за что не соглашался на это, потому что Александръ казался ему слишкомъ незначительнымъ повелителемъ надъ малою лишь частью земли, чтобы быть (какъ онъ выдавалъ себя) сыномъ великаго Зевса. А философъ Каланъ, сопровождавшій Александра, при обратномъ его шествіи, нѣкоторое разстояніе за границу Индіи, окончилъ, по собственному желанію, жизнь свою на кострѣ, чтобъ избавиться отъ мученій земной жизни.

Все новое обыкновенно долгое время принимается недовѣрчиво, и считается сказкою. Съ тѣхъ поръ древесная шерсть (хлопчатая бумага) преобразила промышленность народовъ, и ткань шелковичнаго червя принесла милліоны. Развалины Палибоѳры снова отысканы нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Онѣ лежатъ при впаденіи рѣки Соры въ Гангъ, нѣсколько ниже Патны, насупротивъ города Хаджипура, выстроеннаго изъ этихъ развалинъ. Эти развалины соотвѣтствуютъ туземному древнему преданію индусовъ объ ихъ городѣ Патали-Путра, который еще въ седьмомъ вѣкѣ былъ посѣщаемъ китайскими буддистами, какъ священный городъ основателя ихъ религіи [1]).

Какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ случаяхъ основательное изученіе восточныхъ памятниковъ и языковъ, преимущественно же языка санскритскаго, его словесности и надписей на архитектурныхъ памятникахъ, оправдало, подтвердило и точнѣе объяснило показанія древнихъ, въ стихотворныхъ и прозаическихъ произведеніяхъ древнѣйшихъ временъ. Изъ этихъ, въ послѣднія

---

[1]) Will. Franklin, Inquiry concerning the Site of ancient Palibothra. London 4. — Rovershah, Memorandum on the Site of Palibothra. Calcutta 1845. 8.— О состояніи древней Индіи см. v. Bohlen, Das Alte Indien mit besonderer Rücksicht auf Aegypten. Königsberg 1830. — Lassen, Indische Archäologie. T. III. 1857.

пятьдесятъ лѣтъ такъ блистательно подвинувшихся, изслѣдованій оказалось, что уже за нѣсколько столѣтій до вторженія Александра въ Индію, тамъ прошло время высшаго процвѣтанія искусствъ и наукъ — ихъ классическое время.

Однакоже не одна Индія, эта земля чудесъ, должна занимать насъ теперь. Въ короткое двѣнадцатилѣтнее царствованіе Александра расширились географическія свѣдѣнія и о многихъ другихъ странахъ. При этомъ необходимо бросить общій взглядъ на его походы.

Благодаря Александру, вся средняя Малая Азія, начиная отъ поля битвы при Граникѣ до Тавра, сдѣлалась извѣстнѣе прежняго. Вслѣдствіе побѣды при Иссѣ у Аманскихъ горъ, открывается природа Syriae Pylae, этихъ преддверій Персіи, и вообще вся передняя Азія. Особенно важно для землевѣдѣнія было изслѣдованіе положенія финикійскихъ приморскихъ городовъ, преимущественно же Новаго-Тира, лежавшаго на островѣ, Пелузскаго устья восточнаго рукава Нила, по которому поднялся флотъ Александра, для завоеванія Мемфиса, основаніе всемірной гавани Александріи, походъ къ храму Юпитера Аммонскаго. Аммоніумъ (нынѣ Сива) лежитъ, по Горнеману, на разстояніи двѣнадцатидневнаго пути на западъ отъ Каира, а по Плинію, на разстояніи двѣнадцатидневнаго пути на западъ отъ Мемфиса,. Но Александръ отправился туда изъ Александріи по другой дорогѣ, черезъ приморскій городъ Паретоніумъ (нынѣ Баратонъ). Самостоятельный царь царствовалъ въ Оазисѣ; близъ его дворца находился храмъ съ знаменитѣйшимъ оракуломъ Зевса, за сына котораго Александръ заставлялъ себя признавать. Геродотъ (IV. 181) видѣлъ это мѣстопребываніе оракула, съ источникомъ Солнца въ пальмовой рощѣ и храмомъ, построеннымъ среди укрѣпленія, огражденнаго тройною стѣною. Это мѣсто вновь открыто Горнеманомъ (Reise von Kairo nach Murzuk. 1802) и Эренбергомъ.

Важнѣйшія открытія на Востокѣ начинаются съ восточной стороны Евфрата и Тигра. Огромные столичные города: Вавилонъ (древняя Ниневія была уже забыта), Суза, Персеполь, Экбатана, съ ихъ величественными памятниками, давшими столько поясненій для исторіи того времени, дѣлаются извѣстнѣе, а походы въ Бактрію, къ рѣкамъ Оксу и Яксарту, черезъ Каспійскія ворота (Pylae Caspiae), открываютъ сѣверъ.

Александръ первый посѣтилъ земли, лежащія между Оксомъ и Яксартомъ (Гигонъ и Сиръ), древнюю Согдіану, (аль Согдъ, рай-

ская страна), нынѣ Маваръ-аль-Нагаръ (Бухарія). Онъ самъ переправился при Таксилѣ (нынѣ Аттокъ) черезъ Индъ, о которомъ Геродотъ слышалъ, какъ объ самой восточной рѣкѣ Персіи, но ничего положительнаго не зналъ. Съ открытіемъ высокаго Паропамиза (10,000′), снѣжнаго хребта Гима-лайя, Меру (20,000′), горныхъ долинъ Каспатираса (Кашміръ), Пятирѣчія (Пентапотамія), Александръ раскрылъ для землевѣдѣнія совершенно новый міръ. Онъ коснулся впрочемъ только западнаго края этого міра; для одного человѣка этотъ міръ былъ слишкомъ огроменъ. Для того, чтобы узнать его вполнѣ потребовалось цѣлое тысячелѣтіе. Сопротивленіе войска, которое въ далекой чужбинѣ почувствовало потребность увидѣть родину, помѣшало Александру проникнуть далѣе на востокъ, по направленію къ Гангу. На крайнемъ восточномъ предѣлѣ своихъ открытій, между рѣками Гифазисомъ (Беджа) и Гезудромъ (Сутледжъ), котораго ему не удалось перейти, онъ воздвигнулъ богамъ двѣнадцать благодарственныхъ жертвенниковъ, высокихъ какъ башни, по словамъ Арріана, развалины которыхъ доселѣ однако еще не отысканы. Отсюда онъ, въ девять мѣсяцевъ, спустился со своею флотиліею внизъ по Инду, и завоевалъ прибрежныя царства (Malli) до Паталы, послѣ чего онъ, съ сухопутнымъ войскомъ, вернулся домой чрезъ Гедрозію и Караманію. Неархъ же съ флотиліею отправился изъ Паталы, въ началѣ сентября 326 года, и приплылъ только пять мѣсяцевъ спустя къ берегамъ Евфрата. Такимъ образомъ онъ проплылъ индійское и эритрейское моря.

Преждевременная смерть Александра прекратила рядъ его открытій, которыя, по словамъ Курція (X. 1. 10—18), онъ намѣревался продолжать и на западѣ до геркулесовыхъ столповъ. Новыя открытія уже начинались, когда торжественныя похороны Александра въ Вавилонѣ положили имъ конецъ. Онъ послалъ Гіерона съ порученіемъ объѣхать и завоевать Аравійскій полуостровъ, морскія границы котораго въ то время еще не были извѣстны. Онъ велѣлъ обслѣдовать сѣверные предѣлы Каспійскаго моря, котораго южную оконечность онъ видѣлъ при преслѣдованіи Дарія. Гераклиду поручено было построить для этого флотъ изъ лѣсовъ Гирканіи. Тогда думали, что изъ Каспійскаго моря можно проѣхать въ Мэотійское, и что существуетъ связь между Каспійскимъ и сѣверными морями.

Къ числу замѣчательнѣйшихъ географическихъ памятниковъ, которые Александръ оставилъ потомству, принадлежатъ многочисленныя колоніи, которыя онъ основывалъ въ примѣчательнѣйшихъ

и удобнѣйшихъ мѣстностяхъ, съ такимъ проницательнымъ взглядомъ въ будущее, что многія изъ нихъ существовали нѣсколько вѣковъ, а нѣкоторыя, какъ Александрія, живутъ и теперь.

Эти колоніи простирались отъ Бактріи (Авганистанъ) и Индіи, черезъ весь Иранъ (Персія), Месопотамію, Сирію, Малую Азію и Египетъ. Это была мирная колонизація, совсѣмъ не въ духѣ азіатскихъ деспотовъ, истинныхъ варваровъ, которые изъ побѣжденныхъ дѣлали рабовъ и невольниковъ, какъ напримѣръ Дарій, переселившій плѣнныхъ эретрійцевъ, милетянъ и другихъ грековъ къ Персидскому заливу; или какъ ассирійскіе цари, которые перевели израильскія колѣна плѣнными на Евфратъ и Хаборасъ, или поселяли ихъ на водахъ вавилонскихъ. Это были поселенія свободныхъ людей греческой цивилизаціи, съ самостоятельнымъ общиннымъ началомъ. У нихъ было свое собственное управленіе городовъ, свои самостоятельныя учрежденія; они щадили и развивали туземныя религіозныя вѣрованія и богослуженія (а не искореняли ихъ, подобно фанатическимъ азіятскимъ поклонникамъ Солнца). Они освобождали побѣжденныхъ, но старались вводить греческій языкъ, греческіе нравы, науки и искусства.

Такъ процвѣтала Alexandria ad Caucasum (Кабулъ на Индѣ), такъ развилась Александрія на Нилѣ въ Египтѣ до степени знаменитѣйшей гавани древняго міра. Точно также Alexandria ad Issum въ Сиріи (нынѣ Александретта) сдѣлалась знаменитымъ торговымъ городомъ, и уже заложена была огромная гавань на Евфратѣ (ниже Вавилона) для всемірной финикійской и греческой морской торговли съ Индіею и, кругомъ Аравіи, съ Египтомъ, чтобы этимъ закрѣпить торговыя сношенія востока съ западомъ, когда Александръ скончался. Человѣчество не было еще достаточно зрѣло для такого прогресса.

Страбонъ, Плиній и другіе писатели приводятъ до 70 городовъ, основанныхъ Александромъ во многихъ странахъ и на многихъ рѣкахъ Передней Азіи, подъ именемъ Александрій; до сихъ поръ еще ихъ существуетъ съ полсотни, подъ тѣмъ же названіемъ Александрій, но большею частью искаженнымъ, какъ то: Александретта, Скандерунъ, Искендеръ, Кандагаръ, или же подъ совершенно измѣненными восточными названіями. Эти то колоніи перенесли греческую цивилизацію въ Азію; онѣ пытались свободнѣйшими республиканскими учрежденіями и законами расшатать неподвижный деспотическій Востокъ; онѣ торговлею, искусствами и науками способствовали всего болѣе развитію образованія и распространенію свѣдѣній о Передней Азіи.

Преемники Александра, Селевкиды въ Азіи и Птоломеи въ Африкѣ, остались по большей части вѣрны его системѣ — возвышать Востокъ посредствомъ греческой цивилизаціи. Поэтому то греческій языкъ и изящная сторона ихъ образованія проникли, на довольно продолжительное время, до верхней Индіи и въ бактрійскую центральную верхнюю Азію; это способствовало также и тому, что и эти отдаленныя страны мало по малу выдвигались изъ прежняго мрака, хотя, правда, часто снова погружались въ него. Въ то время, когда написанъ былъ Periplus Maris Erythraei, въ большомъ торговомъ городѣ Баригазѣ (Барода при Суратѣ) греческія серебрянныя и золотыя монеты ходили точно также, какъ и восточные дарики; золотыя монеты пареянъ были большею частью греческаго чекана, да и вообще вся монетная система западной Азіи получила греческое клеймо. Пареянскіе цари получили прозваніе филэленовъ. Когда современникъ Юлія Цезаря, тріумвиръ Крассъ, разбитъ былъ при Каррэ (Carrhae) въ Сиріи, въ 53 г. до Р. Х., то при празднованіи побѣды въ столицѣ пареянскаго царя Орода давали Эврипидовыхъ «Вакховъ». Греческій языкъ и греческіе нравы вошли въ употребленіе въ Сиріи, Палестинѣ, въ Малой Азіи, на Кавказѣ и у митридатскихъ царей у Понта, и это то было главною причиною легкости, съ какою впослѣдствіи римляне всюду проникали въ западной Азіи и утверждали тамъ свое господство.

Это время Діадоховъ представляетъ собою подобіе нашего столѣтія, простершаго свою цивилизацію на весь земной шаръ [1]). Но прежде чѣмъ обратиться къ Птоломеямъ, столь важнымъ для исторіи землевѣдѣнія, необходимо бросить взглядъ на оба главнѣйшіе восточные народы — индійцевъ и китайцевъ.

ИНДІЙЦЫ И КИТАЙЦЫ.

Во времена Александра индійцамъ было уже извѣстно многое, что для македонянъ было совершенно ново, многое было разработано въ бо̀льшей степени совершенства, чѣмъ у западныхъ народовъ, какъ напримѣръ космографія и географія. Древняя ученая каста Браминовъ, подобно египетскимъ жрецамъ, имѣла свои геогра-

---

[1]) Droysen, Die Hellenischen Colonien des Orients und die Städtegründungen Alexanders und seiner Nachfolger. 1843. 8.

фическія карты, какъ всего земнаго круга, такъ и отдѣльныхъ мѣстностей. У нихъ существовала своя астрономія, своя космологія и свои географическія системы. Въ ученой разработкѣ послѣднихъ видно совершенно своеобразное воззрѣніе. Замѣчательнѣйшія свѣдѣнія относятся къ Азіи; объ другихъ странахъ свѣта у нихъ находятся менѣе точныя указанія.

Подробное и критическое изученіе санскритскихъ произведеній уже значительно обогатило исторію землевѣдѣнія на востокѣ, и, безъ сомнѣнія, откроетъ еще много новаго, потому что пока прошли только два десятилѣтія, какъ мы пріобрѣли первыя свѣдѣнія въ языкѣ и древней словесности индійцевъ [1]).

Изученіе древней индійской географіи невозможно безъ основательнаго изученія миѳологіи, космогоніи и религіозныхъ системъ индійцевъ и останется всегда затруднительнымъ, потому что всѣ науки имѣютъ у индійцевъ религіозно-символическій отпечатокъ; землевѣдѣніе у нихъ прямо принимаетъ видъ божественнаго откровенія.

Въ шестой книгѣ индійской Иліады, въ эпосѣ Магабгаратѣ, находится географическій эпизодъ въ 300 стиховъ. Самъ Брама поручаетъ своему служителю, мудрому Сандшіасу, возвѣстить смертнымъ познаніе земли:

Названіе рѣкъ и горъ, о Сандшіасъ,
Также и деревень, и всего живущаго на землѣ,
А также и мѣры, о ты, свѣдущій въ мѣрахъ, заодно,
Все повѣдай людямъ, а также и лѣса, о Сандшіасъ.

Тутъ начинается исчисленіе обоихъ океановъ, шести главныхъ горныхъ хребтовъ и всего прочаго [2]). Во второмъ великомъ эпосѣ, Рамаянѣ, описано завоеваніе великимъ индійскимъ царемъ Рамою острова Ланки, т. е. священнаго острова Цейлона. Описаніе этого подвига Рамы и спутника его Ганумана, царя обезьянъ, сравнивали съ Одиссеей. Въ четвертой книгѣ этого эпоса Рамаяны находится описаніе всей земли, въ которомъ священный островъ

---

[1]) Причиною и поводомъ къ этому послужили академическія записки Азіятскаго Общества въ Калькуттѣ, основаннаго Джонстономъ въ 1798 году и развернувшаго свою дѣятельность въ началѣ нашего столѣтія. Записокъ вышло до 20 томовъ. Затѣмъ основаны и другія азіятскія общества.

[2]) Переведено на нѣмецкій языкъ Розеномъ, издано К. Риттеромъ см. Monatsberichte der Berl. Geogr. Gesellsch. 1848. T. V. стр. 35—44.

Ланка, Цейлонъ, у грековъ Тапробанэ (т. е. островъ кающихся), играетъ главную роль.

Въ различныхъ священныхъ книгахъ браминовъ, въ Ведахъ, встрѣчаются (подобно какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ евреевъ) важныя географическія данныя. Эти Веды, въ 16 фоліантахъ, находятся уже въ настоящее время; въ числѣ многихъ экземпляровъ, въ рукахъ европейскихъ оріенталистовъ, равно какъ и многочисленныя комментаріи къ нимъ, извѣстныя подъ именемъ Пуранъ и составленныя жрецами въ различныя столѣтія. Въ этихъ книгахъ находится всегда глава для объясненія географіи, называемой Бгавана дарза, т. е. зерцало міра.

Индійское описаніе міра и земли имѣетъ только нѣсколько общихъ чертъ съ Моисеевой космогоніею (какъ напримѣръ происхожденіе изъ воды), въ остальномъ же оно носитъ совершенно своеобразный характеръ. Священный цвѣтокъ индусовъ есть лотосъ (Nymphaea Lotos), изъ породы нашей бѣлой кувшинки или водянаго лапуха (Nimphaca alba). Міръ есть плавающій на водѣ цвѣтокъ лотоса. Созданная земля есть распустившійся цвѣтокъ, а почки—имѣющія быть созданными міровыя тѣла.

Стебель лотоса коренится въ глубинѣ воды; когда же онъ начинаетъ цвѣсти, то поднимается на поверхность воды, и его великолѣпный цвѣтокъ развивается въ полномъ блескѣ красоты. Такъ и творецъ міра, Брама, покоится въ глубинѣ океана и, творя, выступаетъ изъ него, подобно своей землѣ. Средина этого цвѣтка лотоса, его плодникъ съ пестикомъ, есть средина возвышенной Азіи: Высокая Индія, Тибетъ и Высокая Татарія суть конусъ средины, Меру значитъ Гималай, котораго вѣчно чистая снѣжная вершина, Кайлаза, есть мѣсто собранія боговъ. Это ихъ Олимпъ. Изъ тычинокъ и медовыхъ вмѣстилищъ, расположенныхъ вокругъ плодника, истекаютъ во всѣ четыре страны оплодотворяющія землю рѣки. По направленію этихъ четырехъ странъ свѣта расположены на водѣ и четыре главные лепестки лотоса. Къ югу лежитъ ихъ Индійскій полуостровъ,—это главный лепестокъ *Двипа* (т. е. окруженный моремъ), превосходный плодъ котораго *Ямбу* (Eugenia Jambu) составляетъ яство боговъ, какъ амброзія у грековъ. Поэтому они называютъ Индію *Ямбу Двипа*. А такъ какъ она занимаетъ самое благопріятное положеніе по направленію къ солнечной сторонѣ, къ югу, то она называется также Dacshina, т. е. правая сторона, почтеннѣйшая, индо-германская. До сихъ поръ еще, какъ извѣстно, южная часть передней Индіи носитъ названіе Декана. Арріанъ не-

казилъ названіе Dacshina въ Δαχιναβάδης. Этотъ лепестокъ, Индія европейцевъ, который никогда не зовется этимъ именемъ индусами, подобно какъ Teutschland отъ Teut, называется также и Багарата канда, земля Багарата, потому что Багарата почитается праотцемъ индійцевъ.

Остальные лепестки суть: къ востоку Хинъ (Китай), къ сѣверу Куру, Уттара Куру (у Плинія Atta Cori), сѣверная Сибирь, къ западу Яванъ, Іонъ (Іонія), земля племени Явана, т. е. Иранъ и наши западныя земли. Между этими четырьмя главными лепестками, по направленію четырехъ странъ свѣта, по которому текутъ и рѣки (двѣ китайскія на востокѣ, двѣ индійскія на югѣ, двѣ западныя Сиръ и Гигонъ и нѣсколько сѣверныхъ въ Сибири), лежатъ меньшіе лепестки, какъ то: задняя Индія, *Банка* (и нынѣ у Малакки, т. е. ma=maha, magna и lakka, носовое lanka) и *Занкса* (Зангвебаръ). Кругомъ лепестковъ самаго цвѣтка лотоса, какъ и у Victoria regia, разбросаны еще листья, — это острова: Тапробанэ, Маледивы и Лакедивы.

Многое здѣсь остроумно придумано, иное не такъ естественно и удачно.

Въ основѣ этого космогоническаго воззрѣнія лежитъ идея цѣлаго, органическаго растенія, котораго корни въ недосягаемой глубинѣ океана, а цвѣтокъ возносится къ небу и распускается на солнцѣ. Въ индійской скульптурѣ цвѣтовое ложе лотоса составляетъ подножіе всѣхъ изваяній боговъ, въ стоячемъ или лежачемъ положеніи. Объ этомъ разсуждали и философствовали всѣ индійскіе мудрецы, основывая на этомъ свои космогоническія системы, какъ это было и у іонійскихъ философовъ школы Ѳалеса милетскаго. Они были совершенно чужды нашихъ математическихъ, геометрическихъ и топографическихъ пріемовъ для начертанія географическихъ картъ. Они занимались преимущественно изслѣдованіемъ сотворенія во времени, между тѣмъ какъ западные народы, напротивъ, старались геометрически представить сотворенное въ пространствѣ. Въ своихъ спеціальныхъ картахъ, гдѣ генетическое начало не могло имѣть примѣненія, они также слѣдовали болѣе геометрическимъ пріемамъ.

Индусы-буддисты слѣдовали другой системѣ. Они приводили всѣ понятія къ матерьяльнымъ основаніямъ и старались объяснить все математическими формулами. Треугольникъ представляетъ для нихъ самую совершенную, многознаменательнѣйшую форму. Они изображаютъ землю въ видѣ огромнаго треугольника, котораго

южный меньшій, но болѣе совершенной формы, треугольникъ представляетъ ихъ избранную Индію. Кругомъ этого треугольника лежатъ остальныя земли и острова, разбросанные въ морѣ, въ видѣ круга. Птоломей, который впослѣдствіи, при своемъ описаніи Индіи, вѣроятно, почерпнулъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ этихъ источниковъ, приводитъ число этихъ острововъ до 1378.

О западныхъ европейскихъ земляхъ индусы узнали, вѣроятно, уже гораздо позже. По крайней мѣрѣ баснословныя сказанія индійскихъ жрецовъ не могутъ доказать противнаго. Многіе изъ нынѣшнихъ браминовъ на Гангѣ и ихъ ученые, пандиты, впали, по большей части, сравнительно съ своими предками, въ грубое невѣжество, и потому изъ тщеславія и народной гордости часто обманываютъ любознательныхъ чужеземцевъ, европейцевъ. Бывши прежде единственными обладателями древнихъ санскритскихъ рукописей и средствъ къ пониманію ихъ, при исключительномъ знаніи санскритскаго языка, они, подобно тщеславнымъ бонзамъ въ Китаѣ, легко могли во многомъ увѣрить своихъ любознательныхъ учениковъ, принужденныхъ учиться у нихъ. По ихъ словамъ, разсчитаннымъ для собственнаго прославленія, весь европейскій міръ былъ извѣстенъ индусамъ уже въ отдаленнѣйшія времена, а индійская литература и хронологія существуютъ будто бы уже нѣсколько десятковъ тысячъ лѣтъ. Полковника Френсиса Вильфорда въ Калькуттѣ, усерднаго ученика браминовъ, они дурачили, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду, хуже, чѣмъ египетскіе жрецы Геродота. Въ первыхъ томахъ записокъ Калькутскаго общества (Т. III. 1792. Т. V. 1798 и 99) онъ со словъ ихъ передаетъ невѣроятныя вещи объ миѳологіи, исторіи и географіи индусовъ. Такъ напримѣръ онъ передаетъ будто бы древніе индійцы знали уже великобританскіе острова, и называли ихъ Священными островами, Sacred Isles, а Ирландію—Инверніей (оттуда Іерне). Лишь въ 1805 году, въ восьмомъ томѣ, Вильфордъ открылъ всю продѣлку, которую съиграли съ нимъ пандиты. Они умѣли удовлетворять его антикварскому рвенію правдоподобными выдумками [1]).

---

[1]) Прошли пока лишь два десятилѣтія съ тѣхъ поръ, какъ мы стали знакомиться съ географіей индійскихъ источниковъ. Значеніе, какое начинаютъ принимать эти санскритскіе источники для исторіи землевѣдѣнія, видно изъ слѣдующихъ сочиненій: A. W. v. Schlegel, Indische Bibliothek. 1827. Тутъ въ особенности важны во второмъ томѣ первыя критическія статьи о санскритскихъ географическихъ источникахъ.— Christ. Lassen, Commentatio Geographica de Pentapotamia Indica. Его же: Zur Geschichte der Griechischen und Indoskythischen Könige in Baktrien, Kabul und Indien. Bonn. 1838. Его же статьи въ періодическомъ изданіи: Kunde des Morgen-

Совершенно новый источникъ для индо-азіятскаго землевѣдѣнія представляютъ индійскія намѣстничества въ Бактро-персидскихъ провинціяхъ и верхней Индіи, напоминающія времена Александра Великаго. Они существовали еще долгое время послѣ Діадоховъ, отъ которыхъ, по большей части, сдѣлались совершенно независимыми, но были совершенно забыты и затеряны, по причинѣ большаго отдаленія и прерванныхъ непосредственныхъ сношеній. За исключеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній въ исторіи Селевкидовъ, объ нихъ больше ничего не знали. Но новѣйшія изслѣдованія путешественниковъ, участвовавшихъ въ походахъ англичанъ въ странахъ, лежащихъ у верховьевъ Инда, древнюю Бактрію и Авганистанъ, открыли несмѣтныя сокровища монетъ, отчеканенныхъ въ этихъ земляхъ преемниками Александра. Такимъ образомъ составлены уже почти полныя генеалогіи властителей того времени. Важнѣйшія данныя по этому предмету находятся въ Ariana antiqua Antiquities and coins of the Baktr. and Ind. of Wilson, London 1841, съ изображеніями монетъ, которыя въ настоящее время находятся въ числѣ многихъ тысячъ въ европейскихъ музеяхъ. Это пролило совершенно новый свѣтъ на отношенія народностей внутренней Азіи. Европейская цивилизація, дѣйствовавшая на Востокъ посредствомъ александровыхъ колоній, имѣла опять обратное вліяніе на европейскую культуру, въ періодъ великаго переселенія народовъ. Главное мѣстопребываніе этихъ народовъ было въ горныхъ окружностяхъ древней Бактріи, у Персовъ Арья, Аріана (поэтому у Вильсона Ariana antiqua). Эти изслѣдованія прояснили время существованія народовъ, которые доселѣ смѣшиваемы были въ одну безразличную массу варваровъ.

И такъ мы только въ послѣдніе двадцать лѣтъ познакомились съ географическими познаніями древнихъ индійцевъ. То же можно

---

landes. 1837—1846. 7 томовъ. Его же: Indische Alterthumskunde. Bonn. 1843, въ 4 томахъ, еще неокончено. Это самое полное, самое богатое сочиненіе, почерпнутое изъ источниковъ съ критикою ихъ, какого нѣтъ ни въ одной литературѣ. Географія въ немъ самая полная. Карта древней Индіи Г. Киперта. — Ioannes Gildemeister, Scriptorum Arabum de Rebus Indicis loci et opuscula inedita. Bonnae 1838.—Megasthenis Indica Fragmenta collegit etc. Schwanebek. Bonn. 1846.—Iohannsen (C. Th.), Die kosmogonischen Ansichten der Inder und Hebräer. Altona. 1833.—Reinaud, Fragmens Arabes et Persans inédits relatifs à l'Inde avant le XI siècle. Paris. 1845.—Reinaud, Mémoires géogr. histor. scientifics sur l'Inde avant le XI siècle d'après les écrivains Arabes, Persans et Chinois. Paris. 1849.—Reinaud, Géographie d'Abulfeda. Paris. 1848. Vol. I. Introduction générale.

сказать и про древнюю географію ихъ восточныхъ сосѣдей — древнихъ *синовъ*, нынѣшнихъ *китайцевъ*.

И Китай еще до Рождества Христова былъ цвѣтущимъ цивилизованнымъ государствомъ, имѣвшимъ значеніе уже во времена Александра Великаго, хотя западные народы остались въ полномъ невѣдѣніи объ немъ.

Въ книгѣ пророка Исаія являются, повидимому, первые слѣды имени китайцевъ и темнаго сказанія объ ихъ существованіи. «И сдѣлаю всѣ мои горы путемъ, и стези мои будутъ проложены.» (гл. 49, ст. 11.) «Смотри, эти придутъ издалека, и смотри, эти отъ полуночи и отъ моря, а тѣ—изъ страны Синима.» (гл. 49. ст. 12.) Во всякомъ случаѣ рѣчь идетъ тутъ объ народѣ очень отдаленномъ, могущества котораго, когда онъ приближался, надлежало бояться. Гезеніусу и другимъ оріенталистамъ казалось, что этимъ намекается на китайцевъ, которые въ тѣ древнія времена могли быть ближе къ Передней Азіи, чѣмъ въ настоящее время. Но македоняне временъ Александра Великаго не имѣли никакихъ ближайшихъ свѣдѣній объ этомъ великомъ государствѣ Востока, иначе они, безъ сомнѣнія, оставили бы намъ какое нибудь извѣстіе о немъ. Эратосѳенъ, правда, называетъ (Страбонъ I. 65) на крайнемъ востокѣ земли народъ *Θῖναι*, и конечно могъ получить это свѣдѣніе въ Египтѣ, гдѣ онъ жилъ во II ст. до Р. Х., отъ македонскихъ грековъ; но онъ ничего болѣе не приводитъ объ этомъ восточномъ краѣ земли, кромѣ одного имени [1]). Только Птоломей, во II в. по Р. Х., точнѣе знаетъ Sinarum regio, которая граничитъ со страною Serica торговцевъ шелкомъ (серовъ) и лежитъ по ту сторону страны Ганга или Индіи (VII. 3.) Мы едва ли вправѣ сомнѣваться въ томъ, что онъ получилъ извѣстія эти о мѣстѣ жительства синовъ и серовъ отъ своихъ соотечественниковъ, греко-бактріянскихъ царей, на западѣ отъ государства этихъ народовъ, въ нынѣшнихъ бухарскихъ и туркестанскихъ земляхъ, у истоковъ Окса и Яксарта. Цари эти оставались многія столѣтія владѣтелями мѣстности, которую македоняне открыли и покорили своей власти, подъ именемъ Бактріи и Согдіяны, у Окса и Яксарта. По всей вѣроятности они были въ сношеніяхъ и съ сирійскими царями; по крайней мѣрѣ Вильсонъ нашелъ на одной индійской надписи имена Антіоха и другихъ греческихъ царей (Athenäum.

---

[1]) Это всеобщее донынѣ мнѣніе устранено у Страбона измѣненіемъ чтенія *διὰ Θινῶν* въ *δι' Ἀθηνῶν*. См. Kramer ad l. c. Примѣч. Даніеля.

№ 970. стр. 556). Это продолжительное господство доказываютъ уже выше приведенныя нумизматическія сокровища страны Ariana antiqua.

Эти сины были уже давно старожилами тамъ, гдѣ еще Киръ заложилъ пограничный городъ Кирешату (знаменитый впослѣдствіи Самаркандъ). Ихъ могущественная династія, по имени Тинъ, царствовала еще за три столѣтія до Р. Х. въ средней Азіи и по имени этой династіи европейцы назвали самый народъ—синами. Съ ними и ихъ соплеменниками серами (торговцами шелкомъ), которые еще во времена пароянъ и римлянъ посылали караваны свои къ Кавказу и Понту, греко-бактріянскіе цари, послѣ Александра, должны были состоять въ разнообразныхъ сношеніяхъ и получать такимъ путемъ свѣдѣнія о древнемъ царствѣ династіи Тиновъ, впослѣдствіи Китайской имперіи. Что̀ серы, можетъ быть, были ихъ соплеменниками, по происхожденію и языку, можно заключить изъ того, что китайское серъ обозначаетъ и шелковичнаго червя и шелкъ, который они вывозили изъ Китая, родины шелковичнаго червя, на западъ. Отсюда у Римлянъ страна — Serica, шелкъ Sericum. А такъ какъ въ нѣкоторыхъ китайскихъ нарѣчіяхъ не выговаривается буква r, то образовались слова se, seta, шелкъ, бывшія въ употребленіи у другихъ германо-гетскимъ или германо-готскихъ народовъ, равно какъ и въ позднѣйшемъ латинскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, какъ это часто случалось въ древности, товаръ сдѣлался западнымъ народамъ раньше извѣстенъ, чѣмъ народъ, его развозившій, и чѣмъ страна, его производившая.

Не удивительно также, что византійскіе императоры на дальнемъ западѣ получали свѣдѣнія объ этомъ могущественномъ восточномъ государствѣ и расположены были входить съ нимъ въ дружественныя сношенія, особенно въ то время, когда войны магометанскихъ народовъ начали угрожать византійской имперіи, по направленію изъ средней Азіи къ западу, въ Сиріи и Месопотаміи. Изъ этого времени дошло до насъ извѣстіе о посольствѣ, въ 638 г., между императоромъ Геракліемъ и китайскимъ императоромъ Тай-Цингомъ, который въ своемъ китайскомъ писаніи называетъ резиденцію Гераклія Фолиномъ или Болиномъ. Названіе это было непонятно, пока не узнали въ немъ греческаго сокращенія Константинополя (Стамбулъ), именно сокращенія слова *εἰς τὴν πόλιν*. Изъ китайскихъ письменныхъ памятниковъ оказывается, что китайцы выѣхали встрѣтить византійскаго посла далеко на западъ, до Бактріи и Каспійскаго моря.

Все это однакоже только весьма скудныя и разрозненныя указанія о знакомствѣ съ этимъ дальнимъ народомъ крайняго востока, который между тѣмъ о западной половинѣ своей части свѣта (Азіи) имѣлъ уже гораздо раньше далеко точнѣйшія географическія свѣдѣнія, чѣмъ долгое время воображали себѣ на западѣ.

Лишь нѣсколько десятилѣтій тому назадъ мы узнали изъ туземныхъ китайскихъ лѣтописей, что китайцы еще за 200 лѣтъ до Р. Х. были очень усердны въ собираніи географическихъ свѣдѣній о сосѣдственныхъ земляхъ и народахъ. Они и понынѣ таковы, только, разумѣется, на свой ладъ.

Какъ римляне и аравитяне оставили въ своихъ письменныхъ памятникахъ болѣе точныя извѣстія и описанія лишь народовъ, ими покоренныхъ (прочіе въ ихъ глазахъ не стоили особеннаго вниманія), такъ и китайцы простирали свою географическую любознательность лишь до предѣловъ своего государства, — но не далѣе. Нужно впрочемъ помнить, что китайскій восточный міръ уже самъ по себѣ былъ весьма обширенъ и вдвое, даже почти втрое, превосходилъ величиною нашу маленькую Европу. Си-Ю (отъ си, западъ) называли они западный міръ Азіи, вмѣстѣ съ Европою, восточную часть котораго — Пей-кинъ они узнали уже въ 75 г. до Р. Х., во время одного завоевательнаго похода. Географія и исторія всѣхъ странъ и народовъ, которые должны были платить дань властелинамъ Китая, была описана ими, изъ государственныхъ интерессовъ; о другихъ же народахъ китайское правительство не заботилось. Въ эти земли, платившія дань, не уступавшія въ обширности Европѣ, весьма часто посылаемы были посольства. Послы, съ древнѣйшихъ временъ, обязаны были представлять правительству путевой дневникъ своего посольства. Такимъ образомъ, составлялось нѣчто въ родѣ *географіи* и *статистики* посѣщенной страны, совершенно такъ, какъ это было при посольствахъ византійскихъ императоровъ или венеціянцевъ. Отчеты посольствъ хранились въ государственныхъ архивахъ.

При всякой перемѣнѣ династіи новые властители, по вступленіи своемъ на престолъ, открывали эти архивы и содержаніе ихъ обнародывалось въ историческихъ и статистическихъ сочиненіяхъ.

Кромѣ того, народы, обложенные данью, должны были, черезъ собственныхъ пословъ, доставлять свою дань ко двору, въ резиденцію Китая. Тамъ распрашивали пришельцевъ объ ихъ странѣ и народѣ, и эти отвѣты также должны были, по распоряженію пра-

вительства, быть внесены съ точностію въ лѣтописи. Такъ получены были извѣстія о Татаріи, Тибетѣ, Тункинѣ, Туркестанѣ, Бухаріи, Кохинхинѣ, о пограничныхъ земляхъ Индіи, Персіи и Сибири, объ отдаленныхъ островахъ Формозѣ, Японіи, Явѣ и обо всей задней Индіи. Такимъ образомъ, въ теченіе многихъ столѣтій, накоплялись въ Китаѣ несмѣтныя сокровища географическихъ свѣдѣній обо всей восточной Азіи.

Такъ какъ въ Китаѣ книгопечатаніе вырѣзанными на деревѣ стереотипными буквами изобрѣтено было гораздо раньше, чѣмъ въ Европѣ (Editio princeps первой китайской книги, Ноу-кингъ, относится къ 952 г. по Р. Х.), то и многія изъ этихъ китайскихъ исторій и географій были напечатаны. Съ этимъ сокровищемъ китайской печатной литературы мы познакомились только недавно, благодаря основательному изученію китайскаго языка. Свѣдѣнія, распространенныя о Китаѣ въ теченіе короткаго періода времени въ 16 ст. іезуитскими миссіонерами, большею частію были лишь поверхностныя извлеченія изъ китайскихъ руководствъ, безъ основательнаго изученія самого языка. Въ парижской библіотекѣ по крайней мѣрѣ отъ 25,000 до 30,000 томовъ китайскихъ печатныхъ книгъ; столько же—и въ лондонской. Въ берлинской королевской библіотекѣ до 4,000 томовъ классическихъ китайскихъ произведеній. Синологи теперь уже достаточно ознакомились съ ихъ содержаніемъ и мы имѣемъ уже весьма дѣльныя обработки этой литературы, представляющей богатѣйшія географическія сокровища, изъ самой глубокой древности, о восточной Азіи. До пользованія этими лѣтописями наши европейскія свѣдѣнія о центральной и восточной Азіи исполнены были ошибокъ и басенъ. Только теперь, благодаря извлеченіямъ изъ этихъ источниковъ, могла составиться географія этихъ странъ, болѣе очищенная отъ прежней ничтожности и нелѣпостей. Изъ этихъ лѣтописей оказывается, что географическія свѣдѣнія китайцевъ о западной и средней Азіи восходятъ до 200 лѣтъ до Р. Х. Тогда, около 140 г. до Р. Х., отправилось первое китайское посольство, на разстояніи многихъ сотенъ миль на западъ, до высокой Бухаріи, въ Хотанъ, бывшій дотолѣ цвѣтущимъ самостоятельнымъ царствомъ, а въ это время сдѣлавшійся китайскимъ данникомъ. Братья Шлагинтвейты открыли снова эту страну въ 1856 г. Съ этого періода (стало быть одновременно съ разрушеніемъ Карѳагена римлянами) начинается рядъ богатыхъ китайскихъ источниковъ для географіи и этнографіи средней Азіи, какъ объ

Си-Ю (западныхъ и южныхъ странахъ), такъ и о *Пе-Ю* (сѣверныхъ странахъ [1]).

Важнѣйшіе туземные источники древней географической литературы суть оффиціальныя географіи Китайскаго государства. Онѣ съ величайшею тщательностію составлялись, изъ государственныхъ интересовъ, по собраннымъ предварительно матеріяламъ, для каждой новой династіи, вступавшей на китайскій престолъ. Онѣ печатались для всеобщаго свѣдѣнія, что̀ такъ рѣдко случалось съ статистикой европейскихъ государствъ, гдѣ обыкновенно все пряталось, какъ государственная тайна.

Самая древняя географія есть знаменитое сочиненіе Матуанъ лина, 1207 г. Заглавіе ея: «Венъ хіанъ тунгъ хао, т. е. точное изслѣдованіе древнихъ памятниковъ, и состоитъ изъ 348 книгъ во 100 томахъ. Это есть извлеченіе изъ древнѣйшей китайской литературы, нѣчто въ родѣ энциклопедіи римской литературы, извѣстной компиляціи Плинія, его такъ называемой Historia Naturalis, но съ бо̀льшею тщательностію составленная величайшимъ китайскимъ ученымъ 12-го столѣтія, Матуанъ-линомъ. Въ 9 книгахъ заключается географія Китая различныхъ эпохъ прежняго времени, а въ 9 другихъ книгахъ—географія чужихъ странъ и народовъ.

Оффиціальная географія Минговъ, составленная при вступленіи на престолъ династіи Минговъ (съ 1368 г.), состоитъ изъ 260 большихъ томовъ, въ 15 отдѣлахъ, заключающихъ топографію, гидрографію, древности, архитектуру, описаніе естественныхъ произведеній по всѣмъ тремъ царствамъ природы, описаніе народовъ и ихъ нравовъ, со многими картами и планами.

Новѣйшая оффиціальная географія Манджурской династіи, господствующей съ 1644 г., находится въ берлинской библіотекѣ.

---

[1]) Abel Remusat, Recherches sur les langues Tartares, ou Memoires etc. Paris. 1820. 4. Histoire de la ville de Khotan, tirée des Annales de la Chine. Paris. 1820. 8. Memoire sur l'Extension de l'Empire des Chinois du Coté de l'Occident. Mélanges asiatiques. 2 T. 1825 и 26. Nouveaux Mélanges asiat. 2 T. 1829.—Klaproth, Tableaux historiques de l'Asie. Paris. 1824—1826, съ историческимъ атласомъ. Memoires relatives à l'Asie. 3 vol. 1826—28. Большая карта китайской имперіи и центральной Азіи по китайскимъ источникамъ. Многіе мемуары въ запискахъ парижской академіи, въ Journal Asiatique.—Schott, въ запискахъ берлинской академіи наукъ. Foe Koue Ki ou Relations des Royaumes Bouddhiques, миссіонерское или богомольническое странствіе буддистскихъ жрецовъ изъ Китая черезъ среднюю Азію въ Индію, въ 4 вѣкѣ.—Stanislas Julien, Histoire de la Vie de Hiuen-Thsang et de ses Voyages de l'Inde, отъ 629—645 p. u. traduite du Chinois. Paris. 1853. 8. Со многими объясненіями, важными для географіи древняго Китая.

По этимъ китайскимъ и индійскимъ источникамъ и другимъ восточнымъ сочиненіямъ составлено большею частію и мое сравнительное землевѣденіе Китая.

Географія въ Египтѣ при Птоломеяхъ.

Съ македонскимъ періодомъ мы снова возвращаемся на западъ. Наука географіи шла здѣсь совершенно инымъ путемъ развитія, особенно подъ покровительствомъ Птоломеевъ въ Египтѣ, которые были здѣсь наслѣдниками Александра до самаго римскаго владычества.

Птоломеи принесли съ собою на тронъ образованіе и познанія грековъ, любовь къ греческому языку, греческимъ наукамъ и искусствамъ. Они получали образованіе въ школахъ Платона или Аристотеля. Такимъ образомъ Александрія скоро могла сдѣлаться центромъ древней цивилизаціи, всемірной торговли, высшею академіею наукъ, первенствующимъ всемірнымъ городомъ своего времени.

Александръ расшевелилъ своихъ современниковъ и далъ имъ инпціативу движенія по всѣмъ направленіямъ. И Птоломеи раздвинули свое, унаслѣдованное отъ Александра, господство. Они завоевали африканскія прибрежья Чермнаго моря. Внутри они распространили свою власть и свое вліяніе на Нубію и Эѳіопію, даже до истоковъ Нигера. Они повторили въ бо̀льшемъ размѣрѣ то, что передъ ними сдѣлали Сезостриды для внутренней Ливіи. Потребность войны и роскоши дала первый поводъ къ завоевательнымъ походамъ.

Слоновая кость составляла тогда украшеніе храмовъ и дворцовъ. Тронъ Птоломеевъ сдѣланъ былъ изъ золота и слоновой кости. Съ тѣхъ поръ, какъ Македоняне, въ войнахъ съ индійскими царями, познакомились съ непоколебимымъ строемъ тяжелой кавалеріи слоновъ, боевые слоны составляютъ необходимую принадлежность походовъ Селевкидовъ и Птоломеевъ. Селевкиды завели индійскихъ слоновъ на берегахъ Оронта и въ Гамѣ. Еще Карѳагеняне получали стада своихъ слоновъ изъ внутренней Африки. Охотники, часто высылаемые Птоломеями туда же за слонами, сдѣлались открывателями тропической, центральной Африки (Агизимбы у Птоломея) и пространныхъ эѳіопскихъ земель въ области верхняго Нила. Отсюда многочисленныя новыя географическія данныя въ географическихъ таблицахъ Клавдія Птоломея.

Птоломеевскіе охотники за слонами проникали до крайней восточной оконечности Африки, близъ экватора, до мыса Aromatum

(Гвардафуй у португальцевъ), вслѣдствіе чего мысъ этотъ и понынѣ удержалъ у туземцевъ имя Слоноваго мыса, Расъ Феллисъ, отъ *филъ* — слонъ. Отсюда произошло позднѣйшее измѣненіе — Mons Felix. У мыса лежитъ островъ Сокотора, куда приставали торговцы пряностями, путемъ изъ Индіи и Цейлона. Стада дикихъ слоновъ все болѣе и болѣе удалялись отъ преслѣдованія охотниковъ во внутренность страны. Такимъ образомъ тогда, безспорно, открыты были истоки Нила, притоки Нигера, равно какъ и внутреннихъ смежныхъ между собою озеръ, внутренняя Эѳіопія и тропическія центральныя земли гарамантовъ и другихъ народовъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, и многія племена негровъ. Тогда же въ южныхъ эѳіопскихъ земляхъ поселялись рудокопы (быть можетъ у Бѣлаго Нила подлѣ Хартума, въ Фацоглѣ или у Шиллика), для разработки золотыхъ пріисковъ и копей драгоцѣнныхъ камней, между которыми особенно славились птоломеевскіе изумруды. Такимъ образомъ, въ этой сѣверо-восточной сторонѣ очень быстро раздвинулось знакомство съ внутренностію Африки [1]).

На западъ Птоломеи раздвинули свое господство до Киренаики, греческой колоніи города Ѳеръ (Ѳеры), которая, сдѣлавшись пограничной провинціей съ Карѳагеномъ, была поводомъ къ разнымъ открытіямъ въ области Сагарской пустыни.

Какъ полководецъ Александра въ Индіи, Птоломей 1-й успѣлъ хорошо познакомиться съ ея сокровищами. Въ его династіи осталось пристрастіе къ расширенію торговыхъ сношеній съ Индіею, на Чермномъ и Индійскомъ моряхъ. Индія была чрезвычайно богата золотомъ, серебромъ, алмазами, рубинами и вообще всякаго рода драгоцѣнными камнями, шелкомъ и хлопчатою бумагою (Sericum, Ὀθόνιον), дорогими тканями и множествомъ другихъ предметовъ роскоши, къ которой всѣ очень скоро привыкли. Чтобы все это получать изъ первыхъ рукъ, Птоломеи входили съ Индіею въ новыя торговыя сношенія, сухимъ путемъ и моремъ. Особенно дѣятеленъ былъ въ этомъ отношеніи Птоломей II Филадельфъ; войны съ Селевкидами за южную Палестину и Сирію имѣли цѣлію, овладѣть сухопутными караванными путями

---

[1]) Она все еще удерживала старинное названіе Ливіи, но уже и тогда постепенно входило у латинскихъ народовъ въ употребленіе, отъ имени одной небольшой карѳагенской приморской провинціи «Аферъ», прилагательное Africus (изъ Афера) и Africanus, вслѣдствіе чего, наконецъ, и вся часть свѣта стала называться **Африкой**, имя, которое въ позднѣйшія времена вытѣснило всѣ прежнія названія.

черезъ каменистую Аравію къ южнымъ приморскимъ аравійскимъ городамъ, и тѣмъ обезпечить себѣ сухопутную торговлю. Съ тою же цѣлію основаны были на восточной сторонѣ Мертваго моря города и колоніи, преимущественно же великолѣпная Филадельфія, на мѣстѣ древняго Раббатъ Аммона, въ прежней Аммонитѣ. Въ самомъ Египтѣ Птоломей Филадельфъ провелъ новыя большія дороги отъ населенной долины Нила, черезъ аравійскую цѣпь горъ, къ берегамъ Краснаго моря. Отъ Коптоса (Кефтъ), на сѣверѣ отъ Ѳивъ, онѣ вели къ двумъ новоустроеннымъ гаванямъ: Міосу Гормосу (Muris Statio) и Вереникѣ (въ честь сестры царя), далѣе на юговостокъ. Оттуда египетскіе купеческіе флоты отправлялись въ Остъ-Индію и Цейлонъ (Тапробанэ), и скоро могли воспользоваться новыми важными открытіями для мореплаванія.

Гиппалъ, капитанъ египтскаго корабля, открылъ законы морскихъ теченій и правильныя перемѣны муссоновъ (періодическихъ вѣтровъ), по которымъ съ той поры морской путь въ Индію и обратно, на сѣверовостокъ и югозападъ, могъ быть неизмѣнно установленъ для каждаго полугодія. Затруднительный и долгій путь вдоль береговъ былъ совершенно брошенъ. По имени открывшаго эти законы, личность котораго впрочемъ осталась намъ неизвѣстною, все море названо было Гиппаловымъ моремъ. Съ той поры чужеземныя, особливо индійскія, богатства, товары и знанія стали стремиться въ Египетъ. Тогда въ Нильской долинѣ водворилось величайшее изобиліе, роскошь и богатство, и величайшій блескъ окружилъ престолъ ея царей. Товары съ прибрежья Малабара, Баригазы, съ Инда и изъ Тапробанэ (Цейлона) перевозились на корабляхъ Птоломеевъ въ гавани Краснаго моря. Отсюда они шли караванами къ долинѣ Нила въ *Эдфу-Ѳивы* или *Коптосъ* (отъ слова *Αἴγυπτος*), а оттуда внизъ по Нилу въ Мемфисъ и Александрію. Нильская долина получила болѣе сосредоточенную торговую дѣятельность, чѣмъ прежде, и съ той поры имя коптовъ, хотя лишь только въ слабыхъ остаткахъ, подъ гнетомъ позднѣйшаго могаметанскаго наплыва, осталось донынѣ именемъ промышленнаго населенія тѣхъ временъ.

Тогда же разведено было въ Египтѣ и вьючное животное — верблюдъ, дотолѣ употреблявшійся только на своей родинѣ, въ Аравіи, для перевозки сухимъ путемъ индійскихъ товаровъ до Коптоса. Отсюда только верблюдъ распространился по всей Африкѣ. И другія чужеземныя животныя и растенія стали разводить съ тѣхъ поръ въ ботаническихъ садахъ и звѣринцахъ Птоломеевъ, равно

какъ и для домашняго употребленія. Такъ напримѣръ разведенъ былъ индійскій слонъ, индійская муза пизангъ и др. Александрійскій музей былъ собраніемъ всевозможныхъ произведеній природы чуждыхъ странъ свѣта. Александрія стала средоточіемъ всемірной торговли, наукъ и учености. Александрійская философская школа, музей, огромная библіотека того времени славились во всемъ свѣтѣ. Сношенія со всѣми землями и со всѣми народами важны были и для географіи, а изученіе математики и астрономіи достигло здѣсь своего высшаго развитія.

Эратосѳенъ (276—190 до Р. Х.), уроженецъ Киренаики, ученикъ Аристотелевой школы, былъ въ Александріи величайшимъ ученымъ своего времени, какъ астрономъ, математикъ и географъ, и библіотекаремъ знаменитѣйшей библіотеки въ Александріи.

Онъ сдѣлалъ первый опытъ, между Александріей и Сіэной, опредѣлить приблизительно объемъ всей земли изъ измѣренія одного *градуса широты* ея. Измѣреніе это было не такое, какъ оно дѣлалось дотолѣ бематистами, а въ высшемъ, научномъ смыслѣ. Онъ составилъ первую систематическую, подробную всеобщую географію, воспользовавшись при этомъ огромнымъ запасомъ собственнаго опыта и другими учеными пособіями, бывшими тогда у него подъ рукою. Это было первое сочиненіе въ этомъ родѣ; въ немъ находятся уже превосходныя наблюденія надъ физическою связью горъ и надъ очертаніями земель. Онъ представилъ въ ней полную картину тогдашняго «извѣстнаго и менѣе извѣстнаго» свѣта. Этотъ великій человѣкъ былъ скромнѣе нынѣшнихъ компиляторовъ-сочинителей географій, которые въ заглавіяхъ своихъ книгъ тщеславятся титуломъ «полнаго описанія всѣхъ частей свѣта», между тѣмъ какъ многихъ они еще вовсе не знаютъ, а другія, полуизвѣстныя, описываютъ весьма неполно. Эратосѳенъ впервые распредѣлилъ страны и народы, ихъ положеніе и мѣста жительства на земномъ шарѣ, по дѣйствительно измѣренному или только предполагаемому астрономическому положенію, именно, по высотѣ полюса надъ ихъ горизонтомъ. Отъ этого классическаго творенія дошли до насъ лишь отрывки, которые, быть можетъ, служили еще Страбону основою для его географическихъ сочиненій [1]).

Вскорѣ послѣ Эратосѳена Гиппархъ изъ Никеи въ Малой Азіи

---

[1]) Eratosthenica composuit Godofredus Bernhardy. Berolini. 1822. 8.—Seidel, Eratosthenis Geographicorum Fragmenta. Götting. 1789. 8, гдѣ отрывки эти собраны въ 3 книгахъ.

усовершенствовалъ его систему тѣмъ, что раздѣлилъ поверхность земли не только по *градусамъ широты*, но и по *градусамъ долготы*. Гиппархъ былъ величайшій астрономъ древности, лично дѣлавшій наблюденія, творецъ научной астрономіи и изобрѣтатель астрономическихъ таблицъ [1]).

Такимъ образомъ найдена была на небѣ сѣть, долженствовавшая подраздѣлять отнынѣ землю, для всѣхъ грядущихъ тысячелѣтій, для уразумѣнія всякой науки и человѣческой жизни, по градусамъ и минутамъ, на сферическихъ началахъ. Каждая точка на землѣ отнынѣ могла быть переведена на карту математически вѣрно, и всякое новое открытіе тотчасъ могло быть точнѣйшимъ образомъ примкнуто къ уже извѣстному. По истинѣ, это одно не изъ послѣднихъ изобрѣтеній человѣческаго духа. Это подраздѣленіе земли должно разсматривать, какъ начало научной географіи. Съ той поры математическая точность заступаетъ мѣсто чаяній. Для изображенія вида земли стала возможна критика, стала возможна повѣрка данныхъ; мѣрою на небѣ отыскана была — мѣра на землѣ.

Немногія изобрѣтенія имѣли на судьбу наукъ и благо народовъ болѣе благодѣтельное вліяніе, чѣмъ тѣ, которыя связаны съ именами Эратосѳена и Гиппарха. Съ тѣхъ поръ только географія и астрономія могли сообщать другъ другу свои пріобрѣтенія, обмѣниваться ими и тѣмъ взаимно разъяснять одна другую. Съ той поры мореплаватель могъ находить свой путь, туда и обратно, въ моряхъ, еще не посѣщенныхъ, и изобразить его для потомства. Караванъ могъ достигать цѣли своего странствованія, невѣдомыми дотолѣ путями, черезъ пустыню или цѣлую часть свѣта, въ неизвѣстныя страны. Съ той поры только потомство могло воспользоваться географическими открытіями предковъ. Столь часто забываемое или затемненное положеніе земель и мѣстностей отнынѣ легко могло быть снова отыскано посредствомъ данной цифры широты и долготы. Такъ въ настоящее время снова могутъ быть отъисканы истоки Нила во внутренности Африки, которые еще за полтора тысячелѣтія занесены были Клавдіемъ Птоломеемъ въ его таблицы, но снова надолго были позабыты.

---

[1]) Ср. Reinaud, Abulfeda Introduct. T. I. p. CCXXXII, о долготѣ и широтѣ

РИМЛЯНЕ.

Географическія познанія Александрійской школы перешли къ римлянамъ, особенно когда Египетъ сдѣлался римскою провинціею.

Римляне узнали землю (orbis terrarum) по завоеваніямъ. Они превратили, на сколько могли, кругъ земной въ римское государство, въ Orbis Romanus. Географическія карты римлянъ были только маршруты ихъ легіоновъ. Они продолжали развивать землевѣдѣніе на основаніи трудовъ своихъ предшественниковъ; но при этомъ ихъ руководилъ не историко-научный интересъ, а исключительно политическій. Имъ недоставало духа открытій: они не были торговымъ народомъ и совершенно отличались отъ грековъ, финикіянъ и карѳагенянъ. Они были воины, государственные люди, правовѣды, юристы и энциклопедисты. У нихъ не было склонности къ изслѣдованію важнѣйшихъ интересовъ человѣчества, не было стремленія къ отвлеченному мышленію и философіи, а вслѣдствіе этого не было и охоты къ изученію чужихъ языковъ и чужихъ идей, на пути развитія народовъ и человѣчества. Они замкнуты были въ формахъ своей родины и греческой культуры и потому, при высокомъ классическомъ развитіи въ этой области, они остались нечувствительны ко всему, находившемуся за предѣлами ея.

Сначала имъ былъ извѣстенъ только Лаціумъ и южная Италія, затѣмъ Сицилія и Карѳагенъ, по завоеваніямъ; далѣе Испанія, по походамъ Ганнибала и обоихъ Сципіоновъ. Только пуническія войны ознакомили ихъ съ ближайшими береговыми землями и лежащими насупротивъ прибрежьями. Еще Полибій жаловался (въ 150 г. до Р. Х.) на грубое невѣжество римлянъ въ дѣлѣ географіи. Онъ нарочно предпринималъ дальнія странствія, чтобы быть въ состояніи писать свою исторію. Чтобы вѣрно описать походы Ганнибала, онъ посѣтилъ Испанію, Галлію и Альпы, которыя Ганнибалъ перешелъ съ своими карѳагенянами, къ великому изумленію римлянъ. Они дотолѣ оставляли вовсе безъ вниманія Альпійскія горы, бывшія однако столь близко у нихъ въ тылу. Какъ историкъ, Полибій посѣтилъ Византію, Понтъ, Сирію, а при Птоломеѣ Фисконѣ и Египетъ. Затѣмъ онъ, послѣ взятія Карѳагена, по приказанію Сципіона, совершилъ морское путешествіе на западъ.

Въ Передней Азіи Сулла, Лукуллъ и Помпей проникли до Кавказа у Понта. Лукуллъ разрушилъ столицу армянскаго царя Тиграна, Тигранoцерту, у верховьевъ Тигра. Но у римскихъ завоева-

телей было такъ мало географической любознательности, что мѣсто этой столицы осталось темнымъ и для самихъ римлянъ, да и понынѣ мы не въ состояніи точно указать ея положенія.

Какъ мореплаватели, римляне не дѣлали особенныхъ успѣховъ, а пользовались въ случаѣ нужды покоренными народами, опытными въ морскомъ дѣлѣ: этрусками, карѳагенянами, сицилійцами, массилянами и другими греками, подобно какъ нелюбившіе моря персы пользовались финикіянами. Но эти народы скорѣе отставали въ этомъ искусствѣ и наукѣ подъ римскимъ владычествомъ, чѣмъ совершенствовались въ нихъ. Этрусскими матросами римляне побѣдили карѳагенянъ, какъ персы покорили Египетъ финикіянами.

Владѣя большимъ протяженіемъ морскихъ береговъ по атлантическому океану, римляне не предпринимали однако экспедицій съ цѣлію открытія новыхъ земель; никогда напр. не высаживались они въ Ирландію, которая, можно сказать, была въ виду у нихъ. Они не познакомились даже съ Касситеридами финикіянъ, и гордились тѣмъ, что ни разу не объѣхали кругомъ Британіи. Для увеличенія свѣдѣній объ Индіи римляне сами ничего не сдѣлали, только собрали и сохранили извѣстія грековъ. Разъ только римскій корабль занесенъ былъ бурею на Тапробанѳ. Нужно жалѣть, что сочиненіе Сенеки объ Индіи утратилось. Судя по его вопросамъ изъ естественныхъ наукъ, Quaestiones naturales, этотъ философъ имѣлъ, такъ сказать, особенное чутье для географическихъ и естественныхъ наукъ. Плиній въ своей H. N. VI. 21 говоритъ: Seneca etiam apud nos tentata Indiae commentatione, sexaginta amnes ejus prodidit, gentes duodeviginti centumque. Par labor sit montes enumerare [1]). Можно даже думать, что Сенека почерпнулъ эти данныя изъ какой нибудь китайской географіи, которыя и понынѣ передаютъ все въ численномъ порядкѣ.

И объ своихъ африканскихъ береговыхъ владѣніяхъ римляне не сообщаютъ ничего точнаго. Объ Канарскихъ островахъ, Insulae Fortunatae, они оставляютъ насъ въ неизвѣстности. Поэтому на птоломеевой картѣ земли первый меридіанъ проходитъ весьма гадательно по крайнему западу, оставленному римлянами въ неизвѣстности. Также утрачено для насъ путешествіе мавританскаго царя Юбы на Insulae Fortunatae, равно какъ и сочиненіе Цице-

---

[1]) Сенека у насъ, въ своей попыткѣ описанія Индіи, исчисляетъ 60 рѣкъ и 122 народа. Равнаго труда стоило бы пересчитывать горы.

рона (Ep. ad Attic. II. 4: De geographia dabo operam, — magnum opus est [1]).

И завоеванія римскія на востокѣ и сѣверѣ, уже на Азіятской землѣ, мало принесли плодовъ для нашей науки. Римляне остановили завоеванія свои у южнаго подножія Кавказа и никогда не дѣлали попытки подняться на самый Кавказъ, ознакомиться съ нимъ, не говоря уже о томъ, чтобы перейти его. Помпей открылъ тамъ (въ 66 г. до Р. X.) Иберію и Албанію (нынѣшнюю Георгію или Грузію). Онъ узналъ также отъ этихъ торговыхъ народовъ (тогдашнихъ намѣстниковъ древнихъ колхидянъ) кое-что о большомъ торговомъ пути чрезъ среднюю Азію въ Бактрію и Индію, давно извѣстномъ колхидянамъ. Но ни одинъ римлянинъ не отважился на открытіе дальнѣйшихъ странъ по этому пути. Они предоставляли другимъ ѣздить по этимъ дорогамъ и привозить товары къ Понту. Отсюда товары отправлялись въ Византію и Римъ. Помпею досталась въ добычу сокровищница понтійскаго царя Митридата въ древней Колхидской землѣ, переполненная драгоцѣнными камнями, жемчугомъ, алмазами и т. п. Изъ нея побѣдитель, при тріумфальномъ въѣздѣ въ Римъ, посвятилъ Юпитеру Капитолійскому, сверхъ собственнаго своего груднаго изображенія, сложеннаго изъ восточныхъ жемчужинъ, еще 33 короны изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней, взятыя въ добычу у покоренныхъ восточныхъ властителей. Жемчугъ и драгоцѣнные камни, увѣряетъ Плиній (H. N. XXXVII. 6.), представляющій, какъ чрезвычайно важный для насъ документъ, списокъ этимъ сокровищамъ, дотолѣ неизвѣстны были римлянамъ. Точно такимъ же образомъ неизвѣстно было и sericum (шелкъ), появившійся этимъ же путемъ въ Римѣ. Со временъ Цезаря, говоритъ Плиній, римлянки стали носить serica (шелковыя ткани) и жалуется, что вскорѣ, вслѣдствіе быстро развившейся роскоши, вывезено было за границу, за этотъ одинъ товаръ, 5 милліоновъ. Откуда шелъ товаръ, до этого римлянамъ не было дѣла.

Когда въ суровыхъ римлянахъ возгорѣлась страсть къ стяжанію и роскоши, то и торговыя ихъ сношенія устремились въ дальнія страны. Но изъ этого они не извлекли ни знанія товаровъ, ни знанія земель. Плиній и Страбонъ знаютъ уже бактрійскій торговый путь въ верхнюю Индію и въ страну Серику, но не черезъ римлянъ. Они описываютъ его по сказаніямъ другихъ народовъ, серянъ и пареянъ. Когда римляне принуждены были этимъ

---

[1]) Я издамъ трудъ свой объ географіи; это большое сочиненіе.

храбрымъ народомъ подвинуться своимъ войскомъ до крайняго востока своихъ владѣній, до Тигра и Евфрата, то Парояне, изъ зависти и непріязни, заперли римлянамъ и ихъ купцамъ пути къ серамъ (китайцамъ). Евфратъ остался восточною границею римскаго землевѣдѣнія.

За то, съ завоеваніемъ Египта, открылся римлянамъ другой морской путь для сношеній съ Индіею, которымъ они могли получать товары, съ тѣхъ поръ какъ сухопутная дорога изъ Понта въ Бактрію и сѣверную Индію была заперта для нихъ Пароянами. Но и этимъ путемъ римляне плавали не сами, а предоставляли другимъ торговлю и морскія сношенія съ Индіею.

Благодаря митридатскимъ войнамъ (88—64 до Р. Х.), римляне нѣсколько ближе ознакомились съ понтійскими, армянскими и кавказскими землями и народами. Этимъ сдѣлано было весьма важное приращеніе географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о восточной и средней Европѣ, тѣмъ болѣе интересныхъ, что при этомъ выступили на свѣтъ и народы германскаго племени, тамъ, гдѣ (говоря словами Якова Гримма) «было древнее мѣстопребываніе сѣверныхъ азіятцевъ, гдѣ былъ царственный родъ Одина, гдѣ жили геты и готы, гдѣ и нынѣ оссы или оссеты говорятъ германскимъ языкомъ — на Кавказѣ.»

Кавказскій перешеекъ населенъ былъ множествомъ большихъ и мелкихъ народностей, нашедшихъ тамъ убѣжище. Это были остатки многочисленныхъ народовъ послѣ сокрушительныхъ войнъ, заброшенные туда въ темныя незапамятныя времена, подобно какъ обломки кораблей прибиваются къ берегу океана послѣ бурь. Они жили въ полной независимости, то въ союзѣ, то въ враждѣ со своими сосѣдями, и храбростью и геройскимъ духомъ сохраняли свою свободу. По свидѣтельству Геродота, они и при персидскомъ владычествѣ оставались независимы. Только колхидяне платили дань персидскимъ царямъ, между тѣмъ какъ народы, обитававшіе далѣе отъ нихъ къ сѣверу, мало заботились о господствѣ персовъ. Страбонъ (XI. 498.) приводитъ 70 различныхъ народовъ на западномъ Кавказѣ, о которыхъ знали въ торговомъ мѣстѣ Діоскуріасѣ, древней колоніи милетянъ. Онъ говоритъ, что предположеніе Тимосоена о 300 народахъ, жившихъ въ этой части земли, преувеличено. Между тѣмъ и Плиній (H. N. VI. 5) повторяетъ это извѣстіе и прибавляетъ, что всѣ они говорятъ на различныхъ языкахъ и что еще въ его время римляне должны были постоянно держать 130 толмачей для торговыхъ сношеній съ тамошними народами. На этотъ муравейникъ народовъ

указываетъ и прозваніе Кавказа въ средніе вѣка: Vagina gentium. Туда относили корень и происхожденіе всѣхъ народовъ вообще. Отсюда, одно время, историки пытались провести пути разселенія всѣхъ народовъ земли, почему и вошло въ употребленіе названіе кавказской породы людей.

Какъ бы то ни было, съ митридатскихъ войнъ открывается для языкознанія и народовѣдѣнія древней Европы совершенно новое поле открытій, относительно, такъ называемой, кавказской породы людей. Отсюда явилась для всѣхъ народовъ сѣверной Европы потребность знать многіе языки, что̀ такъ необходимо при изученіи географіи. Между тѣмъ какъ грекъ и римлянинъ зналъ только свой языкъ и презиралъ другіе, какъ варварскіе, царь Митридатъ, вслѣдствіе положенія своей земли у Понта и сношеній съ разными кавказскими народами, дошелъ до того, что говорилъ на 22 живыхъ языкахъ. Всѣ народы сѣверной и восточной — но не западной — Европы болѣе или менѣе послѣдовали въ этомъ отношеніи его примѣру.

Самые важные источники для этого труднаго отдѣла географіи нашей собственной части свѣта, равно и для этнографическаго и географическаго знакомства съ нашими соплеменниками на востокѣ, мы находимъ у историковъ митридатскихъ войнъ: Аппіана, Юстина, Мемнона, у Плинія въ его Historia Naturalis и въ географическихъ книгахъ Страбона. Эти послѣднія тѣмъ богаче и важнѣе для насъ, что Страбонъ, величайшій географъ древности, самъ родомъ изъ Амазіи, въ Каппадокіи, близъ кавказскихъ земель, и происходилъ отъ древней княжеской жреческой фамиліи, судьба которой весьма тѣсно связана была съ митридатскими войнами.

Еще слишкомъ мало изучены и изслѣдованы доселѣ эти темные отдѣлы географіи и исторіи, а между тѣмъ они представляютъ, съ различныхъ сторонъ, столь важный интересъ [1]).

Извѣстно, что Митридатъ, 60 лѣтнимъ старцемъ, долженъ

---

[1]) Мы обязаны однако Клапроту, Розену, Сьіогрепу, Якову Гримму, д'Ольсону многими поучительными данными о кавказскихъ народахъ древнихъ временъ и ихъ земляхъ, благодаря лингвистическимъ изслѣдованіямъ этихъ ученыхъ. Klaproth, Reise in den Kaukasus. 1812. — Chevalier d'Ohlson, Les peuples du Caucase au moyen age. 1826.—Vivien St. Martin, Recherches sur les peuples primitifs du Caucase. 1846.—Iak. Grimm, über Jornandes und die Geten. 1846.— Rosen, über Lazen in Grusien. — Sjogren, über Ossen oder Osseten. Особенно важно Karl Neumann, die Hellenen im Skythenlande. Beitrag zur alten Geogr., Ethnogr. und Handelsgesch. Berlin. 1855.

былъ удалиться на сѣверный берегъ Понта Эвксинскаго, гдѣ онъ царствовалъ надъ нынѣшнею южною Россіей (землею донскихъ казаковъ, около Херсона и Одессы) и надъ полуостровомъ Крымомъ (Chersonesus Taurica). Тамъ жили тогда гетскія и готскія племена вмѣстѣ съ кельтскими [1]).

Съ ихъ помощію Митридатъ хотѣлъ подняться вверхъ по Дунаю и, черезъ Тирольскія Альпы, ворваться въ сѣверную Италію, какъ это не очень долго предъ нимъ сдѣлалъ карѳагенянинъ Ганнибалъ. Онъ вошелъ уже въ сношенія со всѣми дунайскими землями, съ Венгріею, восточными альпійскими странами и Тиролемъ. Кельты, обитатели Таврскихъ горъ, были его вѣрнѣйшими союзниками. Насильственная смерть стараго царя не дала осуществиться этому плану. Что тогда было намѣреніемъ одного лица, исполнили, 500 лѣтъ спустя, цѣлыя народныя массы. Вверхъ по Дунаю и чрезъ восточныя Альпы подымались съ Понта великія народныя переселенія, и черезъ Альпы пробирались въ сѣверную Италію, откуда громили римскую державу.

Но еще прежде, въ теченіе полутысячелѣтія отъ митридатскихъ войнъ до переселенія народовъ, римляне, и съ другихъ сторонъ, по крайней мѣрѣ отчасти ознакомились и съ западомъ, срединою и внуреннимъ сѣверомъ Европы

Даже своихъ ближайшихъ сосѣдей, галловъ, римляне узнали впервые только со временъ Бренна (390 г. до Р. Х.), но не знали, откуда они пришли. Съ тѣхъ поръ галлы или кельты поселились въ сѣверной Италіи, въ нынѣшней Ломбардіи, по рѣкѣ По, и съ этого же времени часто упоминаются въ Италіи. Отъ греческихъ обитателей Массиліи къ римлянамъ, безъ сомнѣнія, доходили кой какія свѣдѣнія объ южной Галліи.

Только послѣ похода Ганнибала въ Италію, во второй пунической войнѣ (218—201 до Р. Х.), взоры римлянъ устремились на горную сѣверную границу римской республики, на Альпы. Этотъ оплотъ Италіи, считавшійся дотолѣ недоступнымъ, Ганнибалъ перешелъ со своими карѳагенянами. Сперва римляне ознакомились съ лежащею за Альпами горною страною аллоброговъ (нынѣшняя Савоія). Но даже Ливій описалъ этотъ переходъ черезъ Альпы такъ неточно, по недостатку свѣдѣній объ этой горной мѣстности, что никакимъ образомъ нельзя опредѣлить вѣрно мѣсто перехода, былъ ли онъ

---

[1]) Massmann, Die alten Gothen in der Krim и Iak. Grimm, die Geten,.

совершенъ черезъ Коттскія или Грайскія Альпы (чрезъ Mont Genèvre или малый Сенъ-Бернардъ), должайшимъ, но удобнѣйшимъ путемъ.

Тутъ открылась римлянамъ совершенно новая часть свѣта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, новый сѣверный міръ, галло-германскій, дотолѣ столь же неизвѣстный римлянамъ, какъ нынче намъ внутренняя Африка или Австралія, — великій галло-германскій міръ средней Европы, отъ Пиринеевъ, черезъ альпійскія страны и Гемусъ до Понта и сѣвернаго подножія Кавказа.

Исторія Рима слишкомъ извѣстна, чтобы долго останавливаться на открытіяхъ римлянъ. Укажемъ здѣсь только главные моменты.

Кимвры и Тевтоны открываютъ римлянамъ долины Норическихъ Альпъ. Войны съ этими народами, 114—100 до Р. Х., завлекли римскіе легіоны на сѣверъ за Альпы, къ рѣкѣ Ронѣ въ Галліи, гдѣ консулъ Силанъ проигралъ первую битву, и въ Тироль и Каринтію, гдѣ консулъ Карбонъ былъ разбитъ при Ноreѣ, въ Гланской долинѣ, къ сѣверу отъ Дравы, къ сѣверозападу отъ Клагенфурта у Сенъ-Фейта (St. Veit). Лишь послѣ двойной побѣды Марія у Секстіевыхъ водъ (Aquae Sextiae, Aix въ Провансѣ, гдѣ лежитъ Montagne Victoire) и на Раудійскихъ поляхъ у Вероны на рѣкѣ Эчь (въ 101 г. до Р Х.) окончена была первая война съ этими народами.

Но это было только началомъ слишкомъ трехсотлѣтней борьбы съ сѣверными народами, лишь изрѣдка перемежавшейся на короткое время годами мира.

Только вслѣдствіе завоеваній Юлія Цезаря, 58—51 г. до Р. Х., сдѣлалось возможнымъ ближайшее знакомство съ землями сѣверныхъ Альпъ. Юлій Цезарь мастерски описалъ все видѣнное имъ въ своихъ комментаріяхъ, какъ географъ, историкъ и полководецъ. Онъ открылъ истоки Родана (Роны), Женевское озеро, Рейнъ и вообще всю среднюю и сѣверную Францію. Онъ открылъ для римскаго міра Британнію и Сѣверное или Нѣмецкое море. Въ 55 и 54 годахъ онъ дважды совершилъ плаваніе въ Британнію. Послѣ Полибія, объѣхавшаго южныя воды Атлантическаго океана, это былъ первый римскій флотъ на сѣверныхъ водахъ его. Онъ проникъ, правда, только до Тамезиса и Лондинума (Темзы и Лондона), но ознакомился съ бриттами и бельгами. Его походъ на дальнемъ сѣверѣ возбудилъ на берегахъ Тибра всеобщее удивленіе, ибо дотолѣ не знали этого великаго сѣвернаго острова и даже галлы не могли сказать Цезарю ничего положительнаго о Британніи.

На материкѣ Цезарь покорилъ всю Галлію до Аквитанскаго океана. На сѣверѣ онъ проникъ до Скальдиса (Шельды), до Arduenna Silva (Арденскаго лѣса) и къ эбуронамъ до Кале. Названія его и понынѣ еще употребительны въ Галліи. Къ востоку онъ дважды перешелъ Рейнъ въ экспедиціи противъ свевовъ. Гордый римлянинъ хотѣлъ, какъ онъ выражался, наложить ярмо на могучій Рейнъ и на пятомъ году войны построилъ первый мостъ черезъ Рейнъ, въ рейнской области (Rheingau), между Могунтіакумомъ и Бингіумомъ. Такимъ образомъ открытъ былъ Рейнъ. На востокѣ однако побѣдитель Галліи не глубоко проникъ въ Германію. Онъ оба раза призналъ за лучшее вернуться скорѣе назадъ. Онъ говорилъ, что совершилъ эти экспедиціи, чтобы только устрашить германцевъ. На востокѣ онъ дошелъ только до Silva Bacenis, тогдашней границы между свевами и херусками. Положеніе этого лѣса остается неизвѣстнымъ: былъ ли это Вестервальдъ, или Фогельсбергъ, или Рейнгардтсвальдъ у Касселя, или, еще сѣвернѣе, продолженіе Вестервальда. Такимъ образомъ Юлій Цезарь открылъ великіе германскіе лѣса, которые тогда въ Римѣ, столицѣ земли вообще безлѣсной, сдѣлались поговоркою, подъ названіемъ Hercynia Silva (Гарцвальдъ), какъ въ новѣйшія времена американскіе первобытные лѣса.

Плиній изображаетъ тѣнистые германскіе лѣса, какъ замѣчательное явленіе природы, и называетъ дубовый лѣсъ отличительнымъ признакомъ Германіи.

Императоръ Августъ въ продолженіе своего царствованія имѣлъ дѣло съ германцами въ ихъ собственныхъ волостяхъ. Безъ особеннаго военнаго счастія, онъ покорилъ однако земли по лѣвую сторону Рейна и южныя дунайскія земли; вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ онѣ сдѣлались римскими провинціями. Обѣ главныя рѣки, Рейнъ и Дунай, сдѣлались тогда великою сѣверною границей римскаго государства, на нихъ смотрѣли съ тѣхъ поръ, какъ на Limes Imperii Romani.

Тиберій въ своихъ походахъ въ верхнюю Германію открылъ сѣверную Швейцарію (землю гельветовъ), Боденское озеро (Bodamicus? Lacus) и истоки Дуная (Страбонъ VII. 292). На водахъ большаго внутренняго озера, отдѣлявшаго гельветовъ и ретовъ на югѣ отъ винделиціевъ на сѣверѣ, говоритъ Страбонъ, Тиберій побѣдилъ винделиціевъ въ морскомъ сраженіи. Тиберій устроилъ на островѣ (безъ сомнѣнія, Рейхенау на западной оконечности озера) свою постоянную квартиру и оттуда, послѣ побѣды, открылъ лежащіе къ сѣверу истоки Дуная и обратилъ въ рим-

скія провинціи четыре земли, Ретію, Винделицію, Норику и Паннонію [1]).

Не менѣе 60 народностей приводитъ Плиній (H. N. III. 24), какъ обитателей всей альпійской горной страны отъ Верхняго до Нижняго моря (то есть отъ приморскихъ альпъ до Адріатическаго моря). Плиній поименно пересчитываетъ эти племена, покоренныя подъ римское владычество полководцами Августа, отъ Provincia (Прованса) до Панноніи, по рѣкамъ Danubius и Dravus (Дунай и Драва). Это величайшее и замѣчательнѣйшее открытіе народовъ, когда либо сдѣланное въ средней Европѣ.

Въ четырехъ мѣстахъ, въ узкихъ проходахъ черезъ горные хребты, были воздвигнуты тріумфальныя арки, въ память побѣдъ, съ надписями, исчислявшими имена покоренныхъ народовъ. Всѣ четыре арки сохранились еще въ своихъ величавыхъ развалинахъ: у Ниццы (Nicaea) въ Турбрѣ (la Turbra), у Сузы на западѣ отъ Турина при Дорѣ, у Аосты (гдѣ находится Praetoriana Augusta близъ горнаго прохода чрезъ большой Сенъ-Бернардъ) и у Петронеля близъ Карнунтума (Carnuntum), на границѣ Австріи, въ нынѣшней Венгріи. Подлѣ этихъ городовъ лежатъ развалины античныхъ построекъ, остатки давно основанныхъ здѣсь колоній (Nicaea, Susa, Augusta, Carnuntum [2]).

Но и къ сѣверу отъ Рейна и Дуная римляне подвигались впередъ въ сѣверной Германіи, при походахъ своихъ легіоновъ. Черезъ Везеръ они проникли до герцогства Бременскаго, гдѣ у *Бедеркезы*, къ югу отъ Оттерндорфа, открыты деревянныя настилки чрезъ торфяное болото, для прохода легіоновъ. Настилки эта бревенчатыя, въ 10 футовъ шириною, и проложены по направленію отъ сѣверозапада къ юговостоку. На нихъ наросло торфу въ 5 футовъ вышины.

---

[1]) Еще нынѣ стоятъ развалины тріумфальной арки Тиберія, воздвигнутой имъ послѣ покоренія этихъ четырехъ римскихъ провинцій, на разстояніи нѣсколькихъ часовъ пути ниже Вѣны, на пашнѣ близъ Петронеля, подлѣ развалинъ города Карнунтума, пристани римской дунайской флотиліи, крейсировавшей внизъ по Дунаю до Понта.

[2]) Середина западныхъ Альпъ получила свое названіе Коттическихъ, отъ горнаго владѣтеля, царя Коттія, который властвовалъ надъ 12-ю изъ этихъ горныхъ племенъ, и предпочелъ добровольно покориться императору Августу и проложить для римскихъ легіоновъ военную дорогу въ Галлію чрезъ свой горный проходъ Mons Cenisius (Mont Cenis), подлѣ Dora Cenisa. Изъ всѣхъ римскихъ надписей касательно альпійскихъ горцевъ сохранилась доселѣ только эта на фронтисписѣ тріумфальной арки у Сузы; она вырѣзана на металлѣ, съ именами двѣнадцати коттическихъ горныхъ племенъ.

Четыре похода Друза (13—9 до Р. Х.) открыли землю батавовъ (Insula Batavorum, Голландія). Въ 12 г. до Р. Х. римляне поплыли по рѣкѣ Эмсу (Amisia), равно и по Римскому каналу, или прокопу между Рейномъ и рѣкою Issala и озеромъ Flevo lacus (нынѣ Зюйдерзее). Земля кауховъ, при впаденіи Эмса въ Сѣверное море, и вся Фрисландія и Вестфалія постепенно выступаютъ изъ мрака. Во второй походъ, въ 11 году, Друзъ проникаетъ съ нижняго Рейна, вверхъ по рѣкѣ Липпѣ (Luppia) на сѣверовостокъ, къ Везеру (Visurgis), мѣсту жительства херусковъ. Онъ закладываетъ тамъ Castrum Alisonis (Lippspringe). Въ третій походъ, въ 10 году, онъ поднимается вверхъ по Ланѣ (Lana), впадающей въ Рейнъ выше Кобленца (Cofluentia), и открываетъ землю народа Chatti, т. е. землю Hassia, Гессенъ, гдѣ овладѣваетъ главнымъ мѣстомъ ихъ жительства на рѣкѣ Эдерѣ, Mattiacum ad Adrana. Въ четвертый походъ Друзъ отъ Таунуса (между рѣками Майномъ и Ланою) переходитъ рѣку Visurgis (Везеръ или Верра Тюринговъ), и къ востоку открываетъ новую большую рѣку Германіи, Albis (Эльбу), въ окрестностяхъ Виттенберга или Дессау, гдѣ, должно быть, воздвигнуты были Tropaea ad Albim. Но зловѣщее предсказаніе удерживаетъ его отъ дальнѣйшаго стремленія впередъ. Извѣстна смерть его на возвратномъ пути.

По пораженіи Вара (въ 9 году по Р. Х.) впервые появляется въ географіи Silva Teutonica, Тевтобургскій лѣсъ. Говорятъ, что на горѣ Гротенбергѣ, въ Липпѣ-Детмольдѣ, Германнъ соорудилъ памятникъ въ память великой побѣды германцевъ и въ знакъ того, что на этомъ мѣстѣ римское владычество поворотило назадъ. По крайней мѣрѣ, возвышенная мѣстность эта представляетъ чудное зрѣлище. Отсюда виденъ весь Тевтобургскій лѣсъ, Винфельдъ, Römerbeke, которые и понынѣ еще обозначаютъ мѣсто сраженія, до Porta Westphalica, а на сѣверозападъ видна вся мѣстность черезъ Билефельдъ и Вестфалію вплоть до Мюнстера.

Мѣстности по теченію рѣки Везера еще болѣе выясняются тремя походами Германика (14—16 г. по Р. Х.) въ верхнихъ и среднихъ привезерскихъ областяхъ, гдѣ весь союзъ херусковъ мужественно встрѣчаетъ его. Въ 14 году онъ двинулся на марзовъ въ области Мюнстера (Tanfana); въ слѣдующемъ году онъ проникъ въ Тевтобургскій лѣсъ и до рѣки Эмса. На третій годъ— до Эмса, Везера и въ ихъ горную страну Зюнтель (Süntel), гдѣ при Porta Westphalica (нынѣ Hausberge при Минденѣ) и при Штейнгудерскомъ озерѣ (Steinhuder See) произошла двойная битва.

Съ востокомъ Германіи римляне, послѣ убійства Германна въ 21 г. по Р. Х., ознакомились путемъ болѣе мирнымъ и этимъ начинается первое, вполнѣ достовѣрное, знакомство съ восточною частію средней Европы, съ землею франковъ, Богеміей, Силезіей и Сарматіей.

Союзъ маркоманновъ въ южной Германіи, ослабленный побѣдою союза херусковъ, предпочелъ, подъ предводительствомъ короля своего, Марбода, друга римскаго народа, воспитаннаго въ Римѣ, оставить свои западныя мѣста жительства и переселиться далѣе къ востоку. Немногія достовѣрныя историческія данныя представляютъ намъ объ этомъ положительныя указанія. Съ той поры маркоманны поселились въ странѣ Bojahaemum (страна Бойевъ, Bojerheim или Богемія). Въ столицѣ новаго властителя этой страны, въ Marobodunum, часто встрѣчались римскіе торговцы и искатели приключеній. Можно дѣлать только догадки о томъ, указываетъ ли нынѣшній Будвейсъ на мѣсто древней столицы Марбода, или воспоминаніе о ней сохранилось въ развалинахъ башни маркоманновъ, Marcomannenthurm, при сліяніи Вольтавы и Молдавы у Клингенберга, къ сѣверу отъ Будвейса, развалинахъ, занимающихъ весьма удобное положеніе для господства надъ окружающею мѣстностію.

Благодаря римскимъ странствующимъ торговцамъ, отправлявшимся изъ Марободунума, все болѣе и болѣе узнаются мѣстности между Эльбою, Одеромъ и Вислою: богемскія, силезскія земли и земли по Вислѣ; сперва, разумѣется, только главные торговые пункты, до Моравіи, Польши и Галиціи. Пути римскихъ ярмарочныхъ торговцевъ сохранились и доселѣ, черезъ Одеръ (Viadrus) до Вислы (Vistula).

Птоломей занесъ ихъ въ свои систематическія географическія таблицы, а Конрадъ Маннертъ въ наше время снова открылъ и объяснилъ ихъ [1]).

Особенно торговля янтаремъ много способствовала дальнѣйшему открытію средней Европы. Подобно многимъ другимъ товарамъ, золоту, олову, соли, мѣхамъ, слоновой кости, пряностямъ, и янтарь играетъ замѣчательную роль въ исторіи открытій земель. Янтарь былъ тѣмъ болѣе важенъ, что онъ по праву можетъ быть названъ единомѣстнымъ произведеніемъ природы, Unicum, такъ какъ нахожденіе его ограничено почти исключительно лишь

---

[1]) Ср. Mannert, Germania. 3-я часть его Geographie der Griechen und Römer. 2 изд. Leipzig. 1820. Полнѣе обработалъ этотъ предметъ Kruse въ Archiv für alte Geographie und Geschichte. Heft 2. 1822 и въ своей Germania magna сравнилъ съ Itinerarium Antonini и съ новѣйшими названіями.

весьма небольшою мѣстностью на земномъ шарѣ, именно у Балтійскаго моря. Греки еще въ древнѣйшія времена [1]) посылали своихъ моряковъ и странствующихъ купцовъ изъ милетскихъ колоній у Понта Эвксинскаго, вверхъ по Борисѳену (Днѣпру), для полученія драгоцѣннаго янтаря отъ гипербореевъ (сѣверныхъ народовъ). Такимъ образомъ впервые пройдена была по самой серединѣ восточная Европа, съ юга на сѣверъ, отъ Чернаго Моря до береговъ Балтійскаго въ Пруссіи, единственнаго мѣста нахожденія янтаря. Уже финикіяне, первоначальные торговцы янтаремъ во времена Гомера, добывали его съ Балтійскаго прибрежья, но скрывали свой путь. Да и греки берегли тайну добыванія товара, равноцѣннаго золоту. Въ Передней Азіи и Архипелагѣ янтарь считался не только драгоцѣннѣйшимъ куреніемъ въ храмахъ боговъ и палатахъ царей, но и самымъ дорогимъ украшеніемъ наряда. Скоро и на западѣ и въ Римѣ, во времена императоровъ, электронъ сдѣлался предметомъ значительнаго запроса. Плиній разсказываетъ (H. N. XXXVII. 11.), что императоръ Неронъ искалъ большое количество янтаря, чтобы украсить кораллами изъ него сѣти, окружавшія арены амфитеатровъ, во время расточительныхъ звѣриныхъ и гладіаторскихъ боевъ. Для этого посланъ былъ сухимъ путемъ римскій всадникъ, чрезъ Дунай и Паннонію, къ янтарному прибрежью, мысу Baltica. Плиній читалъ описаніе этого путешествія, но, къ сожалѣнію, не представляетъ извлеченій изъ него. Описаніе это, какъ и многое изъ древности, потеряно для насъ. Вѣроятно, въ большомъ сочиненіи своемъ de bellis Germanorum онъ болѣе сообщаетъ изъ него, чѣмъ въ своей Historia Naturalis. Но, къ сожалѣнію, и это сочиненіе не дошло до насъ.

Чтò римляне были въ торговыхъ сношеніяхъ съ обитателями янтарнаго прибрежья, доказываютъ многія римскія монеты временъ императоровъ, найденныя въ предѣлахъ прусской Балтики. Онѣ находимы были преимущественно въ погребальныхъ урнахъ, начиная отъ устья Вислы до Эстляндіи, черезъ Прегель, Нѣманъ и Двину, до Финскаго залива. Отъ Эйлау и Кенигсберга до Риги римскія монеты находимы были въ большомъ количествѣ. Первый обратилъ на это вниманіе Ѳеофрастъ Байеръ, академикъ

---

[1]) Въ Одиссеѣ ἤλεκτρον (притягивающій камень, отъ ἕλκειν вмѣсто ἕλκτρον, вслѣдствіе электрической силы его) встрѣчается три раза: XV. 460, XVIII. 295 и IV. 33. Два раза, какъ ожерелье на шеѣ, и разъ, какъ украшеніе Менелаевыхъ палатъ. Это несомнѣнно нашъ янтарь. Buttmann, Abhandlung über Electron. Berl. Akad. 1820.

въ Петербургѣ, въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ: De Nummis Romanis in agro Prussico repertis, въ Bayeri Opuscula. Halae. 1770. p. 411. За нимъ слѣдовали и другіе наблюдатели. Монеты эти, даже разрѣзанныя на кусочки, имѣли цѣну для тѣхъ народовъ, не какъ деньги, а какъ украшеніе или амулеты. Позднѣе онѣ могли имѣть цѣнность и какъ деньги. Преимущественно найдены были монеты Марка Аврелія и Антониновъ.

По Оттфр. Миллеру (Die Etrusker. стр. 256, 285.) торговля янтаремъ шла и изъ Иллиріи (Тріэстъ?) въ Тарентъ, которая, вѣроятно, производилась этрусками. Торговля эта, по Миллеру, направлялась чрезъ Augusta Vindelicorum (Аугсбургъ), а отсюда, при посредствѣ маркоманновъ, чрезъ Богемію и сѣверную Силезію, въ сѣверную Пруссію.

Сокровища пріобрѣтенныхъ географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о странахъ и народахъ германскихъ племенъ сохранилъ для насъ Корнелій Тацитъ, величайшій историкъ римской древности, въ своихъ образцовыхъ сочиненіяхъ: Historiae, Annales и особенно въ своей Germania, замѣчательнѣйшемъ сочиненіи географическаго содержанія изъ временъ императоровъ. Книга De situ, moribus et populis Germaniae написана въ годъ смерти императора Нервы и вступленія на престолъ Траяна (въ 89 г. по Р. Х.). Тацитъ могъ почерпать свои географическія свѣдѣнія частію изъ собственнаго наблюденія, частію изъ разсказовъ римскихъ воиновъ, а также и изъ разсказовъ германцевъ, которыхъ много было въ Римѣ. Многіе римскіе всадники и знатные юноши жили, послѣ пораженія Вара, рабами въ германскихъ лѣсахъ. Сенека зналъ между бѣжавшими оттуда такихъ, которые 40 лѣтъ сряду прожили въ Германіи.

Къ сожалѣнію, Тацитова Germania составляетъ только очеркъ, очень короткій, вѣрно намекающій на многое, но ничего не объясняющій подробно, и потому нуждается въ обширныхъ комментаріяхъ. Въ прежнее время принимали это плохо понятое сочиненіе только за реторическую, неосновательную компиляцію. Нѣкоторые принимали его и за стоическій романъ, цѣль котораго была провести воззрѣнія стоической школы на примѣрѣ неиспорченнаго и крѣпкаго народа. Другіе—за сатиру на изнѣженность и роскошь римлянъ. Болѣе глубокое изученіе показало всю нелѣпость подобныхъ неисторическихъ воззрѣній и важное значеніе строго историческаго содержанія самого сочиненія. Въ послѣднія десятилѣтія лингвистика, исторія и древніе законодательные памятники подтвердили все содержаніе

этого сочиненія, даже въ мельчайшихъ его подробностяхъ. Географія въ немъ обработана мастерскою рукой и представляетъ лучшее мѣрило для критики цѣлаго сочиненія [1]).

Кратко, но мастерски обрисована топографія Германіи. То, что Тацитъ говоритъ о германскомъ волостномъ самоуправленіи, не можетъ быть выдумкою. Тоже самое слѣдуетъ замѣтить и относительно его данныхъ объ оставленіи пахатныхъ полей подъ паромъ, о передвиженіи войскъ въ военное время, о поголовномъ ополченіи, мѣстахъ судбищъ, общинныхъ сходкахъ и народностяхъ, ихъ нравахъ и мѣстахъ жительства. Данныя о горахъ, рѣкахъ, долинахъ, лѣсахъ, мѣстностяхъ деревень, — все различными путями подтверждено снова возродившимся изученіемъ нѣмецкой исторіи, древностей и памятниковъ. У насъ и понынѣ нѣтъ географіи Германіи, которая смотрѣла бы на свой предметъ съ такой широкой, плодотворной точки зрѣнія, какъ Тацитъ въ своей Germania. Но Тацитъ, какъ географъ, не имѣлъ между римлянами послѣдователей, которые бы сдѣлали для другихъ земель то, что онъ сдѣлалъ для Германіи.

Начиная со втораго и третьяго вѣка, наступательныя войны римлянъ на Рейнѣ и верхнемъ Дунаѣ постепенно превращаются въ оборонительныя, противъ все ближе и ближе напирающихъ непріятелей. Римляне уже рѣдко переступаютъ старыя извѣстныя границы своего государства. Danubius (Дунай) остался уже на сѣверѣ границею ихъ землевѣдѣнія, которое лишь незначительно могло раздвинуться на востокѣ, внизъ по Дунаю до Понта. Только когда столица императоровъ перенесена была съ запада на востокъ, раскрылись для римлянъ сѣверная Греція, Ѳракія и другія земли.

Но открытія земель, поводъ къ которымъ могли имъ давать только войны, совершенно прекращаются для римлянъ. Напрасно пытался императоръ Адріанъ, посредствомъ Адріанова вала (Vallum Hadriani, остатки котораго прозваны въ нѣмецкомъ народѣ: бревенчатый окопъ или чертова стѣна, Pfahlgraben, Teufelsmauer), расширить римское государство юго-западнымъ угломъ Германіи. Это знаменитое Vallum былъ великій окопъ, который тянется отъ Дуная у Регенсбурга при Альтмюлѣ, чрезъ Баварію, Швабію и Франконію, по направленію къ сѣверо-западу, черезъ рѣки Якстъ, Кохеръ, Некаръ и Майнъ, къ Рейну и Ланѣ у Кобленца. Онъ, подобно китайской стѣнѣ, долженъ былъ служить оградой и оборо-

[1]) Rühs, Ausführliche Erklärung der zehn ersten Capitel des Tacitus über Deutschland. Berlin. 1821

нительною линіею римскаго государства и съ этою цѣлію снабженъ былъ воротами, башнями и укрѣпленными лагерями (castris). Юго-западный уголъ Германіи, вслѣдствіе этого, поступилъ подъ защиту римлянъ и сдѣлался мѣстомъ пограничнаго выселенія для римскихъ воиновъ. Земля эта (нынѣ Виртембергъ и Баденъ) получила названіе Agri Decumates, десятинная земля (Zehentland), ибо жители должны были платить римлянамъ десятину, какъ плату за ихъ охраненіе. Ветераны римскихъ легіоновъ надѣляемы были здѣсь землями и имъ поручена была защита этой военной границы, на подобіе военной границы между китайцами и монголами, и, въ новѣйшее время, военной границы австрійцевъ и русскихъ.

Такимъ образомъ юго-западная Германія романизировалась все болѣе и болѣе и наполнялась множествомъ заложенныхъ городовъ, купаленъ, храмовъ, военныхъ дорогъ, коихъ безчисленные остатки и слѣды сохранились и доселѣ отъ Рейна до Дуная. Такъ многія мѣстности на западѣ южной Германіи, особенно вдоль римской границы (Limes Imperii), получили и римскія названія, напр. Basilea Rauracorum — Базель; Augusta Vindelicorum — Аугсбургъ; Баденъ, Баденвейлеръ (Badenweiler), съ римскими купальнями; Пфюртсгеймъ (Pfortsheim, ad Portas) у самаго вала; Reginoburgum — Регенсбургъ; Argentoratum — Страсбургъ; многія мѣстности у Рейна до Moguntiacum — Майнцъ; Castra — Кассель; Bona Castra — Боннъ; Colonia Agrippina — Кельнъ; Vesalia — Везель и многія другія. Также къ востоку отъ Регенсбурга и рѣки Альтмюля къ Passavia — Пассау; Iuvavia — Зальцбургъ; Terioli — Тироль; Noreja — Каринтія; Carnia; Vindobona — Вѣна; Петронель, Карнунтумъ, Aquileja, Laureacum, Tergeste (Тріестъ) и пр. [1]).

Но владѣніе этими землями было непродолжительно. Народы аллемановъ первые ринулись, съ 214 г. по Р. Х., съ Рейна въ Десятинную землю (das Zehentland). Съ 305 годомъ (стало быть по прошествіи только 91 года) совершенно исчезаетъ всякій слѣдъ римскаго владычества въ этомъ юго-западномъ краю Германіи. Только одну провинцію, на сѣверъ отъ Дуная, на востокъ отъ Тиссы (Thibis-

---

[1]) Раскопки въ Шварцвальдѣ, на Рауальпѣ (die Rauhe Alp), въ Оденвальдѣ, Спессартѣ, у Эйхштедта при рѣкѣ Альтмюлѣ, въ Паппенгеймѣ и другихъ мѣстахъ раскрыли остатки римскихъ памятниковъ и римскихъ дорогъ. Ср. Leichtlen, über römische Alterthümer im Zehentlande zwischen Rhein, Main und Donau. 1818.— Muchar, das römische Noricum. Graz. 1825. 2 ч.— Schmidt, die obere Donaustrasse der Peutinger Strasse. Berlin. 1844.— De Ring, Sur les établissements des Romains du Rhin et du Danube. Paris 1852. 2 vol.

cus) до Днѣпра (Borysthenes), императоръ Траянъ присоединилъ къ римскому государству — это, такъ называемую, Dacia Trajani (Dacia Trajana). Но и она лишь полстолѣтія дольше другихъ оставалась римск ю, до занятія ея готами. (Траяновъ валъ при Прутѣ у Бѣлграда въ Бессарабіи). Все таки Молдавія, Валахія, Семигорія и Темесварскій банатъ, за весьма короткое время римскаго владычества (съ 103 г., первой войны съ даками, до 270, времени передачи ихъ Авреліаномъ во владѣніе готовъ), остались багаты римскими памятниками. Оттого въ этихъ странахъ, какъ и во всей южной и западной Германіи и вообще на всемъ югѣ Европы, который весь былъ болѣе или менѣе романизированъ, положено было основаніе на все слѣдующее тысячелѣтіе совершенно иному типу географическихъ отношеній, чѣмъ во всей остальной среднегерманской и сѣверной Европѣ.

Теперь другіе народы начинаютъ дѣлать открытія въ римскихъ земляхъ, которыя кончились паденіемъ римскаго государства; сперва въ Мизіи, Дакіи и по нижнему Дунаю. Упадокъ могущества извнѣ, слабость и раздоръ партій внутри римской имперіи вызвали на сцену другіе народы съ дальняго сѣверо-востока, а роскошныя южныя страны подстрекали къ завоеваніямъ. Греція, Италія, Галлія, Испанія и южная Германія сдѣлались ихъ добычей.

Такъ наступило великое переселеніе народовъ, отъ котораго многія географическія знанія и открытія древности погибли совершенно или же были вовсе забыты на цѣлыя столѣтія. Только весьма незначительная часть этихъ знаній сохранилась въ книгахъ, уцѣлѣвшихъ отъ всеобщаго истребленія цѣлыя столѣтія, но и эта часть оставалась для потомства мертвымъ знаніемъ ученыхъ и сдѣлалось предметомъ изученія только въ періодъ возрожденія наукъ и въ ближайшее къ намъ время.

Систематическія географіи Страбона и Клавдія Птоломея, перваго и втораго столѣтій по Р. Х., суть позднѣйшіе, оставшіеся намъ источники землевѣдѣнія древнихъ, передавшіе сокровища географическихъ свѣдѣній, на сколько добыла ихъ древность, слѣдующему за нею тысячелѣтію.

Страбонъ, современникъ Августа и Тиверія, уроженецъ города Амазіи въ Кападоккіи, оставилъ два главныхъ сочиненія, въ которыхъ изложены его географическія свѣдѣнія: исторію (продолженіе Полибія до императора Августа) и географію въ 17 книгахъ. Первое изъ этихъ сочиненій для насъ совершенно потеряно, второе хотя и дошло до насъ, но не безъ пробѣловъ въ нѣкоторыхъ мѣ-

стахъ. Это послѣднее сочиненіе написано Страбономъ въ первой половинѣ перваго вѣка до Р. Х. и, вѣроятно, въ глубокой старости, ибо въ одномъ мѣстѣ четвертой книги онъ говоритъ о современномъ ему правленіи императора Тиверія. Онъ объѣхалъ прежде многія провинціи римской имперіи отъ Арменіи до Этруріи и Массиліи, и отъ Чернаго моря до Эѳіопіи, посѣтилъ Египетъ до Эѳіопской границы, находясь тамъ въ свитѣ римскаго намѣстника Галла, былъ также въ сѣверной Африкѣ, Передней Азіи, Греціи, на островахъ Средиземнаго моря и Италіи. Такимъ образомъ онъ очень многія земли описываетъ какъ очевидецъ, и, какъ кажется, подражаетъ Полибію: положеніе страны, пространство и его раздѣленіе, естественныя произведенія, особенности и различныя явленія природы не ускользаютъ отъ его вниманія. Во всемъ виденъ его здравый, практическій и опытный взглядъ. Описывая страну, онъ въ тоже время касается и ея исторіи, народовъ ее населяющихъ, государствъ, колоній, древностей. Онъ совершенно справедливо говоритъ, что ученый географъ преимущественно долженъ обращать вниманіе на естественное дѣленіе страны и различія народностей, а не на причудливое и скоропреходящее раздѣленіе ея властителями и политикою. Онъ долженъ указывать на существенное и неизмѣнное, и изъ прошедшаго выбирать только то, что представляетъ особенную важность. Оттого произведенія Страбона равно необходимы для естествоиспытателя, географа и историка всѣхъ временъ.

Первую и вторую книги Страбонъ посвящаетъ общей географіи, указанію своихъ источниковъ и предшественниковъ. Но нельзя не сдѣлать ему упрека въ слишкомъ сильномъ пристрастіи къ твореніямъ Гомера, котораго онъ считалъ не только первымъ поэтомъ, но и первымъ географомъ. Вслѣдствіе этого онъ впадалъ въ многія ошибки. Онъ самъ посѣтилъ всѣ мѣста, встрѣчающіяся въ Иліадѣ и Одиссеѣ и они возбудили въ немъ столь сильный интересъ, что онъ сдѣлался пристрастнымъ къ Гомеру. Онъ всюду принимаетъ поэтическій вымыслъ за историческую истину, а землевѣдѣніе Гомера—за географическую систему. Это его коренная ошибка. Другая ошибка его состоитъ въ томъ, что онъ не воспользовался, какъ слѣдуетъ, свѣдѣніями, сообщенными Геродотомъ [1]). Вообще же онъ

---

[1]) Напр. онъ относитъ всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя о Мидіи, Персіи и Сиріи Геродотомъ, Ктезіасомъ и Гелланикомъ въ область баснословія, и говоритъ, что онъ еще скорѣе повѣритъ тому, что говорятъ объ этихъ земляхъ Гезіодъ и Гомеръ, чѣмъ тому, что баснословятъ эти и имъ подобные писатели.

слѣдуетъ по большей части системѣ своего великаго предшественника Эратосѳена.

Съ третьей книги начинается спеціальное описаніе странъ или хорографія. Страбонъ начинаетъ съ Иберіи, Пиринейскаго полуострова, идетъ отъ крайняго запада на востокъ, черезъ Европу въ Азію, и возвращается назадъ черезъ Египетъ и Африку. Хотя мы не можемъ входить здѣсь въ спеціальную оцѣнку труда Страбона, но, по чрезвычайной важности этого труда для географіи и исторіи, приведемъ два - три примѣра, чтобы показать, какъ и какимъ образомъ мы должны пользоваться имъ для нашихъ собственныхъ изслѣдованій.

Страбонъ самъ не былъ въ Испаніи, но составилъ весьма богатое и интересное описаніе ея по свѣдѣніямъ, собраннымъ его предшественниками. Такимъ образомъ, мы видимъ Испанію богатою городами, мѣстечками, населенною разнообразными племенами, обильною гаванями, большими дорогами, богатою въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ. Повидимому, она въ то время была даже гораздо болѣе населена и оживлена, чѣмъ теперь. Это подтверждаютъ, оставшіеся тамъ, разнообразные памятники древности. Впослѣдствіи, губительныя войны съ римлянами, вторженіе сѣверныхъ народовъ и, наконецъ, завоеваніе ея, спустя 300 лѣтъ, арабами значительно опустошили ее. Въ то время Испанія принадлежала къ числу странъ, весьма часто посѣщаемыхъ торговыми людьми. Поэтому Страбонъ подробно обозначаетъ до какого мѣста судоходны были рѣки, какія суда могли плавать по нимъ, гдѣ были главныя торговыя мѣста, рынки и гавани и разстоянія ихъ другъ отъ друга; онъ зналъ всѣ племена въ Испаніи. Гадесъ былъ величайшею гаванью Иберіи, какъ Александрія на Востокѣ. Безъ Страбона все это осталось бы для насъ потеряннымъ, ибо почти всѣ писатели, которыми онъ пользовался, не дошли до насъ, какъ напр. Артемидоръ Эфесскій, современникъ Птоломея VIII. Латиръ (Lathyrus) не задолго до митридатскихъ войнъ самъ объѣхалъ съ флотомъ Испанію и написалъ *Γεωγραφούμενα*, описаніе береговъ (*Περίπλους*) Средиземняго моря для мореплавателей. У него Страбонъ заимствовалъ измѣренія. Посидоній изъ Апамеи въ Сиріи, ум. въ 51 г. до Р. Х., провелъ послѣднюю половину своей жизни на островѣ Родосѣ, гдѣ писалъ астрономическія и географическія сочиненія и выработалъ географическую систему, которую изложилъ въ сочиненіи своемъ «Sphaera». Еще до этого посѣтилъ онъ Галлію и Испанію, съ цѣлію провѣрить самому баснословные раз-

сказы о захожденіи солнца на западномъ берегу Испаніи и дѣлать наблюденія надъ звѣздами тамошняго небосклона и надъ приливомъ и отливомъ въ океанѣ. Обо всемъ этомъ жители Средиземнаго моря не имѣли никакого понятія. Посидоній написалъ два сочиненія: одно объ океанѣ, а другое о народахъ и исторіи Испаніи. У Страбона мы находимъ очень много извлеченій изъ обоихъ этихъ произведеній. Полибій также совершилъ путешествіе по Испаніи. Его историческими сочиненіями, и въ особенности свѣдѣніями о различныхъ народахъ полуострова, Страбонъ воспользовался для своей географіи Иберіи. Тимосѳенъ, египетскій морякъ и адмиралъ царя Птоломея Филадельфа, написалъ сочиненіе о гаваняхъ Средиземнаго моря; изъ него Страбонъ заимствовалъ описаніе гаваней. Асклепіадъ изъ Мирлеи въ Виѳиніи, грамматикъ и антикварій, жилъ въ Испаніи и обучалъ въ тамошнихъ риторическихъ школахъ. Онъ написалъ трактатъ о народахъ и древностяхъ Испаніи. Страбонъ приводитъ и изъ него много выписокъ.

Вотъ пять самыхъ важныхъ источниковъ, между множествомъ другихъ, по которымъ Страбонъ составилъ свою географію Иберіи. Всѣ эти произведенія не дошли до насъ, но, благодаря критическимъ изслѣдованіямъ Страбона, мы можемъ возстановить для себя древнюю историческую литературу объ Иберіи и если бы всѣ семнадцать книгъ Страбона подверглись искусному и строгому критическому разбору, то отъ этого выиграла бы много, и существенно обогатилась бы вся наука древностей. По этой части остается еще большое поле для дѣятельности [1].

Но не о всѣхъ странахъ говоритъ Страбонъ въ одинаковой степени подробно; для каждой необходимо изученіе другихъ источниковъ.

Четвертая книга описываетъ *Галлію* и *Британію*. О *Кельтикѣ* или *Галліи* Страбонъ говоритъ очень подробно; онъ самъ даже былъ въ южной части ея; Галлія, какъ римская провинція, совершенно была романизирована. Здѣсь онъ придерживается всего болѣе устныхъ разсказовъ римлянъ, въ особенности римскихъ торговцевъ, часто посѣщавшихъ ее. Кромѣ того Страбонъ пользовался

---

[1]) Для этого дѣла предварительныя изслѣдованія, весьма важныя для древняго землевѣдѣнія, находятся у Hennicke, Geographicorum Strabonis fides ex fontium, unde is hausit, auctoritate aestimanda. Gotting. 1791. 8.—Heeren, de Fontibus Geographicorum Strabonis Commentatio. 1. 2. 1820.—Conr. Mannert, Geographie der Griechen und Römer. — Ukert. 2 Th. Iberien.

Периплонъ Пиоеаса, комментаріями Юлія Цезаря о Галльской войнѣ, историческими сочиненіями Полибія и Посидонія и Политикою Аристотеля, въ которой, въ числѣ сорока различныхъ образовъ правленія, весьма подробно описана и колонія *Массилія* на Роданѣ. Менѣе заимствовалъ онъ изъ произведеній Эфора и Тимагена.

О Британніи, Гиберніи и островѣ Тулэ мы находимъ у Страбона болѣе скудныя свѣдѣнія; главнымъ источникомъ служила ему Галльская война Юлія Цезаря, но въ то же время онъ сообщаетъ еще и то, что узналъ отъ римскихъ торговыхъ людей.

Страбонъ мало довѣряетъ извѣстіямъ Пиоеаса Массилійскаго, потому что Полибій, принятый за образецъ Страбономъ, не понялъ этого великаго человѣка. Его описаніе средне-европейскихъ Альпъ и народовъ, населявшихъ эти мѣста, составлено по Полибію и нѣкоторымъ устнымъ сказаніямъ. Только немногія мѣста въ этомъ описаніи имѣютъ значеніе для исторіи отдѣльныхъ альпійскихъ областей, какъ напр. описаніе озера Комо.

Пятая и, весьма богатая содержаніемъ, шестая книги заключаютъ въ себѣ описаніе Италіи и ея острововъ. Еще ни одинъ изъ новѣйшихъ географовъ, описывавшихъ Италію, не очертилъ ее такъ величаво, какъ Страбонъ.

Седьмая книга посвящена описанію Германіи и сѣверной Европы; но, къ сожалѣнію, эта часть самая неудовлетворительная. Страбонъ нигдѣ не былъ здѣсь очевидцемъ и даже не имѣлъ подъ рукою разсказовъ современниковъ, а долженъ былъ довольствоваться только нѣкоторыми письменными извѣстіями. Тацитъ явился позже, и потому познанія Страбона о Сѣверѣ ограничивались предѣлами римскаго владычества. Онъ самъ чистосердечно сознается, что не можетъ ничего сказать положительнаго о странахъ по ту сторону Эльбы. Онъ могъ бы то же самое сказать и о странахъ къ сѣверу отъ Дуная. Положеніе Альпъ и горъ во Өракіи, Иллиріи и Германіи также было ему весьма мало извѣстно. Кромѣ того онъ приводитъ много названій народовъ и мѣстъ, не зная гдѣ они.

Гораздо богаче содержаніемъ три слѣдующія за тѣмъ книги.

Восьмая и девятая книги содержатъ въ себѣ описаніе Греціи, а десятая — греческихъ острововъ. Здѣсь много его собственныхъ взглядовъ, а также видно и пользованіе многими другими источниками; то же замѣтно и въ слѣдующихъ книгахъ. Страбонъ безцѣненъ въ отношеніи сообщаемыхъ имъ свѣдѣній о Востокѣ,

Сиріи, Малой Азіи, Персіи, Бактріи, но объ Индіи онъ сообщаетъ мало новаго [1]).

Второй главный географическій памятникъ древности есть географія Клавдія Птоломея.

Клавдій Птоломей, изъ Пелузіума, греческій астрономъ, жилъ въ половинѣ втораго столѣтія по Р. Х. Онъ оказалъ такія же услуги древней астрономіи, хронологіи и географіи, какъ Галенъ — медицинѣ и Павзаній — исторіи древнихъ искусствъ. Онъ написалъ большое астрономическое сочиненіе (ἡ μεγάλη σύνταξις, Magna Constructio, Альмагестъ арабовъ), а затѣмъ (около 140 г.) полное землеописаніе. Это сжатый, но весьма богатый содержаніемъ систематическій списокъ географическихъ именъ и ихъ мѣстоположеній, въ восьми книгахъ. Относительно этого сочиненія Птоломей откровенно выдаетъ себя за ученика Марина Тирскаго [2]).

Въ первой книгѣ онъ предлагаетъ правила для графическаго искусства и для начертанія географическихъ картъ, требуетъ точнѣйшихъ астрономическихъ наблюденій надъ положеніемъ различныхъ мѣстностей, требуетъ не только опредѣленія широтъ, но и долготъ и указываетъ средства, по положенію извѣстныхъ мѣстъ, находить положеніе неизвѣстныхъ. Въ восьмой книгѣ онъ дѣлаетъ краткое обозрѣніе всего предмета. Остальныя шесть книгъ содержатъ въ себѣ списокъ мѣстностей по странамъ, градусамъ широты и долготы.

---

[1]) Прежнія изданія: Almeloveen, Амстердамъ. 1707. Isaac Casaubonus. Paris. 1620. Siebenkes и Friedemann. Leipzig. 1796—1814. 6 т., съ латинскимъ переводомъ. G. Kramer. 1844—52. Это изданіе всѣхъ болѣе важно для критики Страбона. Французскій переводъ Страбона. Парижъ. 5 том. 4 т. перев. du Theil, Coray, Letronne, Guil. Gosselin. 1805—19, съ обстоятельными комментаріями. Нѣмецкіе переводы: Пенцеля. 4 тома. Lemgo. 8. 1775—77. Гроскунда. Берлинъ. 8. 4 части. 1831—34, съ критическими замѣчаніями.—Aug. Meineke, Vindiciarum Strabonianarum Liber. Berol. 1852. 8.—Dr. Ernst Meyer, Botanische Erläuterungen zu Strabo's Geographie. Königsb. 1852.

[2]) Птоломей выставляетъ Марина, какъ писателя, обращавшаго особенное вниманіе на всѣ наблюденія и путешествія. Дѣйствительно, въ финикійскихъ гаваняхъ должно было накопиться громадное количество свѣдѣній о путешествіяхъ и плаваніяхъ, остававшіяся еще тайною для другихъ народовъ. По нимъ то Маринъ составилъ свою ландкарту, конечно, спустя долгое время послѣ того, какъ финикіяне перестали быть самостоятельнымъ народомъ. Отсюда это необычайное богатство свѣдѣній у Птоломея, но за то финикійское правописаніе и темнота многихъ собственныхъ именъ. Птоломей безъ измѣненій занесъ ихъ въ свою географію, напр. Chna—Канаанъ, Juernä — Hibernia. Поэтому для новаго изданія Птоломея необходимо знаніе восточныхъ языковъ и ихъ правописанія. Тирская карта міра Марина, безъ сомнѣнія, также находилась въ числѣ сокровищъ Александрійской библіотеки и

Къ этому сочиненію одинъ художникъ, Агатодемонъ изъ Александріи, составилъ, впрочемъ уже очень поздно, въ VI столѣтіи, 27 ландкартъ, которыя приложены къ бо̀льшей части древнихъ списковъ Птоломея. Нельзя утвердительно сказать, составилъ ли самъ Птоломей карты и приложилъ ихъ къ своей рукописи, но которыя, какъ слишкомъ трудныя для неопытныхъ переписчиковъ, часто оставались нескопированными; или же онъ описалъ свои Александрійскія карты только въ своей географіи, не издавая ихъ вмѣстѣ съ нею въ свѣтъ. При изданіяхъ Птоломея—27 картъ. Изъ нихъ 10 посвящены Европѣ, 5 Африкѣ и 12 Азіи. Онѣ послужили первообразомъ для новѣйшихъ ландкартъ; безъ нихъ наши карты едва ли достигли бы настоящей степени совершенства.

Твореніе Птоломея, въ сравненіи съ другими классиками, въ новѣйшее время весьма пренебрежено. Конечно, изученіе его требуетъ большаго труда. Со времени перваго критическаго его изданія Эразмомъ въ Базелѣ, въ 1533 г., сдѣлано немного. Прежнія изданія (1475 г. въ Виченцѣ, безъ картъ; 1478 г. въ Римѣ и 1490, съ картами Швейнгейма и Бюкинга; 1482 г. въ Болоньѣ и Ульмѣ, при которомъ впервые приложены были Птоломеевы карты, рѣзанные на деревѣ для папы Павла II бенедиктинскимъ монахомъ Николаемъ Донисомъ] [1]) весьма неудовлетворительны и представляютъ не болѣе какъ латинскіе переводы. Эти латинскіе переводы сдѣлались

содержаніе ея, бывшее дотолѣ достояніемъ завистливыхъ тирскихъ купцовъ, тогда только сдѣлалось всеобщимъ. Она содержала въ себѣ такое множество названій и данныхъ, что Птоломей, для своей цѣли, сдѣлалъ только краткое извлеченіе изъ нея. Онъ самъ говоритъ, что старался, по возможности, представить только краткое извлеченіе, ибо Маринъ такъ много собралъ свѣдѣній отъ древнихъ и новыхъ писателей и изучилъ столько разныхъ сочиненій и путешествій, что въ этомъ отношеніи не можетъ сравняться съ нимъ ни одинъ изъ его предшественниковъ. На этой Тирской картѣ уже проведенъ былъ первый меридіанъ чрезъ Insulae Fortunatae (Канарскіе острова), и такимъ образомъ нашъ меридіанъ, идущій чрезъ Ферро, данъ намъ финикіянами. Птоломей, сдѣлавъ извлеченіе изъ Марина Тирскаго, вмѣстѣ съ тѣмъ исправилъ масштабъ и форму картъ. Онъ говоритъ, что карта Марина часто была копируема и измѣняема. У него самаго было подъ рукою нѣсколько изданій ея и онъ приводитъ ихъ различія. Этотъ трудъ, который онъ исполнилъ, какъ астрономъ и математикъ, онъ, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ для своихъ учениковъ въ Александріи, для уразумѣнія Тирской карты міра.

[1]) Уже карты Римскаго и Ульмскаго изданій совершенно отличаются другъ отъ друга. Все же подлинникомъ ихъ служили древнія карты. Позднѣйшія изданія ихъ Гергардомъ Меркаторомъ еще болѣе представляютъ измѣненій, и до настоящаго времени нѣтъ ни одного изданія древнихъ подлинниковъ.

раньше извѣстны, чѣмъ греческій текстъ. Лучшее изданіе ихъ — Ангелуса и Виллиб. Пиркгеймера, Argentorat. 1525 г. Но всѣ они полны ошибокъ въ именахъ и числахъ и вообще негодны къ употребленію. Самое лучшее изъ старыхъ изданій — Bertius'а въ Theatrum Geographicum Veterum. Amstelod. 1678. fol. Новѣйшія изданія — Зиклера, Вильберга и Нобби. Обыкновенно думаютъ, что сочиненіе и приложенныя къ нему карты были произведеніемъ одного Птоломея, но, какъ уже замѣчено выше, это различныя работы, между которыми лежитъ пространство времени въ три или четыре столѣтія. Многіе переписчики, преимущественно изъ средневѣковыхъ монаховъ, и даже многіе изъ первыхъ издателей Птоломея, равно какъ и переводчики, произвольно исправляли и текстъ и карты. Имена и чертежи исправлялись по произволу, и часто по весьма ограниченнымъ познаніямъ. По тексту исправлялись карты, а по картамъ текстъ. Понятно, что чаще всего это были не исправленія, а извращенія.

Шлецеръ въ своемъ образцовомъ сочиненіи, исторіи Сѣвера, первый указалъ на необходимость критическаго изданія Птоломея (Allg. Weltgesch. часть 31. стр. 148, 176). Очень рѣзко называетъ онъ Птоломея своего времени негоднымъ штопаньемъ средневѣковыхъ монаховъ, въ которомъ, изъ за безчисленныхъ вставокъ и прибавокъ, нельзя и узнать александрійскаго Птоломея. Это уже слишкомъ много, но отзывъ этотъ возбудилъ болѣе строгое изученіе Птоломея. Такъ К. Маннертъ, въ своей географіи грековъ и римлянъ, Т. I. стр. 180 и слѣд., указываетъ самыя вѣрныя средства, какъ очистить настоящаго Птоломея отъ ошибокъ его позднѣйшихъ издателей. Онъ приводитъ тѣ особенности и законы, которыми Птоломей руководствовался при составленіи своихъ описаній. Такъ напр. Птоломей въ своихъ описаніяхъ всегда слѣдовалъ правилу: назвать по картѣ какое нибудь мѣсто на сѣверо-западѣ и потомъ, по широтѣ этого градуса, идти по направленію къ востоку до конца карты. Затѣмъ онъ бралъ слѣдующій южнѣйшій градусъ широты и шелъ тѣмъ же порядкомъ и такъ далѣе, такъ что сколько какая нибудь страна занимаетъ градусовъ широты, столько строкъ объ ней у Птоломея. При отступленіи отъ этого порядка, что̀ впрочемъ случается рѣдко, онъ всегда предварительно намекаетъ объ этомъ. Тамъ же, гдѣ этотъ порядокъ прерывается, обыкновенно являются уже вставки. Такимъ образомъ можно легко найти и другія критеріи для подлиннаго текста и, наконецъ, достигнуть возстановленія настоящаго Птоломея посредствомъ критическаго изученія его. Возстановленіе это

тѣмъ болѣе важно, что географическія таблицы этого великаго астронома и математика весьма богаты содержаніемъ, преимущественно о дальнихъ странахъ трехъ частей свѣта древняго міра, о которыхъ греки и римляне ничего не знали. Въ этомъ скоро убѣждаемся, вглядываясь повнимательнѣе въ знаменитое произведеніе. Такъ напр., на восточномъ берегу Аравіи, гдѣ древніе греки и римляне знали только одно мѣсто Gerra, Птоломей приводитъ до 20 именъ городовъ, присовокупляя еще, по сдѣланнымъ тамъ дѣйствительнымъ наблюденіямъ, продолжительность самаго долгаго дня въ каждомъ изъ нихъ.

Македонскіе греки первые сдѣлали извѣстнымъ островъ Цейлонъ (Тапробанэ), но до Плинія, сообщившаго также извѣстія объ этомъ островѣ, свѣдѣнія о немъ были еще весьма скудны. Птоломею же было извѣстно тамъ болѣе пятидесяти мѣстъ, рѣкъ и горъ. Во многихъ изъ приводимыхъ имъ именъ мы узнаемъ, по созвучію ихъ съ нынѣшними названіями, правильное санскритское правописаніе, или же извѣстныя миѳологическія названія тамошнихъ буддистовъ указываютъ на точность его указаній. Птоломей прибавляетъ, что передъ Тапробанэ (Тапованэ, лѣсъ кающихся), т. е. на западѣ, лежатъ 1378 острововъ, изъ коихъ онъ 19 называетъ поименно (VII. 4). Это, по всей вѣроятности, острова Мальдивскіе. Птоломей зналъ также и Зундскіе острова. Онъ называетъ Iabadin самымъ плодороднымъ изъ всѣхъ, Iavan div, ячменный островъ, на сѣверной сторонѣ котораго лежитъ Argentea Metropolis (Бантамъ), а подлѣ — Батавія. Называемые имъ три Insulae Sinde, вѣроятно, — Зундскіе острова. Еще онъ упоминаетъ о трехъ другихъ островахъ Sabadib (гдѣ div означаетъ островъ), населенныхъ людоѣдами (баттасы на Суматрѣ).

Въ передней Индіи Птоломей открываетъ новый міръ, совершенно неизвѣстный грекамъ, но извѣстія о которомъ подтвердились въ Periplus Maris Erythraei — произведеніи одного купца, жившаго во второмъ столѣтіи, неправильно приписываемомъ Арріану. Надо изумляться громадному количеству названій мѣстностей. Онъ упоминаетъ многія рѣки, горы, острова и т. д., остававшіеся неизвѣстными и до шестнадцатаго столѣтія. Сверхъ того Птоломей довольно правильно опредѣляетъ для 39 мѣстностей не только положеніе ихъ, но и точную продолжительность самаго долгаго дня въ каждой изъ нихъ, по наблюденіямъ.

Для римлянъ и грековъ вся сѣверная и восточная Азія была вполнѣ terra incognita. Птоломей упоминаетъ уже объ Уральскомъ

хребтѣ, Волгѣ (Rha) и Синѣ съ ея Желтою рѣкою въ сѣверномъ Китаѣ. Онъ даже приводитъ и маршрутъ туда отъ Евфрата, чрезъ Гирканію, Caspiae Pylae, Бактрію, чрезъ высокія горы мимо Каменной башни, чрезъ Имай—и отсюда въ Sera Metropolis или Sina, въ странѣ Serica. Китай онъ зналъ съ двухъ сторонъ — съ южной Sinae, съ сѣверной Serica, — не предполагая, что обѣ части составляютъ одно цѣлое.

Описаніе большей части внутреннихъ европейскихъ странъ у Птоломея бѣднѣе, нежели напр. у Страбона; впрочемъ этого нельзя сказать въ отношеніи къ сѣверной и восточной Германіи. Здѣсь Птоломей сохранилъ намъ имена слишкомъ 90 нѣмецкихъ мѣстностей, слишкомъ 60 народностей, многихъ горъ, рѣкъ и лѣсовъ, подробнымъ знаніемъ которыхъ мы почти исключительно обязаны ему.

Въ продолженіе слишкомъ двадцати лѣтъ Птоломей могъ собирать свѣдѣнія о новыхъ открытіяхъ, благодаря войнамъ съ маркоманнами. Отсюда у него это обиліе извѣстій, изумляющее насъ теперь, и мы не должны удивляться, если онъ говоритъ о чемъ нибудь съ бо́льшею подробностію, нежели его предшественники: Страбонъ, Плиній и Тацитъ; онъ имѣлъ возможность въ своей Germania Magna, Dacia, Sarmatia расположить почти всѣ жившіе тамъ народы по мѣстамъ ихъ жительства. Дѣлаемый ему такъ часто новѣйшими учеными упрекъ въ томъ, что онъ будто бы помѣстилъ, для пополненія своихъ картъ, дажа нелѣпо выдуманныя имена и названія, показываетъ только совершенное непониманіе древняго міра со стороны этихъ ученыхъ. Конечно имена славянскихъ и германскихъ народовъ могли быть исковерканы имъ, какъ исковерканы имъ и многія названія въ Индіи. Но, не говоря о позднѣйшихъ вставкахъ, въ которыхъ Птоломей невиноватъ, нельзя привести ни одного доказательства въ подтвержденіе главнаго обвиненія. Собственное незнаніе въ такомъ случаѣ еще не даетъ права заподозривать, изъ недовѣрія, знанія предшественниковъ, потому только, что они намъ кажутся непонятными. Александрійскій астрономъ, конечно, не могъ избѣжать ошибокъ при описаніи Germania Magna и странъ кельтовъ, славянъ, иллирійцевъ, даковъ и др., а нѣкоторыя ошибочныя данныя могли невольно вкрасться изъ недошедшихъ до насъ сочиненій римскихъ писателей о времени германскихъ войнъ.

Къ числу устныхъ и письменныхъ источниковъ Птоломея для Германіи принадлежатъ между прочимъ измѣренія, начавшіяся въ римскомъ государствѣ уже со временъ Юлія Цезаря. Измѣреніе

земель и дорогъ простиралось на все римское государство и постоянно увеличивалось, такъ какъ оно было необходимо при отдачѣ на откупъ провинцій, при походахъ легіоновъ и при береговомъ плаваніи военныхъ и торговыхъ римскихъ судовъ. Изъ космографіи Этикуса извѣстно рѣшеніе сената, состоявшееся по предложенію Юлія Цезаря, объ измѣреніи всѣхъ провинцій дименсорами (землемѣрами) въ римскихъ шагахъ,—способъ измѣренія, конечно, несовершенный. Въ 32 года измѣреніе уже кончено было на Востокѣ, въ Африкѣ и на сѣверѣ Италіи. Эти первые опыты были впослѣдствіи нѣсколько разъ повторены и исправлены; съ особеннымъ усердіемъ занимался ими Агриппа въ мирное время правленія Августа (Плин. H. N. III. 3). Въ Италіи, Греціи, Египтѣ и другихъ земляхъ измѣреніе произведено было весьма точно; въ мало извѣстныхъ же странахъ Европы пространство измѣрялось днями пути. Оттого первыя извѣстія о пространствѣ этихъ земель по большей части преувеличены. Плиній, обозначая, по измѣреніямъ Агриппы, разстояніе между Дунаемъ и Нѣмецкимъ моремъ (H. N. IV. 24), слишкомъ растянулъ восточную Германію. Равномѣрно онъ растягиваетъ, на основаніи измѣреній многихъ грековъ и римлянъ (H. N. IV. 28), длину морскаго сѣвернаго берега Германіи, отъ запада къ востоку, отъ Scaldis (Шельды) до Сарматіи. Въ подобныя же ошибки, свойственныя этому времени, впалъ и Птоломей, который, какъ и всѣ его предшественники, увеличиваетъ протяженіе Германіи отъ юга къ сѣверу, отъ Дуная къ Нѣмецкому морю, на два градуса широты. Однако торговый путь римскаго всадника отъ Дуная къ янтарному берегу, отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, измѣренъ былъ дименсорами совершенно вѣрно. Ошибка Птоломея состояла въ томъ, что онъ начертилъ этотъ путь на своей картѣ почти прямо по направленію къ сѣверу, вмѣсто сѣверо-востока, и слишкомъ мало положилъ на изгибы черезъ горы и рѣки, подобно тому, какъ мы теперь обозначаемъ линіи путей во внутренности Африки Мунго Парка, Клаппертона и другихъ. Точно также во времена Птоломея хорошо измѣрены были и сѣверныя германскія прибрежья Нѣмецкаго моря. Греческіе и римскіе торговые мореплаватели появились здѣсь вслѣдъ за массилійскими и финикійскими открывателями. Это доказываютъ измѣренія разстояній, которыя сдѣлали моряки оргіями, косыми саженями, между мысами и устьями рѣкъ на Мекленбургскомъ и Померанскомъ берегахъ и другими мысами и устьями рѣкъ. Птоломей сообщаетъ намъ эти измѣренія отъ крайней точки Ютландіи до устья Вислы, т. е. отъ запада на востокъ, отъ

Flexio Chersonesi Cimbricae до восхода Вислы, ad Ortum Vistulae, по его выраженію. Это можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ тому, что эти берега вовсе не были такъ дики и неизвѣстны. Но и тутъ Птоломей дѣлаетъ ошибку, изображая весь берегъ до Вислы прямою линіею и всѣ рѣки, вливающіяся въ Нѣмецкое море, подъ одною широтою (56°). Мореплаватель, изъ Перипла котораго Птоломей заимствовалъ свои свѣдѣнія, очевидно далъ своему путешествію обобщающее названіе — плаванія отъ запада къ восходу солнца. Отдѣльныя же измѣренія между мысами и гаванями при устьяхъ рѣкъ опредѣлены совершенно точно и въ этомъ отношеніи свѣдѣнія Птоломея совершенно вѣрны.

Маннертъ и послѣ него, еще съ бо́льшею точностію, Крузе, въ различныхъ монографіяхъ о Германіи Птоломея (см. Archiv für alte Geogr. u. Gesch. Heft 1—3), вопреки мнѣнію Шлецера, доказали, что и свѣдѣнія, сообщаемыя Птоломеемъ о торговыхъ путяхъ во внутренности восточной Германіи, вовсе не такъ невѣрны. Его торговыя дороги представляютъ всю Germania Magna, на востокъ отъ Эльбы и на сѣверъ отъ Дуная, страною весьма населенною, отнюдь не варварскою, богатою городами, мѣстечками, рынками, торговыми путями и колоніями, которыхъ остатки мы и понынѣ открываемъ въ тысячахъ могильныхъ кургановъ съ урнами и оружіемъ древнихъ племенъ, населявшихъ эти мѣста [1]).

Послѣ географическихъ сочиненій Страбона и Птоломея мы должны еще упомянуть о римскихъ дорожникахъ и о Geographus Ravennas.

Дорожники (Itineraria) составлялись римлянами для походовъ войскъ и путешествій императоровъ. Ихъ было два рода, которые Вегецій называетъ Annotata и Pictae Tabulae. Въ Annotatis обозначались только названія мѣстностей и станцій (mansiones), равно какъ и разстоянія между ними, какъ въ нашихъ почтовыхъ дорожникахъ. Въ Pictis Tabulis, сверхъ того, обозначены были провинціи, ихъ названія, пространство, жители, горы, рѣки, моря; словомъ эти дорожныя карты составлены были, какъ ландкарты. Изъ памятниковъ перваго рода сохранился замѣчательный въ особенности дорожникъ императора Антонина, время происхожденія котораго впрочемъ неизвѣстно. На такихъ анно́татахъ каждые

---

[1]) Heeren, Commentatio d. Fontibus Geographicorum Ptolomaei Tabularumque etc. Gotting. 1827. — G. v. Gumaelius in Ptolomaeum. Upsal. 1821. 8.

1000 шаговъ (Mille passus) отмѣчались значкомъ. Копію съ нихъ получалъ офицеръ или коммиссаръ, на попеченіи котораго было войско. Какъ извѣстно, Маркъ Випсаній Агриппа, зять Августа, велѣлъ измѣрить всѣ провинціи римскаго государства и на основаніи этого составить карты, для которыхъ онъ выстроилъ даже особый портикъ. Къ нимъ онъ написалъ коментарій, который впослѣдствіи перешелъ въ общественный архивъ и служилъ еще пособіемъ Плинію. Съ этихъ росписаній мѣстностей списывали множество копій для различныхъ цѣлей, въ томъ числѣ и для походовъ легіоновъ въ сѣверо-альпійскихъ странахъ. Этимъ путемъ сдѣлались извѣстны намъ большія римскія военныя дороги вдоль Рейна и Дуная. По нимъ мы можемъ отыскать ихъ castra или лагери, мосты, башни, стѣны и колоніи въ западной и южной Германіи до Некара и Майна [1])

Одинъ изъ этихъ дорожниковъ, болѣе похожихъ на ландкарты, сохранился, къ счастію, и до нашего времени. Онъ находится въ вѣнской императорской библіотекѣ и извѣстенъ подъ именемъ Tabula Peutingeriana. Эта таблица состоитъ изъ свертка въ 11 листовъ, въ 20½ футовъ длины и 11½ дюймовъ ширины. На ней обозначены дороги по всей римской имперіи, но не географически, а совершенно произвольно; однако разстоянія означены точно. Великій гейдельбергскій ученый и поэтъ Конрадъ Цельтесъ (1459—1508) нашелъ манускриптъ въ одной южно-германской библіотекѣ и отдалъ его въ библіотеку Конрада Пеутингера, гдѣ этотъ аугсбургскій патрицій сохранялъ его весьма тщательно. Маркусъ Вельзеръ, историкъ Аугсбурга, напечаталъ его въ 1591 г. въ Венеціи. Въ 17 столѣтіи подлинная карта попала въ руки принца Евгенія Савойскаго, а въ 1736 году сдѣлалась собственностію вѣнской библіотеки. Въ 1753 г. фонъ-Шейбъ велѣлъ выгравировать ее на мѣди; по его мнѣнію, она сдѣлана между 368 и 396 г., слѣд. въ концѣ IV столѣтія, въ царствованіе Ѳеодосія Великаго, почему она называется иногда и Tabula Theodosiana. Это мнѣніе ошибочно, потому что въ ней много намековъ на папу, Іерусалимъ и Германскую имперію. Маннертъ же доказываетъ, что ея происхожденіе еще древнѣе и относитъ ее къ 230 году, т. е. къ царствованію Александра Се-

---

[1]) Эти росписанія дорогъ собраны Весселингомъ и изданы подъ заглавіемъ: Vetera Romanorum Itineraria, sive Antonini Augusti Itinerarium curante P. Wesseling. Amsterd. 1735. Itinerarium Antonini Augusti et Hierosolymitanum ex libris manu scriptis ediderunt Parthey et Pinder. 1847.

вера; вѣнская же карта, по его мнѣнію, есть копія съ древней римской карты, сдѣланная въ XIII столѣтіи монахомъ, такъ что древнѣйшая карта легла только въ основаніе этой карты, какъ это было и съ Птоломеевскими картами. По новымъ изслѣдованіямъ библіотекаря въ Римѣ Джіузеппе Акченти, въ его Osservazioni sopra la Tavola Peutingeriana, Romae 1809, эта карта сдѣлана въ началѣ V столѣтія, въ царствованіе Өеодосія II [408—450] [1]).

Эти дорожныя карты весьма важны, а часто служатъ и главнѣйшимъ источникомъ для первыхъ вѣковъ средней исторіи, когда исчезаютъ для насъ всякія точныя мѣры и дороги въ Европѣ. Древняя географія германскихъ земель, лежащихъ по Рейну и Дунаю, весьма многимъ обязана этимъ дорожникамъ. Благодаря имъ, снова отысканы были по большимъ дорогамъ, на мѣстѣ разрушенныхъ римскихъ городовъ, многія римскія древности, какъ напр. римскія купальни у Баденвейлера, памятники у Майнца, Тріера и т. д. Въ 1818 году, профессору Бухнеру въ Регенсбургѣ во время путешествія пѣшкомъ отъ Дуная, черезъ Баварію, Швабію и Франконію, до Якста, Кохера, Неккера и Рейна, съ Пеутингеровой картой въ рукахъ, удалось открыть, по немногимъ слѣдамъ, знаменитѣйшій памятникъ, оставленный римлянами въ Германіи, такъ называемый, чертовъ валъ, Vallum Hadriani [2]).

При помощи той же карты, Винцентъ ф. Пальгаузенъ могъ прослѣдить римскую большую дорогу, пролегавшую черезъ Тироль, между Вероною и Аугсбургомъ; изысканія эти повели къ важнымъ для нѣмецкой археологіи географическимъ и историческимъ открытіямъ [3]). Поэтому очень полезно для нѣмецкой географіи, что Мюнхенская академія работаетъ теперь надъ новымъ изданіемъ Tabulae Peutingerianae.

---

[1]) Новѣйшее полное изданіе Conrad'a Mannert'a на счетъ Баварской Академіи Наукъ: Tabula Itineraria Peutingeriana, denuo cum Codice Vindobonensi collata, emendata et nova instructione etc. Leipzig. 1824. — Petr. Katancsich, Orbis antiquus ex tabula itineraria Theodosii et Peutingeri illustratus. Budae. 1824.

[2]) Buchner, Reise auf der Teufelsmauer. Regensburg. 3 части. 1818. 1821. 1831.— Anton Maier (каноникъ въ Ейхштедтѣ), Genaue Beschreibung der unter dem Namen der Teufelsmauer bekannten römischen Landmarkung. München. 1824. Въ Denkschriften der Academie der Wissenschaften. T. VIII. Богатыя изысканія Майера гораздо совершеннѣе и точнѣе Бухнеровыхъ и исправляютъ ихъ во многихъ отношеніяхъ.

[3]) Vinc. v. Pallhausen, Beschreibung der Römischen Heerstrasse von Verona über Trient, Botzen, Innspruck nach Augsburg. Mit Karten und Kupfern. München. 1816.

Кромѣ дорожниковъ, большое значеніе имѣетъ первый всеобщій географическій словарь, составленный около 500 года Стефаномъ Византійскимъ изъ всѣхъ бывшихъ у него подъ рукою сочиненій. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ только отрывокъ извлеченія изъ этого сочиненія, но и этотъ отрывокъ содержитъ очень много интересныхъ данныхъ, не встрѣчающихся въ другихъ памятникахъ [1]).

Къ дорожникамъ и географическому словарю принадлежитъ также Равеннскій географъ, сочиненіе, писанное въ 9 вѣкѣ нѣкіимъ Гвидо Равеннскимъ; это единственный сборникъ всеобщей географіи того времени, дошедшій до насъ, да и то не вполнѣ, а только въ извлеченіи [2]).

Авторъ извлеченія, по всей вѣроятности Равеннскій монахъ, не имѣлъ никакого понятія объ описываемыхъ имъ земляхъ, и свѣдѣнія свои извлекаетъ изъ утраченнаго для насъ оригинала, причемъ очень часто ошибочно цитируетъ различныхъ греческихъ и римскихъ писателей. Онъ много заимствовалъ изъ извѣстныхъ намъ дорожниковъ, и хотя всѣ свѣдѣнія у него очень сбивчивы, но его сочиненіе важно въ томъ отношеніи, что въ немъ часто упоминаются разныя географическія сочиненія, которыми пользовался Гвидо, при составленіи своей географіи; между ними часто встрѣчаются сочиненія древнеготскія и франконскія, стало быть сочиненія народовъ германскихъ, которыя равнымъ образомъ остались намъ неизвѣстными. Ими пользуется онъ въ особенности при описаніи сѣвера и юга Европы, отъ Эльбы до Волги и Кавказа; оттуда онъ почерпнулъ также много свѣдѣній о Даніи, Нѣмецкомъ морѣ, Германіи, славянскихъ земляхъ и о древнихъ мѣстахъ жительства готовъ до Индіи. Какъ видно, монахъ довольно ученъ и начитанъ, но не имѣетъ критическаго взгляда. Онъ рѣшительно ничего не знаетъ о древнихъ греческихъ и римскихъ географахъ. Птоломей у него первый географъ,

---

[1]) Stephanus Byzantius de Urbibus (περὶ πόλεων) ed. Abraham Beckelius. Lugdun. Bat. 1694. fol.—Luc. Holstenii, Notae et Castigationes in Steph. Byzant. ibid. 1684. fol. — Новое критическое изданіе В. Диндорфа. Лейпцигъ. 1825. 6 т. 8.— Stephani Byzantii Ethnicorum quae supersunt, ex recensione Aug. Meinecke. Berol. Tom. I. 1849.

[2]) Такъ какъ авторъ извлеченія не былъ извѣстенъ, то оно явилось впервые въ 1688 году въ Парижѣ подъ заглавіемъ: Anonymi Ravennatis de Geographia libri V ex manuscripto Codice Regio editi, cum notis per Placidum Porcheron. Второе изданіе сдѣлано было по лучшему списку Я. Гроновымъ. Лейденъ. 1696. Новѣйшее изданіе Пиндера и Партея появилось въ 1860 г.

да и того онъ считаетъ египетскимъ царемъ изъ македонской династіи и т. д. Вообще вся книга преисполнена описокъ и ошибокъ, такъ что до сихъ поръ многія имена остались для насъ еще совершенно неразъясненными и очень многое перепутано у него; распутать все это — задача критики; во всякомъ случаѣ недостатки извлеченія заставляютъ глубоко сожалѣть объ утратѣ подлинника. Еще въ 1480 году одинъ итальянецъ, Антоній Галатеусъ, имѣлъ эту рукопись и пользовался ею для своего описанія Калабріи. Можетъ быть эта, почти единственная, средневѣковая географія и существуетъ еще въ какой нибудь библіотекѣ.

Между совершенно неизвѣстными намъ географами, о коихъ часто упоминаетъ Гвидо, какъ объ источникахъ для своего сочиненія, замѣчательны: Касторіусъ, римскій географъ; Арзатіусъ и Афродизіусъ, два персидскихъ географа, описавшіе на греческомъ языкѣ весь Востокъ; Ціахорисъ и Блантазисъ, два египтянина, описавшіе Африку; наконецъ три готскихъ писателя: Маркусъ, Мирусъ и Айѳанаритъ. Весселингъ полагаетъ, что монахъ цитировалъ вымышленныя имена.

СРЕДНІЕ ВѢКА.

Средневѣковая географія обнимаетъ собою пространство времени приблизительно отъ 400 до 1500 г. по Р. Х., слишкомъ 1000 лѣтъ, т. е. отъ переселенія народовъ до того времени, когда Васко де Гама объѣхалъ Африку и Христофоръ Колумбъ открылъ Новый Свѣтъ.

Съ этимъ періодомъ для землевѣдѣнія открывается совершенно новое поле. Греко-римская образованность отходитъ на второй планъ, какъ и сами эти народы сходятъ съ поприща всемірной исторіи. Новые народы и страны, новые языки, ученія и научныя системы, также какъ и новые литературные источники и свѣдѣнія, появляются въ самыхъ разнообразныхъ формахъ.

Въ этомъ періодѣ мы должны замѣтить семь главныхъ моментовъ:

Появленіе новыхъ народовъ въ предѣлахъ старой классической Европы, именно въ странахъ западныхъ.

Распространеніе евангельскаго ученія и христіанской церкви во всѣхъ языческихъ странахъ и, благодаря этому, дальнѣйшія открытія на сѣверѣ, западѣ и востокѣ древняго міра.

Завоеванія магометанъ въ Аравіи, Сиріи, Египтѣ, расширеніе имперіи халифовъ отъ Атласа до Инда и Ганга и острововъ, къ сѣверу за Кавказъ, къ югу въ центральную Африку до Нигера и Сенегала.

Морскія плаванія и странствованія нормановъ на сѣверѣ и западѣ Европы до Исландіи, и первое открытіе ими сѣверной Америки.

Процвѣтаніе итальянскихъ республикъ Флоренціи, Пизы, Генуи и Венеціи, торговыя путешествія моремъ и сухимъ путемъ, по Средиземному морю до Азовскаго, черезъ Уралъ до сибирскихъ рынковъ мягкой рухлядью, къ востоку сухимъ путемъ до Китая и къ западу черезъ Аугсбургъ и Нюренбергъ къ Балтійскому и Сѣверному морямъ, во Фландрію.

Крестовые походы и возбужденный ими снова интересъ всѣхъ образованныхъ людей того времени, расширить географическія свѣдѣнія за извѣстные въ то время предѣлы, преимущественно же ознакомиться съ Востокомъ.

Страсть португальцевъ къ открытіямъ и процвѣтаніе ихъ флота на Атлантическомъ океанѣ; слѣдствіемъ этого было открытіе, въ 1498 году, Васко де Гамою морскаго пути въ Остъ-Индію, мимо мыса Доброй Надежды, и, въ то же время, Христофоромъ Колумбомъ — Новаго Свѣта, Америки.

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ НАРОДОВЪ.

Мы не вправѣ ожидать отъ только что переселившихся въ Европу народовъ географическихъ свѣдѣній и сочиненій. Но ихъ войны и завоеванія доставляютъ намъ важныя географическія данныя о тогдашнемъ состояніи почти всѣхъ частей Европы; эти данныя особенно важны относительно этнографіи, лингвистики и стратегическихъ пунктовъ совершенно неизвѣстной дотолѣ средней Европы. Весь политическій міръ Европы совершенно измѣняется: всѣ земли захватываются новыми народностями, между тѣмъ какъ остатки прежнихъ народовъ ставятся въ другія географическія отношенія. Все дѣлится на новыя границы, владѣнія, страны, государства и всевозможныя корпораціи. Осѣдлые, послѣ долгаго кочеванія, народы принимаютъ новыя учрежденія, новое устройство, новые нравы и обычаи. Они разрушаютъ старыя мѣста жительства и создаютъ новые центры. Безъ знанія и изслѣдованія этой достопамятной эпохи великаго переселенія народовъ, географическій составъ нынѣшней Европы останется во многихъ отношеніяхъ смутнымъ и непонятнымъ. Сравнительная географія древняго и новаго міра невозможна безъ изслѣдованія этого посредствующаго звена.

Какъ могло и должно было обогатиться землевѣдѣніе, благодаря этой, слишкомъ 400 лѣтъ продолжавшейся, эпохѣ переселенія народовъ, видно уже изъ самаго поверхностнаго обзора ея, начиная отъ

перваго перехода гунновъ черезъ Волгу (374 г.) и вытѣсненныхъ вслѣдствіе этого вестготовъ за Дунай (376 г.), въ Грецію и Италію, отъ передвиженія вандаловъ, алановъ, свевовъ и остготовъ въ Галлію и Испанію (съ 406 г.), бургундцевъ къ берегамъ Роны, франковъ за нижній Рейнъ и вандаловъ изъ Андалузіи (Vandalicia) на противуположный, сѣверный берегъ Африки, къ хребту Атласа, до той поры, пока Карлъ Великій не положилъ конца этимъ передвиженіямъ своими войнами, какъ съ аварами, на берегахъ Дуная и Тиссы, такъ и на сѣверѣ съ саксами, на берегахъ Эльбы и Эйдера. Для того, чтобы понять важность этого періода для географіи не должно забывать связи существующей между этимъ кажущимся смятеніемъ народовъ и естественными отношеніями. Эти передвиженія народовъ представятся намъ въ совершенно иномъ свѣтѣ, если станемъ разсматривать ихъ въ связи съ естественными условіями почвы. Народныя волны находятъ естественныя и необходимыя ложбины, и именно большей частью въ долинахъ большихъ рѣкъ, какъ напр. Дуная, черезъ долину котораго перешли всѣ народы. Равнымъ образомъ и поля великихъ битвъ эпохи передвиженія народовъ избирались не вслѣдствіе случайности или воли предводителей, а вслѣдствіе извѣстной естественной необходимости. Есть мѣстности, которыя во всѣ времена служили «ареною бога войны»; стоитъ только вспомнить о равнинѣ Люцена, о ломбардскихъ и фландрскихъ равнинахъ, о монгольскихъ побоищахъ у днѣпровскихъ пороговъ и т. д.

До сихъ поръ лишь изрѣдка попадаются у историковъ остроумныя замѣчанія объ этой взаимной связи географическихъ отношеній съ историческими событіями въ средневѣковыя времена. Часто источники совершенно умалчиваютъ объ этой связи. Нигдѣ еще не проведено серьезно это знаменательное совпаденіе. Основательное, всестороннее указаніе этого взаимнаго соотношенія показало бы значительныя части средневѣковой исторіи въ совершенно иномъ свѣтѣ, много разъяснило бы возникновеніе и исчезновеніе государствъ и было бы поучительно даже для нынѣшней политики и военной обороны государствъ.

У блестящихъ образцевъ древняго и новаго времени можно поучиться этимъ параллелямъ между естественными и историческими соотношеніями. То, что замѣчаетъ объ этомъ совпаденіи Ѳукидидъ въ первой книгѣ своей исторіи Пелопонезской войны, то, что Тацитъ указываетъ въ своей «Германіи», Іоаннесъ ф. Мюллеръ въ своей образцовой исторіи Швейцаріи, Микали въ своей Italia Antica о древнѣйшихъ переселеніяхъ народовъ въ Италіи, то, что го-

ворятъ они о связи между почвою и народомъ, можетъ считаться образцомъ въ этомъ родѣ. Также и Гротъ въ своей Исторіи Греціи входитъ въ подобныя соображенія и К. Курцій въ своемъ «Пелопонезѣ, историко-географическомъ описаніи полуострова» представляетъ въ этомъ отношеніи образецъ и желательно, чтобы онъ нашелъ себѣ достойныхъ послѣдователей въ подобномъ родѣ и относительно другихъ образованныхъ народовъ.

РАСПРОСТРАНЕНІЕ ХРИСТІАНСТВА.

Евангельское ученіе распространялось, повидимому, совершенно независимо или по крайней мѣрѣ въ гораздо меньшей зависимости отъ географическихъ условій; однакоже и здѣсь нѣтъ недостатка въ примѣрахъ разнообразнаго вліянія этихъ условій на распространеніе христіанства и обратно — распространенія христіанства на расширеніе географическихъ познаній. Чтобы ограничиться однимъ примѣромъ, довольно указать на то, что при разграниченіи діоцезъ и епархій часто обращалось вниманіе на естественныя условія страны. Это дѣленіе на діоцезы составляетъ особенность средневѣковой географіи, и напоминаетъ собою номы или храмовые округи египтянъ.

Въ настоящее время торговый и научный интерессы раздвигаютъ предѣлы землевѣдѣнія,—тогда это дѣлали религія и церковь. Время это отзывается въ нашихъ духовныхъ миссіяхъ. Много открытій сдѣлано было тогда христіанскими проповѣдниками, ходившими обращать язычниковъ. Эти наиболѣе образованные люди своего времени, не имѣя вовсе намѣренія собирать географическія свѣдѣнія, невольно пріобрѣтали ихъ во время своихъ странствованій по чужимъ землямъ, среди чуждыхъ народовъ, гдѣ они принуждены были изучать нравы, религіи и языки этихъ народовъ. Такъ прежде всего проникли они на совершенно неизвѣстный тогда германскій и европейскій сѣверъ, въ глубину лѣсовъ, въ мѣстопребываніе народныхъ святилищъ. Они слѣдовали отъ истоковъ ручеекъ, рѣчекъ и рѣкъ, которыя прежде считались священными, къ переправамъ и пристанямъ, до устьевъ рѣкъ и береговъ морей. Они воздвигали отшельническія кельи, кресты, часовни, школы и церкви. Такимъ образомъ устроивали они христіанскія общины. Созидались монастыри, аббатства, епископства, и вмѣстѣ съ этими духовными учрежденіями—города и деревни, по большей части въ самыхъ плодородныхъ до-

линахъ или тамъ, гдѣ благопріятствовали тому особенныя природныя условія или другія обстоятельства. Отсюда распространялась новая культура на сосѣднія страны и народы.

О множествѣ мѣстностей средней, сѣверной и восточной Европы, даже, можно сказать, о большей части ихъ мы впервые узнаемъ что нибудь достовѣрное отъ этихъ проповѣдниковъ христіанства. И эти свѣдѣнія чрезвычайно важны, такъ какъ лица эти, въ большинствѣ случаевъ, были и первыми открывателями этихъ мѣстностей, жителей которыхъ они обращали въ христіанство. Сверхъ того эти просвѣтители языческихъ народовъ первыхъ временъ христіанства отъ пятаго и шестаго до десятаго столѣтія безспорно были самые мудрые, благочестивые и лучшіе люди своего времени, наблюденія которыхъ уже сами по себѣ имѣютъ высокое достоинство.

Разумѣется, сокровища этихъ свѣдѣній, столь важныхъ для средневѣковой географіи, не собраны еще вполнѣ ни въ одномъ географическомъ или историческомъ сборникѣ, и не изложены подробно ни въ одной политической или церковной исторіи [1]). Мы должны почерпать эти свѣдѣнія еще непосредственно изъ первыхъ источниковъ.

Они разбросаны въ хроникахъ и документахъ всѣхъ старинныхъ духовныхъ учрежденій, и особенно въ большомъ количествѣ въ такъ называемыхъ легендаріяхъ или жизнеописаніяхъ первыхъ проповѣдниковъ христіанства, причтенныхъ къ лику святыхъ и почитаемыхъ покровителями знаменитыхъ церквей, монастырей и епископствъ. Легенды эти большей частію писаны ихъ ближайшими учениками для торжественнаго чтенія передъ народомъ въ годовщину ихъ смерти. Существуетъ нѣсколько тысячъ такихъ легендъ, частію весьма древнихъ. Недовѣрчивость наша дошла теперь до того, что слово легенда стало синонимомъ басни: въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это справедливо, въ другихъ — нѣтъ. Древнѣйшія легенды, которыя должны служить намъ источниками, всѣ написаны съ величайшею добросовѣстностію, истиннымъ благочестіемъ и безъискуственною простотою. Да и суевѣрный переписчикъ, искавшій чудеснаго въ легендѣ, не имѣлъ никакого интересса искажать истину въ побочныхъ обстоятельствахъ, именно въ географическихъ извѣстіяхъ,

---

[1]) Начало сдѣлано въ: Rettberg, Kirchengeschichte Deutschlands.—W. Krafft, Die Anfänge der christlichen Kirche bei den germanischen Völkern. Berlin. 1854.—Konr. Maurer, Die Bekehrung des Norwegischen Stammes zum Christenthume. München. Bd. I. 1855.

которыя тутъ такъ важны для насъ при опредѣленіи мѣстностей.

Дѣйствительно, въ этихъ легендахъ заключается для географіи, науки о странахъ и народахъ, значительное богатство фактовъ. Но ими еще мало пользовались. Только изъ легендъ о Бонифаціѣ, о Северинѣ на Дунаѣ, о Галлѣ въ Швейцарскихъ Альпахъ и Аншарѣ на Эльбѣ историки почерпнули для своихъ сочиненій нѣкоторыя географическія свѣдѣнія, равно какъ и изъ жизнеописаній нѣкоторыхъ главныхъ проповѣдниковъ христіанства средней Европы; но изъ всѣхъ остальныхъ они не заимствовали ничего, хотя и онѣ весьма богаты важными свѣдѣніями.

Самое замѣчательное и полное собраніе легендъ — Acta Sanctorum (житія святыхъ), большое твореніе, составленное по памятникамъ изъ архивовъ всѣхъ школъ, церквей и монастырей Европы, съ ученою, для того времени, критикою. Оно было начато въ 1643 году, въ Нидерландахъ, обществомъ знаменитыхъ богослововъ и филологовъ. Въ Антверпенѣ, въ теченіе слишкомъ ста лѣтъ, въ 17 и 18 вѣкахъ, работали надъ этимъ сочиненіемъ самые великіе ученые; послѣ долгаго перерыва, въ послѣднія десятилѣтія вышло и продолженіе этого труда.

Легенды о нѣмецкихъ проповѣдникахъ и святыхъ приведены въ Scriptores rerum Germaniae — Пертца.

Acta Sanctorum имѣютъ великое, но, естественно, весьма различное историческое достоинство. Въ нихъ обработано болѣе 30,000 біографій. По трудности изученія, содержаніе ихъ осталось большей частію неизвѣстнымъ. Но они необходимы для ближайшаго знакомства со средними вѣками, особенно въ географическомъ отношеніи. Въ нихъ помѣщено 540 легендъ или сказаній про стольких же большею частію весьма замѣчательныхъ мужей, которые, въ теченіе времени отъ 5 до 10 вѣка, поучали въ одной только Германіи, по берегамъ Рейна, Дуная, Эльбы и Одера, просвѣщая германскіе народы среди ихъ лѣсовъ, горъ и долинъ. Ими принесено было первоначальное религіозное и нравственное образованіе въ эти страны, и въ тоже время ими же большею частью введено было и первоначальное земледѣліе. Бо̀льшая часть германскихъ урочищъ основана этими апостольскими мужами и ихъ послѣдователями, особенно во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, куда не проникло еще вліяніе римлянъ и ихъ цивилизація. Въ особенности же происхожденіе и начало нынѣшней географіи Германіи должно искать преимущественно въ этихъ Actis Sanctorum.

Въ этихъ легендахъ и относящихся къ нимъ письменныхъ памятникахъ заключаются и древнѣйшіе туземные источники древнегерманскаго дѣленія на волости (Gau), древнѣйшія данныя для составленія географіи Германіи по волостямъ. Такъ напримѣръ многочисленныя пожалованія земель церквамъ и монастырямъ заносились въ описи и жалованныя грамоты по старому исконному дѣленію на волости [1]), съ поименованіемъ полевыхъ границъ, въ которыхъ лежали эти земли, съ исчисленіемъ рѣкъ, горъ, лѣсовъ; описи эти хранились въ монастырскихъ и церковныхъ архивахъ. Вообще до 12 вѣка было канцелярскимъ обычаемъ, при составленіи описи какого бы то ни было владѣнія, поля, лѣса, пруда, при продажѣ имѣнія, дарственномъ актѣ, при закладкѣ виллы, церкви, монастыря и т. д. присовокуплять также и названіе волости и графства, въ которой они лежатъ. Всѣ документы прежнихъ вѣковъ наполнены подобнымъ содержаніемъ; наука дипломатики умѣетъ цѣнить важность ихъ содержанія. Здѣсь древнегерманская исторія находится въ самой тѣсной связи съ древнегерманской географіею. Поэтому уже съ давняго времени ученые стали стремиться снова возстановить по источникамъ древнюю волостную географію нѣмецкихъ земель. Безъ нея невозможно основательное изученіе исторіи средневѣковой Германія, — ибо древняя географія волостей составляетъ историческую основу всякой, даже новѣйшей нѣмецкой хорографіи и топографіи. Границы всѣхъ церковныхъ епархій и діоцезъ, всѣхъ духовныхъ владѣній, епископствъ, княжествъ, даже трехъ духовныхъ курфиршествъ (Майнцъ, Тріеръ, Кельнъ) и княжествъ (Вюрцбургъ, Бамбергъ, Зальцбургъ, Эйхштедтъ, Падерборнъ и др.) основываются на древнихъ полевыхъ маркахъ и дѣленіи на волости. Это же дѣленіе на волости легло въ основаніе и образовавшагося тогда поземельнаго владѣнія аристократіи, равно какъ и границъ всѣхъ княжествъ и королевствъ. Изслѣдованіе же древнихъ волостей должно быть преимущественно основано, какъ мы уже сказали, на исторіи распространенія христіанства.

Такимъ образомъ исторія распространенія христіанства, которую мы должны прослѣдить въ главныхъ чертахъ, есть въ то же время и исторія открытій и успѣховъ въ области географіи.

---

[1]) Только немногія изъ этихъ названій волостей сохранили свои прежнія историческія границы, напр. Рейнгау, Алльгау, Аммергау, Пинцгау, Крайхгау, Грабфельдгау, Гегау, Понгау, Лунгау, Брейзгау, Зундгау, Вастау, Веттерау. Сотни этихъ волостей позабыты теперь.

Уже въ 300 г. по Р. Х. весьма значительная часть обитателей обширной Римской имперіи были христіанами. Съ тѣхъ поръ, какъ императоръ Константинъ эдиктомъ 312 г. призналъ христіанскую религію терпимою въ государствѣ, христіане стали получать политическое значеніе. Съ этого времени распространеніе христіанства началось и между чуждыми, не римскими народами. Въ 330 году обращены были въ христіанство иберійцы, жители Кавказа, и сооружена была первая христіанская церковь выше Тифлиса, на южномъ склонѣ Кавказскихъ горъ. Въ 354 году Ѳеофилъ сталъ распространять христіанство въ южной Аравіи, гдѣ римскіе купцы держали въ Аденѣ, Джафарѣ и Оманѣ торговыхъ агентовъ изъ христіанъ. Въ это же время двое благочестивыхъ христіанскихъ мужей, Фрументій и Эдезій, отправились изъ Александріи въ Эѳіопію. Въ городѣ Аксумѣ, въ Габешѣ, они обратили въ христіанство тамошняго царя Аизана, и съ тѣхъ поръ абессинцы и донынѣ остались самыми ревностными христіанами. Ихъ лѣтописи, переводъ библіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и наши географическія познанія объ ихъ землѣ, восходятъ до 4 вѣка по Р. Х. И понынѣ еще сохранился главный соборъ въ Аксумѣ. Около того же времени, при царѣ Тиридатѣ, Григорій Просвѣтитель, апостолъ Арменіи, пришелъ на горныя возвышенности Тавра, къ подошвѣ Арарата. Такимъ образомъ, три горные народа Азіи и Африки: иберійцы, абессинцы и армяне, прежде вовсе неизвѣстные, разомъ становятся народами христіанскими, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаются извѣстными и обитаемыя ими страны. Уже въ 359 году, когда готы сидѣли на сѣверѣ отъ Дуная и не переходили еще границы Византійской Имперіи, распространилось между ними христіанство. Король Фритигернъ посылалъ въ Константинополь епископа Ульфилу. Такимъ образомъ впервые раскрываются готскія земли между Дунаемъ и Дономъ. Въ 450 году мы впервые знакомимся подробнѣе съ ирландцами, благодаря британцу Патрицію. Этотъ пастухъ, пойманный шотландскими морскими разбойниками былъ нѣсколько разъ перепродаваемъ на рынкахъ Скотіи, Гиберніи и Бурдигалы, послѣ чего онъ попадаетъ въ Туръ, гдѣ дѣлается ученикомъ святаго Мартина,— rusticus profugus indoctus. Затѣмъ онъ отправляется въ Италію и оттуда, съ Legatio Hibernica и девятью товарищами, возвращается въ Ирландію, гдѣ три сестры его помогаютъ ему обращать народъ къ христіанству. Онъ умеръ первымъ епископомъ въ Армагѣ (Armagh).

Въ 474 году падаетъ первый свѣтъ на окрестности Виндобоны на Данубіи. Здѣсь жилъ затворникъ Северинъ и умеръ въ 482 г. Между 443 и 453 годами страны эти опустошены были Аттилой; Castra

Astura (Штокерау), Faviana Castra (ниже Laureacum'а), Patavium (Пассау), Juvavium (Зальцбургъ) и другія мѣста были разорены. Северинъ былъ здѣсь истиннымъ благодѣтелемъ и миротворцемъ; онъ увѣщевалъ народныя полчища, которыя въ этомъ мѣстѣ переходили Дунай, принять крещеніе. Такъ онъ обратилъ въ христіанство Одоакра съ его ругіями, при переходѣ въ Италію. Мѣстопребываніемъ его былъ Каленбергъ, около Вѣны: деревни Сиверингъ и Гейлигенштадтъ — первыя основанныя имъ церкви и общины. Свѣдѣніями Северина, записанными его учениками, начинается древнѣйшая географія Австріи.

Еще прежде стало распространяться христіанство въ южной Галліи, именно въ Gallia Narbonensis или Аквитаніи. Тогда же, благодаря принятію христіанства, выступаетъ въ географіи болѣе опредѣлительно и сѣверная страна, незадолго предъ тѣмъ занятая франками, уже какъ Франція. Побѣда короля Хлодовига надъ аллеманами при Цюльпихѣ (496) заставила его рѣшиться: онъ крестился и Галлія въ короткое время наполнилась церквами, школами и другими христіанскими учрежденіями. Въ 507 году Хлодовигъ поднимаетъ, во славу апостоловъ, свою франциску (франкскую сѣкиру) противъ паризіевъ, жившихъ на Insula Sequanorum (на Сенѣ), и послѣ побѣды надъ вестготами сооружаетъ въ честь св. Женевьевы первую церковь, вокругъ которой впослѣдствіи разросся Парижъ до первенствующаго города Франціи. Поэтому франкскіе короли основали здѣсь свою резиденцію. Въ Турѣ св. Мартинъ основалъ епархію всей Франціи: отсюда беретъ начало специальная географія этой страны.

Въ 560 году Колумба обратилъ въ христіанство пиктовъ и скоттовъ въ сѣверной Шотландіи; онъ направился туда съ острова Джоны (неподалеку отъ Мулля), и сѣверный островъ Тулэ (Thule), остававшійся со временъ Пиѳеаса въ неизвѣстности, снова вступаетъ въ область географіи, какъ одинъ изъ множества Шотландскихъ или Норвежскихъ острововъ. Впрочемъ точнѣйшее его опредѣленіе все еще осталось сомнительнымъ.

Св. Гоаръ, современникъ Колумбы (умеръ около 575), является на среднемъ Рейнѣ, и въ качествѣ благочестиваго отшельника поучаетъ сосѣднихъ язычниковъ христіанскимъ догматамъ и добродѣтельной жизни. Для церковной требы онъ разводилъ виноградную лозу, которая съ той поры такъ хорошо принялась тамъ. Когда онъ умеръ, Ассуэро, его ученикъ, аббатъ въ Прюмѣ, построилъ, въ память святаго, въ названномъ его именемъ городѣ

большую соборную церковь, которую Луллусъ освятилъ по приказанію Карла Великаго.

Такимъ образомъ географія среднерейнскихъ земелъ постепенно выясняется изъ внесенныхъ въ легенды и жизнеописанія свѣдѣній, тогда какъ прежде извѣстны были только римскіе лагери (castra).

Точно также и земли верхняго Рейна до Боденскаго озера дѣлаются болѣе извѣстными въ географическомъ отношеніи съ тѣхъ поръ какъ Фридолинъ Ирландскій (548 г.) крестилъ обитателей береговъ этого озера, когда острова Рейхенау и Мейнау получили первыя церкви и школы. Въ это время низвергнуты были недавно добытые изъ озера истуканы двухъ божествъ — охоты и рыболовства.

Около этого же времени въ сѣверной Италіи принимаютъ христіанство ломбарды, — а бургунды созидаютъ на берегу прекраснаго Женевскаго озера, въ Женевѣ, церкви и школы, и въ тоже время дѣлаютъ этотъ городъ резиденціею своего правительства. Въ долинѣ Роны, къ сѣверу отъ Женевскаго озера, около св. Бернарда и св. Готарда, которую дотолѣ проходилъ только Юлій Цезарь во время своего альпійскаго похода, воздвигнуты были впервые двѣ церкви, въ честь св. Мартина и Мавритія. Такимъ образомъ впервые раскрыты для географіи тѣсные горные проходы нижнеронской долины постройкою тамъ христіанскихъ городовъ Мартинаха и Сенъ-Мориса (Martigny и St. Martin), и проходы къ озеру и большому Сенъ-Бернарду, на которомъ съ той поры стоитъ монастырская гостинница, на высотѣ слишкомъ 7000′. Бассейнъ Роны сохранилъ доселѣ свое первоначальное латинское прозваніе Vallis.

До самаго 600 года ничего не было извѣстно о нынѣшней Англіи кромѣ того, что уже сообщено было Юліемъ Цезаремъ, открывшимъ ее, и что узналъ, во время походовъ семилѣтняго намѣстничества своего, Агрикола Британникъ (78—84 г.). Посѣщеніе этой страны императоромъ Адріаномъ (121 г.) тоже доставило нѣкоторыя болѣе точныя свѣдѣнія о ней, но все это давно уже пришло въ забвеніе.

Въ тѣ темные времена люди торговые и сѣверные пираты объѣзжали британскіе берега и хватали въ плѣнъ людей, которыхъ привозили рабами на большіе рынки южной Европы (Burdigala). Такимъ образомъ вывезенные съ сѣвера плѣнники продавались въ большомъ количествѣ и на прибрежныхъ рынкахъ Средиземнаго моря и даже въ самомъ Римѣ. Русые волосы, румяная свѣжесть лица

этихъ плѣнниковъ возбудили на невольничьемъ рынкѣ въ Римѣ вниманіе обитателей Италіи, особенно, бывшаго впослѣдствіи папою, Григорія Великаго. Ихъ называли различными именами, Pagani, Dani и Angli, Britani. Григорій узналъ отъ нихъ, что они не имѣютъ еще никакого понятія о христіанствѣ, но что сѣверные острова имѣютъ многочисленное народонаселеніе. Говорятъ, этотъ великій мужъ счелъ имя Angli хорошимъ предзнаменованіемъ (Angeli) и отправилъ миссію для распространенія въ Британніи христіанства. Во главѣ этой миссіи сталъ Августинъ со многими послѣдователями и дѣйствовалъ съ большимъ успѣхомъ. Уже въ 598 году принялъ христіанство Англо-Саксонскій король Этельбертъ Кентскій. Въ его столицѣ Кентербюри освященъ былъ въ христіанскую церковь языческій римскій храмъ. Съ этого времени весьма быстро распространилось христіанство по всей Британніи до Нортумберланда на сѣверѣ, гдѣ въ городѣ Eboracum (Іоркъ) основано было главное училище для дальнѣйшаго проповѣдыванія и распространенія христіанства. Нигдѣ христіанство не распространялось такъ быстро, какъ здѣсь. Величавыя постройки, церкви и соборы, которыми такъ богата Англія, создавались повсюду. Вскорѣ вся страна англовъ и саксовъ обращена была ко Христу.

Съ этого времени географическія свѣдѣнія объ Англіи, Шотландіи и Ирландіи начинаютъ постепенно выясняться. Правда, первоначальная географія эта чисто эпархіальная — по діоцезамъ, монастырямъ и церквамъ. Послѣ того знаменитѣйшій ученый своего времени Beda Venerabilis (ум. около 735 г.) могъ уже писать свою Historia Ecclesiastica, въ которой находится первая географія Британніи.

Англія, Шотландія и Ирландія вскорѣ сами высылаютъ миссіонеровъ, которые открываютъ новые берега, острова, земли, долины, рѣки, горы и цѣлые мѣстности, дотолѣ совершенно неизвѣстныя.

Колумбанъ, изъ Ирландіи (не тотъ, который за полвѣка тому назадъ обратилъ въ христіанство пиктовъ и скотовъ), отправился около 600 г. вверхъ по Рейну въ Вогезскія горы, черезъ Бургундскія земли, и оттуда въ горы Юрскія. Ему послѣдовали ученики его, которые проповѣдывали и крестили въ этихъ горныхъ мѣстностяхъ. Знаменитѣйшимъ изъ нихъ былъ Галлъ, который, поселившись среди гельветовъ, соорудилъ себѣ отшельническую келью въ глубинѣ лѣса, близъ небольшаго водопада Штейнаха. Онъ умеръ въ 627 г. Келья его обратилась скоро въ монастырь; аббатство и цѣлый кантонъ напоминаютъ теперь имя этого проповѣд-

ника. Древнѣйшая исторія и географія Гельвеціи происхожденіемъ своимъ обязаны этому знаменитому монастырю, въ библіотекѣ котораго хранятся еще до сихъ поръ величайшія литературныя сокровища самыхъ отдаленныхъ временъ. Отсюда впервые открыта была страна четырехъ горныхъ и лѣсныхъ кантоновъ. Окрестности Швица и Эйнзидельна дѣлаются центромъ распространенія цивиллизаціи въ горахъ. Ученики Галла, Мейнрадъ, Магнусъ (въ Фюсенѣ) и другіе продолжали начатое ихъ учителемъ.

Подобнымъ же образомъ и многія другія страны выходятъ мало по малу изъ прежняго мрака географической неизвѣстности. Такимъ образомъ Фландрія и Нидерландія дѣлаются болѣе извѣстными, благодаря Аманду (630 г.), основателю многихъ церквей съ прилежащими околодками. Болѣе десяти мѣстностей носятъ въ Нидерландахъ названіе Сентъ-Амандъ.

Около этого же времени проповѣдываніе христіанства проникаетъ уже болѣе во внутрь Германіи. Новый свѣтъ озарилъ Баварію, считавшуюся до того времени только пустыней бойэровъ, съ тѣхъ поръ, какъ герцоги ея стали покровительствовать христіанамъ. Такъ впервые становится извѣстнымъ страна Зальцбурга, благодаря Руперту, который, въ качествѣ перваго епископа, на развалинахъ древнеримскаго Juvavium'а, раззореннаго гуннами, учреждалъ церкви, монастыри и училища. Онъ умеръ въ 700 г. Страна, лежащая у средней части Дуная, гдѣ прежде стоялъ древній Reginoburgum (нынѣ Регенсбургъ) при устьи Регена (дождевой рѣки), приняла христіанство отъ епископа Эммерана, умершаго въ 654 году, а вмѣстѣ съ тѣмъ положено было начало и образованности этой страны. Озеро Тегернъ и его окрестности упоминаются впервые тогда, когда появились тамъ христіанскія учрежденія, а именно, когда построена была часовня для останковъ мученика Квиринуса (746 г.). Эта часовня впослѣдствіи обратилась въ богатый и вліятельный монастырь.

Окрестности Амберга обращены были въ христіанство Альтономъ (ум. въ 760 г.). Долина рѣки Альтмюля появляется впервые въ географіи средневѣковой Германіи съ тѣхъ поръ, какъ англосаксонецъ Виллибальдъ на обратномъ пути изъ Іерусалима, куда онъ ходилъ на поклоненіе, сталъ проповѣдывать тамъ христіанство и построилъ первую церковь въ Эйхштедтѣ, въ тамошнемъ священномъ дубовомъ лѣсу. Церковь эта сдѣлалась впослѣдствіи средоточіемъ культуры и колонизаціи для епископства Эйхштедта. Виллибальдъ, который на пути своемъ остановился на нѣкоторое время въ бенедиктинскомъ аббатствѣ Монте-Кассино, ввелъ сверхъ того этотъ ор-

день въ Баваріи, гдѣ бенедиктинцы занимались усовершенствованіемъ земледѣлія, заведеніемъ училищъ и распространеніемъ наукъ, равно какъ и географіею страны; заслуги ихъ въ послѣднемъ отношеніи весьма значительны. Въ землѣ франковъ проповѣдывалъ евангеліе Киліанъ, крестившій герцога Гоцберта; онъ умеръ въ 689 году смертію мученика.

Земли у рѣки Изара дѣлаются извѣстными только со времени сооруженія церкви во Фрейзингѣ, гдѣ проповѣдывали Бонифацій и Корбиніанъ, умершій въ 730 году первымъ епископомъ.

Среднегерманскія земли, Тюрингія (Doringi, гдѣ городъ Erpisforda, Эрфуртъ), Гессенъ, у рѣкъ Верра и Везеръ, и особенно земли, лежащія у Фульды, выступаютъ изъ мрака неизвѣстности съ того времени, какъ англо-саксонецъ Винфридъ (онъ называетъ свое отечество, страну, гдѣ родился и воспитывался, transmarina Saxonia, въ Сутгамптонѣ), извѣстный впослѣдствіи подъ именемъ Бонифація, явился тамъ среди германцевъ проповѣдникомъ христіанства. Съ его именемъ преимущественно связано обращеніе Германіи въ христіанство. Онъ проповѣдывалъ съ 719 года въ Гессенѣ, гдѣ громовой дубъ (Donnereiche) палъ подъ его сѣкирою, у подошвы Тюрингскаго лѣса, въ Ордорфѣ и Альтенбергѣ (гдѣ находится его памятникъ), въ Эрфуртѣ и другихъ мѣстахъ. Въ 731 году онъ стоитъ уже во главѣ нѣсколькихъ епископовъ, въ качествѣ архіепископа города Майнца на Рейнѣ. Въ 744 г. онъ прошелъ Бухау у Фульды и основалъ въ городѣ Фульдѣ первую церковь и училище, откуда по всей средней Германіи распространилось земледѣліе, равно какъ и религіозное и научное образованіе. Всѣмъ извѣстны имена Штурміусъ и Рабанусъ Маурусъ. Къ главнымъ источникамъ для средневѣковой географіи принадлежатъ Annales Fuldenses и цѣлый рядъ историческихъ сочиненій, помѣщенныхъ тамъ въ извлеченіи.

Бонифацій, которому рвеніе къ дѣлу Божьему не давало покою на архіепископскомъ сѣдалищѣ, погибъ мученикомъ евангельскаго ученія, на 75 году жизни, отъ необращенныхъ еще фризовъ, близь Доккума [1]). Имъ и его соплеменниками, предшественниками и послѣдователями, снова открыты эти прибрежья Нѣмецкаго моря, забытыя со временъ римлянина Друза. Это тѣ же самыя прибрежья, которыя у римскихъ писателей упоминаются какъ дальняя стра-

[1]) Посланія Бонифація сохранились, но многое утрачено. Быть можетъ въ архивахъ Англіи и уцѣлѣли еще нѣкоторыя до сихъ поръ неизданныя рукописи.

на, подъ именемъ земли воинственныхъ батавовъ (Insulae Batavorum). Въ 696 году, была одна только переправа, ultrajectum, черезъ одинъ изъ сѣверныхъ рукавовъ Рейна; тутъ, по всему вѣроятію, совершился не одинъ переходъ черезъ Рейнъ. Здѣсь, еще до Бонифація, проповѣдывалъ христіанство и построилъ первую церковь землякъ его Виллибродъ, бывшій первымъ Утрехтскимъ епископомъ. Виллиброду и Бонифацію послѣдовали и многіе другіе проповѣдники, старавшіеся обратить ко Христу упорствующихъ фризовъ. Съ начала IX столѣтія Нидерланды и берега Нѣмецкаго моря становятся болѣе доступными и географически извѣстными.

Послѣ того, какъ югъ, западъ и сѣверозападъ Германіи становятся такимъ образомъ все болѣе извѣстными въ географическомъ отношеніи, вскорѣ начинаютъ проясняться, благодаря обращенію саксонцевъ въ христіанство, и страны, лежащія къ сѣверовостоку отъ Везера и Эльбы. До тѣхъ поръ Вестфалія и нижняя Саксонія были совершенно terra incognita.

Войны Карла Великаго съ саксами, веденныя имъ съ величайшимъ напряженіемъ силъ въ теченіе 20 лѣтъ, продолжали въ извѣстномъ смыслѣ дѣло, начатое Винфридомъ. Но онѣ проложили только пути къ покоренію,—церковь же довершила открытіе сѣверной Германіи.

Съ 785 года распространяются въ землѣ саксовъ и въ земляхъ, лежащихъ по среднему Везеру, христіанскія заселенія, поводомъ къ которымъ было крещеніе Виттекинда, герцога остфаловъ.

Съ 803 года является уже цѣлый рядъ церквей, которыя становятся мѣстопребываніемъ епископовъ, и къ нимъ всюду примыкаютъ сосѣднія мѣстности. Такъ напримѣръ возникаютъ епископства Падерборнское, Минденское, Оснабрюкское, Минстерское, Бременское, Верденское, Гальберштадтское, Гильдесгеймское. Въ то же время, по окончаніи саксонскихъ войнъ, основана была высшая знаменитая школа Corbeja nova, по образцу находившейся въ Галліи Corbeja vetus; въ ней получали образованіе дѣти саксонцевъ, и выходили оттуда замѣчательными дѣятелями на поприщѣ распространенія христіанства: извѣстны знаменитые Annales Corbejenses.

По мѣрѣ того, какъ изъ германскихъ монастырей христіанство распространяется въ сосѣднія страны, расширяются и наши географическія свѣдѣнія объ этихъ странахъ.

Въ 823 году Реймскій архіепископъ, Эббо, отправился на Сѣверъ, въ Ютландію и на Датскія острова, гдѣ еще господствовало древнее скандинавское идолослуженіе. Онъ встрѣтилъ тамъ благосклонный пріемъ и возвратился въ Реймсъ съ ко-

ролемъ Ютландіи Гаральдомъ, который принялъ тамъ крещеніе. На обратномъ пути въ Ютландію, черезъ рѣку Эйдеръ, Корбейскій аббатъ, Вала, ввѣрилъ покровительству Лудовика Благочестиваго молодаго монаха Аншара, которому поручено было сопровождать вновь крещеннаго короля ютландцевъ черезъ Эльбу къ датчанамъ. Аншаръ получилъ образованіе въ Корбеѣ на Везерѣ и 34-хъ лѣтнею неутомимою дѣятельностію сдѣлался апостоломъ Сѣвера (826—860 г.) Его апостольское рвеніе простиралось отъ устьевъ Эльбы до Стокгольма и Упсалы. Мы должны его признать сверхъ того первымъ открывателемъ скандинавскаго Сѣвера и сѣвернаго прибрежья Балтійскаго моря. У истоковъ Эльбы построилъ онъ въ Гаммабургѣ первую христіанскую церковь, которая въ 845 году была уже такъ богата сокровищами, что привлекла къ себѣ для добычи разбойничій флотъ норманновъ.

Только благодаря апостольскимъ странствованіямъ Аншара по Голштиніи, Шлезвигу и Ютландіи, выясняется туманная неизвѣстность загадочнаго Chersonesus Cimbrica. Съ этого времени датскій полуостровъ становится доступнымъ географіи. На восточномъ берегу, въ Слезвикѣ (заливъ шлюзовъ), и на западномъ, въ Рипэ, Аншаръ построилъ первыя церкви. Изъ Слезвикскаго залива онъ дважды плавалъ въ Скандинавію. Мѣстами, на которыхъ находится нынѣшній Стокгольмъ, онъ достигъ до Гамлы Упсалы, т. е. Старой Упсалы. Тамъ, на вершинѣ трехъ холмовъ, посвященныхъ богамъ сѣвера: Отину, Тору и Фрейѣ, замѣтныхъ еще и понынѣ и сохранившихъ доселѣ въ устахъ народа память о древнемъ язычествѣ, построилъ онъ первую христіанскую церковь. На скалистыхъ берегахъ морскихъ бухтъ находились тогда два обширныхъ рынка, Бирка и Сигтуна, куда стекались языческіе народы дальняго сѣвера на своихъ корабляхъ изъ Балтійскаго моря. Оба рынка лежали на день пути другъ отъ друга. Въ обѣихъ этихъ мѣстахъ построены были церкви, и почтенныя развалины Сигтунской церкви сохранились донынѣ, хотя древняго рынка болѣе не существуетъ. Я самъ видѣлъ еще каменныя плиты церковнаго помоста, позади гробовъ, покрытыя руническими письменами. За то возникъ новый рынокъ у Стокзунда, лишь нѣсколько часовъ пути южнѣе, на островѣ (Holm), именно сѣверная столица — Стокгольмъ.

Аншаръ посылалъ на родину подробные отчеты своего путешествія, которые и хранились въ архивахъ Корбеи, но въ 1260 г. всѣ эти отчеты отосланы были аббатомъ Тирономъ въ Римъ. Еще раньше, въ 1075 году (200 лѣтъ по смерти Аншара), Адамъ Бременскій составилъ на

основаніи этихъ отчетовъ свое извѣстное сочиненіе De Situ Daniae. Но самый подлинникъ, къ сожалѣнію, теперь утраченъ. Направленіе, данное Аншаромъ, сохранилось въ Бременѣ: этотъ городъ долго оставался средоточіемъ всѣхъ миссій, отправлявшихся на Сѣверъ и Востокъ Европы [1]).

Въ 930 году англійскіе проповѣдники посѣтили Норвегію и основали между тамошними норманами первыя церкви и общины. Старинныя свѣдѣнія изъ отчетовъ миссіонеровъ о Сѣверѣ собралъ любознательный и ученый англійскій король Альфредъ Великій (872—900). Кромѣ того онъ получилъ еще нѣсколько путевыхъ журналовъ отъ норманскихъ мореплавателей, какъ наприм. о плаваніи Отера изъ Норвегіи, кругомъ самой сѣверной оконечности Европы (мыса Нордкапа), въ цвѣтущую торговую страну Біармію (Пермь), т. е. въ сѣверную Россію у Бѣлаго моря и у сѣверной оконечности Уральскаго хребта горъ. Отъ морскаго пути на дальній сѣверъ прибрежная страна получила свое названіе Норвегіи (Norwegen), которое и донынѣ осталось за ней. Норманнъ Вульфстанъ предпринялъ плаваніе по Эстерзунду или Аустразальту (Ostsee, восточное, Балтійское море) отъ Слезвике до Трузо (озеро Драузенъ), близъ Ильфинга (Эльбингъ), у восточнаго рукава Вислы. У озера Драузена была въ то время большая гавань и торжище, которое было для пруссовъ и славянъ тѣмъ же, чѣмъ Сигнута и Бирка для скандинавовъ.

И эти описанія перевелъ Альфредъ Великій на англо-саксонскій языкъ и присоединилъ ихъ къ своему переводу исторіи Павла Орозія [2]).

Мало по малу, но гораздо медленнѣе, чѣмъ эти страны, начинаетъ открываться для насъ и востокъ Европы. Въ 860 году, болгары, жившіе по нижнему Дунаю, приняли христіанство. Въ 880 году въ Кіевѣ, на берегу Днѣпра, крестились русскіе, обращенные христіанскими проповѣдниками изъ Константинополя. Вслѣдствіе этого первыя географическія свѣдѣнія о южной Россіи, при-

---

[1]) Kraft, De Ansgario, aquilonarium Gentium Apostolo. Hamb. 1840.—Grünhagen, Adalbert Erzbischof von Hamburg und Idee eines nordischen Patriarchats. Leipzig. 1854.

[2]) Daines Barrington, The Anglo-Saxon Version from the historian Orosius by Alfred the Great. London. 1773—4.—Langebeck, Scriptores Rerum Danicarum. Исправленное изданіе англо-саксонскаго оригинала съ датскимъ переводомъ и важными примѣчаніями Раска.—Dahlmann, Alfreds Germania, въ его Forschungen auf dem Gebiete der Geschichte. Altona. 1822. Heft I.

лежащей къ Черному морю, мы получаемъ изъ грековизантійскихъ источниковъ и преимущественно изъ творенія императора Константина Багрянороднаго de Thematibus [1]), писаннаго въ X столѣтіи, въ которомъ онъ передаетъ своему наслѣднику, Роману, географическія и статистическія свѣдѣнія о провинціяхъ и префектурахъ Византійской имперіи. Но уже въ 1100 году монахъ Несторъ писалъ въ Кіевѣ исторію Россіи, которая въ то же время есть и древнѣйшая туземная географія восточной Европы.

Въ 895 году богемскіе герцоги и ихъ народъ обратились къ христіанству, а въ началѣ X столѣтія приняли его и жившіе по берегамъ Дуная и Тиссы венгры, гдѣ оно пустило особенно глубокіе корни въ правленіе короля Стефана, апостола Венгріи. Въ Богемію и Моравію христіанство проникло съ береговъ Понта, изъ приморскаго города Херсона у устьевъ Днѣпра. Изъ тамошней византійской школы вышли Кириллъ и Меѳодій, которые проникли до Мелника, къ югу отъ Праги, гдѣ первая богемская королева Людмилла приняла крещеніе [2]).

Въ 965 году, при герцогѣ Мечиславѣ, поляки, на верховьяхъ Вислы, обратились къ христіанству. Краковъ и Гнезенъ стали митрополіями этой церкви. Первымъ историкомъ польскимъ былъ Винцентъ Кадлубекъ, епископъ Краковскій (1208); ему же мы обязаны и важными свѣдѣніями о древнѣйшей географіи Польши.

Такимъ образомъ, оставались для открытія и обращенія живущихъ тамъ народовъ лишь страны между восточною Эльбой, Гавелемъ, Шпрее и Одеромъ, къ востоку до Прегеля, Мемеля и западной Двины, — на югѣ страны между Дономъ, Карпатами и Прусскими прибрежьями Балтійскаго моря. Послѣднія открытія и окончательное завершеніе географіи Европы начинаются въ царствованіе императора Оттона I (937 — 973) и его преемниковъ. Преимущественно три обстоятельства способствовали этимъ открытіямъ: счастливыя войны Оттона съ непобѣдимыми дотолѣ славянами и вендами, основаніе въ покоренныхъ странахъ многихъ епископствъ, откуда рвеніе къ обращенію язычниковъ было постояннымъ поводомъ къ открытію новыхъ

---

[1]) Constantinus Porphyrogenitus de Thematibus et de administrando Imperio, ed. Imm. Bekker. Bonn. 1840.

[2]) W. Waltenbach, Beiträge zur Geschichte der christlichen Kirche in Mähren und Böhmen. Wien. 1849. — Godofr. Schwartz, Initia Religionis Christianae inter Hungaros etc. Halae. 1740.

странъ и народовъ, и наконецъ учрежденіе въ покоренныхъ странахъ пограничныхъ областей или марокъ, подъ управленіемъ маркграфовъ (пограничныхъ графовъ). Этимъ путемъ постепенно раздвигались владѣнія по направленію къ востоку и давалось имъ прочное внутреннее устройство. Въ 946 году императоръ Оттонъ I основалъ между сорбами и вендами въ Гавельбергѣ и Бранденбургѣ нѣсколько епископствъ, которыя не достигли однако цвѣтущаго состоянія. Въ 968 г. въ маркграфствѣ Мейссенскомъ, на берегахъ Эльбы, учреждено было первое епископство; съ этого времени прекрасная долина Эльбы до Дрездена и до подошвы Богемскихъ Рудныхъ горъ дѣлается извѣстной, — съ этого времени мы имѣемъ и описанія ея. Въ то же время учреждены были церкви и епископства въ Мерзебургѣ, Зейцѣ и Познани и императоръ Оттонъ I сдѣлалъ примасомъ надъ этими вновь обращенными странами епископа Магдебургскаго. Въ 12 столѣтіи Гельмольдъ, священникъ окрестностей Любека, (гдѣ первая христіанская церковь была учреждена въ 1120 г.) сопутствовалъ епископу своему Герольду въ странствіяхъ его къ славянамъ и оставилъ намъ, въ своемъ Chronicon Slavorum, весьма важныя свѣдѣнія о земляхъ славянскихъ. Съ именемъ Генриха Льва связана полная побѣда креста въ Голштиніи и Мекленбургѣ.

Историки этого времени: Видукиндъ, епископъ Луитпрандъ, посланникъ Оттона въ Константинополѣ, Дитмаръ изъ Мерзебурга (умеръ въ 1018 г.) служатъ и главнѣйшими источниками географическихъ свѣдѣній того времени.

Апостоломъ Поммераніи въ 12 в. былъ Оттонъ, восьмой епископъ Бамбергскій. Онъ странствовалъ въ царствованіе Генриха V сначала изъ Бамберга, черезъ Прагу, Бреславль на Одерѣ, Познань и Гнѣзно. Во второе путешествіе, въ 1124 г., пустился онъ отъ Эльбы черезъ Галле, Магдебургъ и Гавельбергъ, далѣе лѣсомъ въ нынѣшнемъ Мекленбургѣ, тянувшимся на 5 дней пути, черезъ Нейстрелицъ, Нейбранденбургъ и озеро Мюрицъ. Онъ проповѣдывалъ въ Камминѣ, Юлинѣ, Штетинѣ и Колбергѣ, гдѣ онъ пытался развести виноградную лозу, чтобы добыть вино для причастія, и крестилъ у источника Оттобруннена, близъ Пирица. Онъ посѣтилъ также островъ Рюгенъ и говорилъ съ удивленіемъ о великомъ Балтійскомъ морѣ. Письма его, приведенныя въ его жизнеописаніи, даютъ намъ первыя географическія свѣдѣнія объ

этихъ мѣстахъ, и всѣ вышеприведенныя мѣстности Поммераніи упоминаются въ первый разъ у него [1]).

Варварствомъ тогдашняго времени объясняется, почему сѣмена христіанской вѣры, разсѣянныя на островѣ Рюгенѣ въ началѣ XII столѣтія Оттономъ, уничтожены были уже во второй половинѣ того же вѣка, когда епископъ Авессалонъ Резкильдскій, въ сопровожденіи датскаго короля Вальдемара, покорилъ мечемъ этотъ островъ (1160) и назвалъ себя обратителемъ его въ христіанскую вѣру. Товарищемъ Авессалона былъ Saxo Grammaticus, датскій историкъ, у котораго можно найти много интересныхъ географическихъ свѣдѣній [2]).

Въ 997 году епископъ Пражскій Адальбертъ отправился для обращенія пруссовъ къ берегамъ Одера, Варты и Вислы, и съ этого времени начинаетъ разсѣеваться географическая тьма, покрывавшая эти страны. Адальбертъ погибъ мученическою смертью отъ рукъ необузданныхъ пруссовъ (Borussi), которыхъ имя встрѣчается тутъ въ первый разъ. Надъ останками мученика императоръ Оттонъ III учредилъ архіепископство Гнѣзненское, которое сдѣлалось высшей школой для христіанской пропаганды и открытій на дальнемъ востокѣ Европы. Такимъ образомъ одна мѣстность, принявшая христіанское ученіе, дѣлалась исходной точкой для обращенія и другихъ странъ. Таковъ былъ сначала Римъ для Британіи, Британія съ своей англосаксонской школой — для Рейна, Гельвеціи и средней Германіи, благодаря Бонифацію; Сенъ-Галленъ просвѣтилъ Швейцарію и мѣстности, лежащія въ Юрскихъ горахъ; городъ Фульда просвѣтилъ Гессенъ и франковъ; Зальцбургъ и основанный оттуда монастырь Лорхъ (Laureacum)—венгровъ, моравовъ и булгаръ; Корбея съ своей высшей школой — земли Саксонскія и сѣверную Альбингію; Магдебургъ съ своимъ примасомъ — пограничныя славянскія земли и марки; Бамбергъ, Прага и Гнѣзно — дальній славянскій востокъ.

Въ Пруссіи и въ болѣе сѣверныхъ странахъ, прилежащихъ къ Балтійскому морю, обращеніе язычниковъ слишкомъ поддержива-

---

[1]) Memoria Ottonis Episcopi Bambergensis Pomeranorum Apostoli, ed. Busch. Jena. 1824. — Жизнеописаніе Анонима у Ludovicus'а въ Scriptores Bambergenses. Томъ I. стр. 490 и слѣд.—Barthold, Geschichte von Pommern und Rügen. 1839. ч. 1.

[2]) Absalon, Bischof von Roeskilde und Erzbischof von Lund, Eroberer der Insel Rügen, Bekehrer derselben zum Christenthum, Estrup'a. Переведено съ датскаго Mohnike. Leipzig. 1832.

лось силою меча. Въ 1198 году меченосцы покорили Лифляндію и Курляндію, въ 1300 г. въ Ригѣ учреждено было епископство. Въ 1212 году нѣмецкіе рыцари сражались за крестъ въ Семиградіи, затѣмъ герцогъ Мазовіи и Христіанъ, возведенный въ санъ епископа Пруссіи, призвалъ ихъ въ Пруссію.

Но покореніе и открытіе всей Пруссіи, отъ Вислы до Прегеля и Мемеля, продолжалось 53 года, отъ 1230 до 1283. Это открытіе и завоеваніе начинаются съ Торна, который, вмѣстѣ съ своимъ замкомъ Фогельзангомъ, впервые упоминается по этому случаю, и оканчиваются покореніемъ Зудауерланда и Замланда, въ крайнемъ углу между рѣками Прегелемъ и Мемелемъ. Въ 1239 году въ Эльбингѣ, при устьи восточнаго рукава Вислы, возникла христіанская колонія; въ 1255 году заложенъ былъ замокъ Кенигсбергъ, около котораго со временемъ разрослась столица Пруссіи. Съ этого времени покоренная страна отъ Вислы до Мемеля раздѣлена была на 4 діоцезы съ четырьмя епископствами: Помезанія, Кульмъ, Эрмеландъ и Замландъ; каждый епископъ получилъ въ собственность для своей церкви треть земли. Съ этого времени начинается географія Пруссіи, съ церковнымъ характеромъ, какъ мы ее вездѣ встрѣчаемъ въ средніе вѣка [1].

Такимъ образомъ, наконецъ, въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія, мало по малу средняя и сѣверная Европа, равно какъ и часть Востока, вошли въ составъ географіи. Только относительно трехъ, дотолѣ вовсе неизвѣстныхъ народовъ, господствовало прежнее невѣдѣніе. Пробѣлъ этотъ пополненъ былъ гораздо позже; гораздо позже проникли христіанскіе проповѣдники въ едва проходимые, болотистые лѣса литовцевъ и къ жителямъ полярныхъ странъ, лапландцамъ и самоѣдамъ; до этого времени и географія этихъ трехъ странъ оставалась для насъ совершенно неизвѣстною.

Только въ 1330 году проникли первые миссіонеры въ дикую и холодную Лапландію, которая съ этого времени и начинаетъ называться именемъ своихъ жителей, и лишь нѣсколько десятилѣтій тому назадъ страна эта была ближе изслѣдована миссіонерами и естествоиспытателями [2].

---

[1]) Johannes Voigt, Geschichte Preussens und des Deutschen Ritterordens aus den Archiven zu Königsberg. 1827 и 28. — Schuller, Forschungen und Entdeckungen über die erste Ansiedelung der Deutschen Ordensritter in Siebenbürgen im Jahr 1211.

[2]) Joh. Schelter, Lapponia. 1648. — Leems, Mission. 1734. — Laestadius, Journal. Stockholm. 1833. 2 части. — Zelterstedt Resa. 1833. — Stockfled, neuer. Missoinare.

Обращеніе литовцевъ произошло вслѣдствіе соединенія Литвы съ Польшею въ 1386 году.

Лишь въ 16 и 17 столѣтіяхъ получаемъ мы нѣкоторыя географическія свѣдѣнія о странахъ, населенныхъ самоѣдами, отъ Бѣлаго моря до Вайгачскаго пролива. Изъ Архангельска пошло обращеніе самоѣдовъ въ христіанство также медленно, какъ и обращеніе ихъ южныхъ сосѣдей — чувашей и мордвы; съ соотвѣтственною медленностью подвигалось и географическое знакомство съ ихъ землями. Въ послѣднія десятилѣтія, съ 1805 года, миссіонеры крестили въ Европейской Россіи около 3500 самоѣдовъ. Некрещенныхъ самоѣдовъ, по сю сторону Урала, насчитываютъ отъ 600 до 700 семействъ. Здѣсь естественно-историческія и геологическія экспедиціи послѣднихъ лѣтъ пополнили своими изслѣдованіями пробѣлы, оставленные миссіями въ географіи Европы.

ЗАВОЕВАНІЯ МАГОМЕТАНЪ И ЦАРСТВО ХАЛИФОВЪ.

Въ то время, какъ на Западѣ созидались христіанскія, преимущественно германскія государства, на Востокѣ возникло магометанство, имѣвшее большое вліяніе и на расширеніе географическихъ свѣдѣній. Оба эти міра, христіанскій и магометанскій, во время крестовыхъ походовъ пришли въ величественное столкновеніе, полное важныхъ послѣдствій.

Исламизмъ вручилъ поклонникамъ своимъ мечъ на борьбу съ невѣрными и обѣщалъ павшимъ въ бою самый заманчивый рай. Быстрое распространеніе исламизма весьма понятно. Въ 632 году Магометъ, умирая, видѣлъ уже всю Аравію обращенною въ исламизмъ. Еще бо̀льшее торжество ислама довелось видѣть преемникамъ его — халифамъ. Къ востоку и сѣверу Омаръ уже въ 639 проникъ въ Персію и Сирію; въ 640 Амру проникъ на западъ въ Египетъ. Пятьдесятъ лѣтъ спустя, въ половинѣ VII столѣтія, покорены были вся Персія и Пареія, къ сѣверу до рѣки Окса въ Бактріи, къ востоку до Инда. Около 700 г. послѣдователи Магомета прошли всю сѣверную Африку, отъ Египта до Атласа и Атлантическаго океана. Въ 698 году они овладѣли Новымъ Карѳагеномъ. Въ 712 г. они переправились у Гибель-эль-Тарика (Гибралтаръ) въ Европу, въ Испанію. Мавры поработили этотъ южный полуостровъ до рѣки Эбро и владѣли имъ около 800 лѣтъ сряду.

Во время процвѣтанія халифата географическія свѣдѣнія арабовъ обнимаютъ собою весь древній міръ, отъ Китая, черезъ всю Азію, до португальской и атлантической оконечности западной Европы, всю сѣверную Африку до Нигера и даже дальше въ глубь южной Африки. Въ тоже время въ арабахъ пробудился необыкновенно живой интересъ къ географіи, естествознанію и учености. Особенное влеченіе почувствовали многіе изъ этого столь даровитаго семитико-арабскаго племени къ занятіямъ географіей и исторіей, особенно когда Багдадъ, резиденція халифовъ, сдѣлался, благодаря ихъ покровительству, средоточіемъ искусствъ и учености. Какъ нѣкогда, почти тысячу лѣтъ тому назадъ, во времена Птоломеевъ, въ Александріи, такъ теперь въ Багдадѣ на Тигрѣ стекались въ библіотекахъ и академіяхъ всѣ научныя силы и познанія. Но и другія столицы халифата, — Ширазъ въ Персіи, Бассора, Куфа, Дамаскъ, Александрія, Фецъ, Марокко и Кордова, — сдѣлались также центрами наукъ и учености. Бо́льшая часть греческихъ и римскихъ сочиненій переведена была тогда на арабскій языкъ. Къ нимъ принадлежатъ не только Аристотель, Гиппократъ, Галенъ, но и географическія сочиненія Страбона и Птоломея, равно какъ и астрономическія сочиненія древнихъ, послужившія основаніемъ землевѣдѣнія арабскихъ географовъ. Арабскій переводъ «Бадолема» былъ гораздо раньше извѣстенъ европейцамъ среднихъ вѣковъ, чѣмъ греческій подлинникъ Птоломея. Географическія изслѣдованія арабовъ имѣли предметомъ обширный и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ совершенно новый матеріалъ.

Подобно тому, какъ переселеніе народовъ измѣнило весь этнографическій характеръ Европы и вытѣснило всѣ народы изъ ихъ первоначальныхъ мѣстъ жительства, такъ и въ западной Азіи и сѣверной Африкѣ арабскіе властители ввели совершенно новое населеніе или по крайней мѣрѣ измѣнили прежнее. Коренные жители были истреблены, вытѣснены или обращены въ магометанство. Языческое богослуженіе всюду должно было уступить мѣсто поклоненію единому Аллаху и пророку его Магомету. Въ Испаніи уцѣлѣвшіе еще остатки древнихъ иберійцевъ удалились въ сѣверныя горныя долины Пиринеевъ, гдѣ они остались и до сихъ поръ, подъ именемъ басковъ. Жители германскаго племени, готы, тогда уже христіане, удалились на сѣверъ, чрезъ плоскую возвышенность Кастиліи, въ горныя цѣпи Астуріи. Тамъ возникло готское королевство Астурія. Только около 1000 года храбрые готскіе рыцари снова спустились въ Кастилію. Ферди-

нандъ, король Астуріи и Кастиліи, только около 1035 года снова овладѣлъ Кастильскою плоскою возвышенностью, благодаря подвигамъ дона Родриго Діаца де Вивара, знаменитаго героя Сида.

Въ сѣверной Африкѣ остатки вандальскихъ племенъ загнаны были магометанами на вершины высокаго Атласа, среди нынѣшнихъ шелуховъ и кабиловъ. Римскіе — въ то время уже христіанскіе — жители Новаго Кароагена, Мавританіи, Нумидіи и Киренанки бѣжали, частію сухимъ путемъ, частію моремъ. Внутри Африки они находили спасеніе лишь въ пустыняхъ и болѣе плодородныхъ оазахъ. Тамъ распространили они христіанство, тамъ возникли церкви и епископства; оттуда въ средніе вѣка епископы пріѣзжали на церковные соборы.

Когда, наконецъ, арабы проникли и въ песчаныя пустыни Сагары и распространили свои завоеванія и насильственное обращеніе въ исламизмъ далеко на югъ, — многіе изъ укрывшихся тамъ послѣднихъ остатковъ сѣверо-африканскихъ племенъ оттѣснены были на южную сторону рѣки Нигера и къ Сенегалу. Отъ нихъ происходятъ существующіе тамъ еще и нынѣ остатки разныхъ народностей, — ни негры, ни арабы, а живущія разбросанно на границѣ между обоими народами разрозненныя массы. Недавно только узнали въ нихъ остатки древнихъ берберовъ, подъ различными названіями, съ особеннымъ берберійскимъ нарѣчіемъ; къ наиболѣе одичалымъ изъ нихъ принадлежатъ туарики и туаты.

На югъ отъ Сагары тянется вдоль Нигера, отъ запада къ востоку, по срединѣ этой части свѣта, длинный поясъ отдѣльныхъ государствъ, вслѣдствіе чего эта мѣстность распадается на разнообразные отдѣлы. Она замѣчательна тѣмъ, что народности стоятъ тутъ на сравнительно высшей степени развитія. Развитіе это, вѣроятно, частію преемственное и ведетъ свое начало съ ранней древности, частію слѣдствіе принятія корана. Только на югѣ этого пояса, занятаго преимущественно темно-смуглыми племенами, начинается черная негрская порода. На сѣверѣ этого пояса живутъ арабы, переселившіеся сюда бедуины. Этотъ поясъ отдѣльныхъ государствъ, населенныхъ смуглыми земледѣльцами (феллани), съ ихъ столицами Тимбукту, Гаусса и Борну у озера Тшада, сталъ предметомъ изслѣдованія нѣмецкихъ путешественниковъ, которые, къ несчастію, часто гибли тамъ жертвами своей любознательности. Прежде думали найти у этихъ народовъ какіе нибудь слѣды древнеегипетскихъ, эѳіопскихъ и кароагенскихъ преданій. Въ средніе вѣка, въ 1350 году, мусульманскій путешественникъ

Эбнъ-Батута упоминаетъ еще о бѣлыхъ христіанахъ, содержателяхъ гостинницъ вдоль Нигера. Онъ называетъ ихъ Nazareni. Овервегъ и Бартъ открыли у туариковъ слѣды изваяній въ скалахъ, подобныхъ египетскимъ, и надписей страннаго вида.

Во всякомъ случаѣ страны, населенныя неграми, открыты были лишь завоеваніями магометанъ въ центральной Африкѣ, на югъ отъ Нигера. Въ настоящее время наши свѣдѣнія о Суданѣ, населенномъ неграми, едва ли могутъ сравниться съ тѣми, какія имѣли о немъ въ средніе вѣка арабскіе географы.

Въ 943 году арабы изъ секты Али впервые перешли на южный берегъ Нигера и образовали тамъ государство Мелли, вблизи богатой золотомъ Вангары; ни одинъ европеецъ не проникъ еще туда. Въ это время появляются названія Вангара, Гара, Такруръ или Токуруръ, Каку, Гаусса, а нѣсколько позднѣе Сеннааръ, Дарфуръ, Борну, Кашра, Тимбукту, Кано. Положенія отдѣльныхъ мѣстностей опредѣлились точнѣе. Названіемъ Вангара, повидимому, обозначались многія земли, въ которыхъ были золотыя розсыпи; названіе Токуруръ или Такруръ обозначаетъ пространную мѣстность, состоящую изъ множества земель, — весь Суданъ, начиная отъ Гауссы на востокъ до Дарфура.

Между государствами, основанными магометанами по берегамъ Нигера, — Тимбукту, построенный въ 1220 году, сталъ особенно знаменитъ, какъ торговый рынокъ.

По Нилу арабы заняли весь Египетъ, — и только выше Нильскихъ пороговъ, въ Нубіи, благодаря храбрымъ своимъ защитникамъ, удержалось христіанское царство Донгола до 1285 г., когда этотъ христіанскій городъ Нубіи покоренъ былъ арабами.

Въ Азіи владычество арабовъ, а вмѣстѣ съ нимъ и корана, распространилось также быстро и успѣшно, какъ и въ Африкѣ. Азіатскія провинціи дряхлой Римско-Византійской имперіи подпали подъ владычество мусульманъ уже въ первомъ столѣтіи геджры: сѣверная Аравія, Сирія, земли по Евфрату, Палестина, Арменія и часть Малой Азіи покорены были арабами. Они низвергли новоперсидскую династію Сассанидовъ и вытѣснили изъ Персіи древнее Зороастрово поклоненіе огню. Бо́льшая часть персовъ приняла обрѣзаніе и коранъ, какъ книгу законовъ. Незначительное число огнепоклонниковъ, геберы (невѣрные) удалились въ глубь персидскихъ пустынь, въ оазисъ Іездъ, — и когда изгнаны были и оттуда, они бѣжали черезъ Хорассанъ или же моремъ, черезъ Персидскій заливъ, въ Индію, гдѣ нашли убѣжище среди вѣротерпимыхъ индусовъ. Отъ нихъ

происходятъ нынѣшніе парсы въ Бомбаѣ и Суратѣ, сохранившіе свои прадѣдовскіе нравы и обычаи.

Уже въ 684 году оружіе халифовъ проникло на сѣверъ отъ Персіи, за Гигонъ (Оксъ), въ нынѣшнюю Бухарію. Оно покорило Самаркандъ, торговый рынокъ, который тогда назывался Меджикантъ (храмъ идоловъ) и основанъ былъ китайцами или сродными съ ними племенами. Черезъ эту мѣстность бѣжалъ Ездедгердъ, послѣдній изъ Сассанидовъ, нашедшій убѣжище у китайцевъ, которые раздвинули въ то время свои торговыя колоніи до Самарканда и Бохары (т. е. книжнаго города). Уже при халифѣ Валидѣ (704—715 г.) арабскіе послы отправились черезъ Кашгаръ по старому пути серовъ въ Китай и воротились оттуда съ богатыми дарами. Съ той поры начинаются путешествія арабовъ по центральной Азіи. Немного позже начинается и мусульманская миссіонерская дѣятельность. Арабскій географъ Эдризи говоритъ, что уже при халифѣ Ватикѣ (846—847) миссіи эти проникли за дальніе горные хребты Гогъ и Магогъ, по ту сторону Кашгара, къ гакасамъ, т. е. къ восточнымъ киргизамъ, по ту сторону Аксу, до Алтая.

Между сѣверными азіатскими народами, принявшими исламъ, одинъ заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

Около 700 года арабы наткнулись у истоковъ Кокши, нынѣшняго Гигона, на многочисленныя племена, которыхъ они называли Туркуръ, т. е. разбойники. Уже Плиній (Hist. Nat. VI. 7) упоминаетъ о народѣ Iyrcae, можетъ быть, Turcae; но Генезій и Ѳеофилактъ Симокатта уже подробнѣе знакомы были, во времена Хозроя, съ этимъ воинственнымъ горнымъ и степнымъ народомъ, союзникомъ гунновъ, жившимъ за Каспійскимъ и Аральскимъ морями. Эти племена первоначально обитали въ странѣ древнихъ азіатскихъ скиѳовъ, у Имая, на западномъ склонѣ возвышенной Азіи, а за тѣмъ, какъ номады, въ степяхъ до Аральскаго и Каспійскаго морей. Къ востоку отъ нихъ жили племена гакасовъ, т. е. восточныхъ киргизовъ. Землю ихъ арабы назвали Туркестанъ, т. е. страна турокъ.

Нѣсколько столѣтій сряду арабы вели кровопролитныя войны съ этими языческими горными и степными народами, пока наконецъ и они не приняли ислама.

Около 1000 г. обратились къ исламизму первые властители турковъ, а около 1300 г. всѣ орды турковъ были самыми ревностными поклонниками корана. Съ низовьевъ Гигона, въ продолженіи

нѣсколькихъ вѣковъ сряду, цѣлыя полчища турокъ переходили на западъ въ Азію и Европу, какъ передовое ополченіе арабовъ, у которыхъ они составляли отборное войско. Властители ихъ, вмѣстѣ съ подвластными имъ народами, поступали на службу къ халифамъ и скоро распространились по сѣверному и южному берегамъ Каспійскаго моря, также и къ Передней Азіи. Это было настоящее наводненіе турокъ, сначала только въ Азіи, но вслѣдъ затѣмъ излившееся и на Европу. Сначала военноплѣнные, рабы, мамелюки, подвергавшіе себя обрѣзанію для спасенія жизни, потомъ смѣлые предводители дружинъ, достигавшіе титуловъ князей и бековъ, мелкіе тиранны и основатели династій, взявшіе наконецъ верхъ надъ обезсилившими арабами, подобно тому какъ преторіанцы надъ римскими цезарями, — вотъ въ нѣсколькихъ словахъ исторія развитія турокъ.

Принявшія магометанство турскія племена направились вмѣстѣ съ арабами противъ языческихъ обитателей Сибири, съ цѣлью обратить ихъ мечемъ въ магометанство, и достигли Алтая. Тамъ основали они въ 1200 г. царства Кипшакъ и Сибирь подъ владычествомъ Искера. Туда слѣдовали за ними арабскіе купцы на мѣховые рынки Астрахани, Огоря (Югріи), близъ нынѣшняго Тобольска. Оттуда арабы познакомились съ Terra caliginis, съ неизвѣстнымъ сѣверомъ, куда въ зимнее время они могли проникнуть только на собакахъ. Это было первое открытіе Сибири.

На сѣверо-западъ конныя полчища турокъ, съ бунчуками вмѣсто знаменъ, рыскали кругомъ Каспійскаго моря, передвинулись къ устьямъ Волги, мимо Кавказа, черезъ Донъ, по старому пути германскихъ и гуннскихъ племенъ времени переселенія народовъ, вторглись подъ различными именами: турокъ, ульцевъ (гоццовъ), угровъ, половцевъ, комановъ, хазаровъ, языговъ, въ восточную Европу и южную Россію, и около 1050 г. заняли Крымъ, Молдавію, Валахію и другія земли.

На югъ они проникаютъ чрезъ Таврскія горы и, подвигаясь постепенно все далѣе на западъ, достигаютъ Малой Азіи и основываютъ тамъ государства сельджуковъ, атабековъ и循 османовъ, храбрый предводитель которыхъ Османъ покорилъ Малую Азію и избралъ Бруссу, у подножія Олимпа, своею столицею. Онъ умеръ въ 1330 году. Приблизительно съ половины XIV столѣтія начинаются прочныя завоеванія османовъ на Балканскомъ полуостровѣ. Дряхлая Византійская имперія быстро исчезаетъ подъ ударами ихъ побѣдоноснаго оружія и доходитъ до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ, такъ

что подъ конецъ она вся ограничивается стѣнами Константинополя. Наконецъ, 29 мая 1453 г., и онъ попадаетъ во власть Магомета II. Такимъ образомъ изъ наемниковъ и тѣлохранителей арабскихъ халифовъ турки стали беками, султанами, властителями пространныхъ земель и основали династіи въ Вавилонѣ, Мосулѣ, Персіи, Дамаскѣ, Алеппо и Константинополѣ. Такъ западная Азія и восточная Европа стали турецкимъ государствомъ. Арабы отодвинуты теперь на второй планъ, какъ нѣкогда римляне передъ германцами. Послѣ этого краткаго обзора первоначальной исторіи турокъ, мы опять обратимся къ дальнѣйшимъ успѣхамъ магометанскихъ миссій; мы увидимъ, что и на дальнемъ Востокѣ Меккскій пророкъ находилъ приверженцевъ.

Мы уже выше замѣтили, что магометанскія миссіи арабовъ довольно рано распространились въ Алтайской горной странѣ гакасовъ (восточные киргизы у верхняго Іенезея). Но арабовъ мы должны считать и открывателями горной страны Тибета, которая впервые упоминается въ ихъ лѣтописяхъ. Они подняли религіозную войну противъ Тибета, въ которомъ уже тогда господствовалъ буддизмъ и для котораго этотъ періодъ, восьмое и девятое столѣтія, былъ геройскимъ періодомъ, — періодомъ его самостоятельности. Эдризи, арабскій географъ, называетъ эту страну — Тоббатъ.

Въ горной области Хоразанѣ султанъ Махмудъ (1000 — 1028), турецкаго племени, основалъ большое царство. По имени его резиденціи Хазны, у южнаго склона Гиндукуша, богатство и великолѣпіе которой прославлено и Авиценной, Альбирами и Фирдузи, и все царство названо было царствомъ Хазнавидовъ. Махмудъ первый между магометанами перешелъ, подобно Александру Великому, въ 1000 г. Индъ и прошелъ побѣдоноснымъ завоевателемъ черезъ Пентапотамію, страну сиховъ, — до Ганга. Этимъ начинается новое открытіе Индіи въ средніе вѣка. Послѣ девятилѣтнихъ походовъ Махмудъ покорилъ знаменитѣйшія резиденціи индійскихъ царствъ, Делги и Агра у Ганга, въ 1011 г. Онъ разрушилъ индійскіе храмы браминовъ и разбилъ идолы, богато украшенные золотомъ, жемчугомъ и другими драгоцѣнными камнями, съ глазами изъ рубиновъ и алмазовъ. Махмудъ привезъ въ свою резиденцію Хазну, какъ главную добычу, павлиный тронъ делгійскаго царя, который украшенъ былъ множествомъ богатѣйшихъ драгоцѣнныхъ камней. Съ этихъ поръ проснулась въ Персіи страсть къ роскоши, подобно тому какъ въ Римѣ во время Помпея, благодаря понтій-

ской добычѣ. Персидскіе купцы привозили изъ Индіи въ Переднюю Азію алмазы, жемчугъ и разныя украшенія изъ драгоцѣнныхъ камней.

Но не въ одной только долинѣ Ганга султанъ явился побѣдителемъ. Онъ направился и внизъ по Инду, черезъ Мультанъ, до дельты Инда и Гузураты. Тутъ онъ разрушилъ знаменитѣйшій браминскій храмъ въ Сомнатѣ, который въ тоже время служилъ и мѣстопребываніемъ самаго главнаго оракула и важнѣйшимъ мѣстомъ стеченія богомольцевъ. Огромныя благовоннаго сандальнаго дерева ворота главнаго храма, изящной рѣзьбы, перевезены были въ тріумфѣ въ Хазну и поднесены въ даръ главной мечети. (Въ 1840 году, при взятіи англичанами города Хизни, ворота эти увезены были какъ трофей въ британскій музей). Браманизмъ хотя и не былъ этимъ уничтоженъ, но значительно ослабленъ. Ученіе Магомета проникло въ Индію. Наслѣдники Хазнавидовъ на берегахъ Ганга, Великіе Моголы, стали ревностными магометанами.

Такимъ образомъ мы исчерпали весь ходъ завоеваній арабовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ прослѣдили и религіозныя и политическія измѣненія, которымъ подвергались народы и государства въ трехъ частяхъ свѣта. Куда ни простирались завоеванія арабовъ, вездѣ они собирали новыя географическія свѣдѣнія, которыя переданы потомству ихъ многочисленными писателями. Изъ арабскихъ источниковъ почерпаемъ мы свѣдѣнія и въ настоящее время.

Знакомиться съ землями христіанъ и язычниковъ мирнымъ путемъ—арабы, разумѣется, считали не стоющимъ труда. Кафръ, гяуръ, гебръ — вотъ бранныя названія, которыми арабы честили всѣ народы, не признававшіе ихъ корана. Такимъ образомъ земли кафровъ представляютъ какъ бы границы географическихъ познаній арабовъ, — такъ напр. гебры въ Индіи, кафры въ Каферистанѣ, въ нынѣшнихъ Гималайскихъ горахъ, кафры въ южной Африкѣ и т. д. Большая часть Европы также осталась для нихъ землею невѣрныхъ, кафровъ, христіанъ. Вслѣдствіе этого и невѣдѣніе арабовъ объ Европѣ поразительно. Иссакбнъ, Абульфеда, словомъ всѣ ихъ лучшіе географы очень не многословны, когда дѣло доходитъ до описанія этихъ странъ. Въ такихъ случаяхъ они обыкновенно выражаются: впрочемъ тамъ живутъ кафры, о которыхъ нечего много говорить.

Все что лежало по ту сторону Кавказа и Урала, равно какъ и народы Гогъ и Магогъ (темное выраженіе, употребляемое Магоме-

томъ въ коранѣ въ страхѣ ихъ будущихъ вторженій), — осталось для арабовъ страною басенъ и варваровъ [1]).

Но не одними завоеваніями арабы расширили предѣлы землевѣдѣнія; оно обязано многимъ и морскимъ путешествіямъ этого племени.

Полуостровъ Аравія по положенію своему между двумя заливами, далеко врѣзавшимися въ материкъ, и близкимъ къ нему Средиземнымъ моремъ, повидимому, долженъ былъ располагать своихъ жителей къ морскимъ плаваніямъ. Чермное, Персидское и Индійское моря скоро покрылись парусными купеческими кораблями арабовъ, на которыхъ они привозили въ столицы на берегахъ Тигра и Евфрата, въ Багдадъ и Бассору, равно какъ и въ священныя города мусульманъ — Мекку и Медину, шелкъ, драгоцѣнныя каменья, жемчугъ, пряности и другія сокровища Индіи, также и произведенія Африки — золото и слоновую кость. Уже въ 10 столѣтіи арабы плавали на югъ вдоль восточнаго берега Африки, мимо золотоносныхъ прибрежьевъ Мозамбика и Софалы, до мыса Корріентеса, противъ острова Мадагаскара, — стало быть до 23° Ю. Ш. На этомъ, богатомъ золотомъ, прибрежьи, отъ мыса Aromatum на югъ до рѣки Замбезе, гдѣ внутрь лежало царство Мономотапа, основали они города Мелинду, Момбазу, Софалу, Мозамбикъ; эти прибрежныя арабскія царства въ 12 столѣтіи были въ цвѣтущемъ состояніи. Этотъ новый средневѣковой Офиръ доставлялъ огромныя богатства золотомъ и велъ торговлю съ Индіей. Арабскіе поселенцы основали колонію и на островѣ Мадагаскарѣ (Магассарѣ); еще и понынѣ мы находимъ тамъ ихъ потомковъ, рядомъ съ малайскимъ населеніемъ. Но далѣе на югъ арабы никогда не посѣщали моря, они утверждали, что море это недоступно, и народы живущіе далѣе на югъ остались для нихъ язычниками или кафрами.

Арабы плавали и по морю между Африкою и Индіею и называли его Гиркендъ, Индійскій океанъ. Въ Персидскомъ заливѣ подъ владычествомъ арабовъ снова пришла въ цвѣтущее состояніе гавань Сирафъ (къ востоку отъ Абустабра), а впослѣдствіи и древ-

---

[1]) Все что встрѣчается у арабскихъ писателей объ этихъ народахъ, преимущественно о народахъ, населявшихъ Россію, собралъ изъ подлинниковъ великій оріенталистъ Френъ въ Петербургѣ и издалъ подъ заглавіемъ: Ibn Foszlan und anderer Araber Berichte über Russen älterer Zeit. Переведено съ арабскаго. С. Петербургъ. 1823.

няя Гармозія, основанная Александромъ Великимъ (здѣсь онъ гимнастическими играми въ честь боговъ праздновалъ счастливое возвращеніе изъ Индіи). Однако вскорѣ главный торговый рынокъ и складочное мѣсто переведены были на противулежащій островъ Тилосъ. Тамъ были ломки каменной соли и источники прѣсной воды, а вблизи на Багрейновыхъ островахъ — богатыя жемчужныя ловли. Новая Гармозія сдѣлалась впослѣдствіи еще болѣе знаменитою подъ именемъ гавани Ормузъ, благодаря португальцамъ.

Островъ Цейлонъ, у южной оконечности Декана, со временъ Птоломеевъ всегда былъ главнымъ рынкомъ индійской морской торговли (священная Ланка браминовъ, Тапробанэ, лѣсъ кающихся). На западномъ берегу острова, въ Цейлонскомъ проливѣ, были самыя богатыя въ свѣтѣ жемчужныя ловли; въ его горахъ были лучшіе рубины, а въ лѣсахъ — стада бѣлыхъ слоновъ, которыхъ Сіамскій царь боготворитъ и понынѣ, принимая ихъ, согласно ученію о переселеніи душъ, за воплощенія душъ королей, его предковъ. На западномъ прибрежьи росли кокосовые и коричные лѣса, которые давали драгоцѣнные плоды и пряности. Всѣми этими и еще многими другими сокровищами острова арабы воспользовались съ большою для себя выгодою. И для Китая Цейлонъ былъ издавна важнымъ торговымъ мѣстомъ. Китайскіе моряки и торговцы привозили въ Цейлонъ на своихъ деревянныхъ судахъ съ палубами, на своихъ джункахъ, богатыя шелковыя матеріи и другіе товары въ обмѣнъ на индійскія произведенія.

Уже въ первыя столѣтія существованія халифата арабы плавали отъ Мохи въ Arabia felix, отъ Бассоры у устьевъ Евфрата, и отъ Сирафа, мимо устьевъ Инда и Малабарскаго берега, къ Коромандельскому берегу, на востокъ отъ Цейлона, какъ во времена Птоломеевъ. По берегамъ арабы основали колоніи и города, — особенно на Коромандельскомъ берегу. Изъ Цейлона они скоро стали плавать далѣе на востокъ по Индійскому морю за Малакку, Яву, Борнео, и ознакомились тамъ съ богатыми золотомъ и алмазами Зундскими островами и Молуккскими или Пряными островами. На этихъ многочисленныхъ островахъ они легко обратили бо̀льшую часть жителей, все племя малайцевъ, благодаря индиферентизму ихъ въ дѣлахъ религіи, въ поклонниковъ корана.

Уже въ IX столѣтіи арабы плавали до Южнаго Китая, а китайцы проникали уже до острова Явы, Малабарскаго берега и даже до Сирафа въ Персидскомъ заливѣ, — стало быть почти до устьевъ Евфрата. Въ 850 году арабы имѣли въ знаменитой га-

вани Канъ-фу, въ южномъ Манхинѣ, своего собственнаго кади, который, подобно нынѣшнимъ европейскимъ консуламъ въ Кантонѣ, отстаивалъ права арабскихъ купцовъ, охранялъ интересы ихъ торговли и былъ ихъ судьею [1].

Между арабскими рукописями, къ счастію, сохранились до настоящаго времени путевые журналы двухъ арабскихъ моряковъ, Вагаба и Абузеида, отъ 878 года. Записки эти составляютъ не болѣе какъ отрывки, богатые содержаніемъ, изъ Золотыхъ Луговъ знаменитаго историка Масуди. Мореходцы эти первые различили Южный Китай (Чинъ, Синъ или Ма-хинъ), гдѣ находился Канъ-фу, отъ Сѣвернаго Китая (Катаи или Катея), гдѣ на сѣверѣ находился Канъ-балу, нынѣшній Пекинъ. Оба эти государства не разъ отдѣлялись другъ отъ друга на долгое время, — и только впослѣдствіи составили одно нераздѣльное государство. Эти мореплаватели раздвинули землевѣдѣніе до крайняго востока Стараго Свѣта, и первые упоминаютъ о китайскихъ рѣдкостяхъ, какъ чай, фарфоръ, шелковыя матеріи, рисовая водка, мускусъ. Благодаря этимъ арабамъ, компасъ, давнее изобрѣтеніе Китая, сталъ извѣстенъ въ Передней Азіи и Европѣ. Китайцы называли компасъ Чи-Нанъ — указатель юга; онъ былъ у нихъ во всеобщемъ употребленіи, какъ въ сухопутныхъ, такъ и въ морскихъ путешествіяхъ. Итальянскіе моряки, перевозившіе въ Палестину крестоносцевъ, заимствовали компасъ отъ арабовъ. Французскій поэтъ Гіо де Провэнсъ первый воспѣлъ его (между 1203 и 1208 годами), какъ волшебную иглу. Въ 1302 году, въ Амальфи, Флавіо де Джіоя показалъ употребленіе компаса, въ видѣ буссоли, на корабляхъ. Во время крестовыхъ походовъ уроженецъ города Витербо, Якобъ де Витріако, описалъ компасъ. Всѣ трое видѣли компасъ въ употребленіи на Востокѣ, — у арабовъ, персовъ и индійцевъ.

Мореплаваніе арабовъ на западѣ, на Средиземномъ морѣ и Атлантическомъ океанѣ, никогда не было очень значительно. Они большею частью держались береговъ Сиріи и Египта. Лишь впослѣдствіи появились тамъ турецкія разбойническія государства, — пираты и отважные моряки [2].

---

[1]) Канъ-фу не есть нынѣшній Кантонъ, главный торговый рынокъ европейцевъ, какъ прежде полагали. Кантонъ лежитъ подъ южнымъ поворотнымъ кругомъ, подъ $23^1/_2{}^0$ С. Ш., между тѣмъ какъ Канъ-фу лежитъ гораздо сѣвернѣе, подъ 30° 28′ С. Ш., подлѣ Хай-Янъ-Хіана.

[2]) Fr. Stüve, Die Handelszüge der Araber unter den Abassiden durch Afrika, Asien und Europa. Berlin. 1836.

Кромѣ торговли и мореплаванія, расширенію географическихъ познаній очень много способствовало особенное религіозное постановленіе магометанъ, — пилигримства въ Мекку. Эти ежегодныя пилигримства и до сихъ поръ составляютъ главный источникъ для географіи Востока, особенно внутренней Африки. Самъ Магометъ считалъ пилигримство въ Мекку одной изъ главныхъ пяти основъ исламизма. Еще до него арабы ежегодно отправлялись въ Мекку цѣлыми караванами, вслѣдствіе чего этотъ городъ сталъ средоточіемъ торговли и разныхъ другихъ сношеній. Въ Меккѣ праздновались состязанія бойцевъ и стихотворцевъ, и публично выставлялись стихотворенія арабскихъ пѣвцовъ, удостоенныя наградъ (моаллакатъ). Этотъ давній народный обычай ближайшихъ племенъ Аравіи сталъ, по предписанію корана, въ видѣ религіознаго пилигримства въ Мекку, обязательнымъ для всего магометанскаго міра, и исполненіе этого предписанія ставилось въ особенную заслугу. Каждый правовѣрный долженъ былъ по крайней мѣрѣ разъ въ жизни посѣтить Мекку кающимся странникомъ. Мѣсяцы, назначенные для этого странствія, были священны; на это время война и кровавая месть прекращались, подобно тому какъ это было у грековъ во время олимпійскихъ игръ. Странствіе въ Мекку, по ученію Магомета, должно быть символомъ великаго странствія въ вѣчность; поэтому странникъ долженъ былъ шествовать нищимъ и съ сокрушеннымъ сердцемъ, особенно же вступивши въ священный округъ Мекки; одежда его должна заключаться только въ ирамѣ, простой странническои рубашкѣ, стянутой на бедрахъ. Властелинъ и послѣдній рабъ были совершенно равны во время этого странствія, ничто не различало ихъ, всѣ молельщики, бѣдняки и богатые, должны были быть братьями. Странствіе это должно было служить для магометанъ покаяніемъ и очищеніемъ; оно доставляло однако сугубое возмездіе — заслугу на небѣ, почетъ [1]) и торговый барышъ на землѣ.

Вскорѣ именно въ Меккѣ завелась ярмарка на время богомолья и сдѣлалась главнѣйшимъ рынкомъ Востока. Караваны молельщиковъ считались во всѣхъ магометанскихъ земляхъ священными, пользовались покровительствомъ и защитой духовенства и властителей, слѣдовательно не подвергались опасностямъ по пути.

---

[1]) Каждый странствующій въ Мекку долженъ собственно умѣть читать коранъ, писать по арабски и знать наизусть изрѣченія корана и молитвы. Безъ этого не можетъ онъ ни посѣщать каабы, ни пользоваться, воротясь во свояси, титуломъ

Всюду встрѣчали ихъ съ торжествомъ, давали имъ дары и конвой для дальнѣйшаго продолженія странствія. Подъ охраною этихъ карановъ стали совершаться на Востокѣ самыя важныя торговыя дѣла, что̀ продолжается и понынѣ во всей сѣверной Африкѣ и Аравіи. Такимъ образомъ возникли ежегодныя отправленія, въ опредѣленные сроки, каравановъ съ молельщиками въ Мекку, которые часто состояли болѣе чѣмъ изъ 100,000 человѣкъ странниковъ, собравшихся со всѣхъ концевъ магометанскаго міра. Караваны эти ходятъ и понынѣ, какъ тысячу лѣтъ тому назадъ, и хотя стеченіе народа въ настоящее время не столь громадно, какъ въ прежнія времена, оно все-таки еще весьма значительно. Караваны молельщиковъ устроены весьма правильно и путь ихъ составляетъ, безъ сомнѣнія, главую столбовую дорогу Африки и Азіи. Стеченіе народностей всѣхъ племенъ, цвѣтовъ, нарѣчій изъ всѣхъ царствъ много способствовало пріобрѣтенію арабскими географами обширныхъ свѣдѣній о земляхъ и народахъ. Мекка составляетъ на Востокѣ, какъ у насъ Парижъ и Лондонъ, цѣль всѣхъ путешественниковъ. Не только арабскіе путешественники обязаны большею частью собранныхъ ими географическихъ свѣдѣній молельщикамъ, но и европейскіе путешественники до послѣдняго времени. Между пилигримами, хотя большая часть изъ нихъ люди необразованные, встрѣчаются образованнѣйшіе и наиболѣе свѣдущіе изъ магометанъ, ихъ ученые и властители.

Каиро составляетъ главное мѣсто стеченія африканскихъ пилигримовъ въ Мекку, а Алеппо, Дамаскъ и Багдадъ — главное мѣсто стеченія азіатскихъ пилигримовъ. Поэтому древніе географы и новѣйшіе путешественники, какъ Нибуръ, Зеетценъ, Буркгардтъ, именно въ этихъ мѣстахъ и собрали важнѣйшія географическія свѣдѣнія и извѣстія. Самая значительная часть нашихъ свѣдѣній объ азіатскихъ и африканскихъ языкахъ, народахъ и странахъ собрана въ этихъ сборныхъ пунктахъ Меккскихъ богомольцевъ.

По западной дорогѣ молельщики отправляются, числомъ отъ 30,000 до 50,000 человѣкъ, изъ странъ негровъ, у Нигера и Сене-

---

хаджи (religiosus doctor, князь), который всюду, до Марокко и Константинополя, доставляетъ ему самый почетнѣйшій пріемъ. Хаджи составляютъ правовѣрную аристократію магометанъ, какъ шерифы, потомки Магомета. Въ Меккѣ во всѣхъ кофейняхъ гравёры заняты вырѣзкой на перстняхъ молельщиковъ печатей, свидѣтельствующихъ объ ихъ посѣщеніи каабы.

гала, изъ золотоносныхъ странъ возлѣ Томбукту, съ горъ Атласа, изъ Марокко, Феца, Туниса, Триполи и оазовъ Феццана, изъ Абиссиніи, Нубіи и Египта. По сѣверной дорогѣ собирается въ Алеппо и Дамаскѣ, въ числѣ около 30,000 человѣкъ, великая Гаджа, прежде подъ покровительствомъ халифовъ, а нынѣ великаго султана; впрочемъ въ послѣднее время она не пользуется уже такой безопасностью какъ прежде. Восточная дорога соединяетъ молельщиковъ въ Багдадѣ и Бассорѣ, куда сходится множество мелкихъ богомольческихъ дорогъ. Богомольцы стремятся туда частію сухимъ путемъ изъ Бухаріи, Индіи и Персіи, частію и моремъ изъ Китая, Малакки, съ Цейлона и изъ Индіи.

Арабы, благодаря своимъ завоеваніямъ, распространились по лицу земли гораздо болѣе, чѣмъ какой либо другой завоевательный народъ среднихъ вѣковъ. Число ихъ внѣ полуострова Аравіи значительно превышаетъ народонаселеніе собственнаго ихъ отечества. Далеко распространился ихъ языкъ и сталъ самымъ выработаннымъ и самымъ употребительнымъ на всемъ Востокѣ, потому что класическая книга, коранъ, писана по арабски. Поэтому и самыя замѣчательныя географическія сочиненія Востока сохранились въ арабскихъ рукописяхъ. Такимъ образомъ, хотя Исцтахри и былъ персъ, Эдризи — испанецъ, Абульфеда — сиріецъ, Лео — уроженецъ Гранады, всѣ однако писали свои географическія сочиненія и путешествія на арабскомъ языкѣ. Географическія сочиненія европейцевъ сравнительно съ обширными сочиненіями арабовъ кажутся только коротенькими учебниками. Число арабскихъ всеобщихъ географій, писанныхъ въ различныя вѣка ихъ процвѣтанія, весьма велико. Многія изъ нихъ, разумѣется, только повтореніе прежнихъ, — часто позднѣйшій авторъ ограничивался только извлеченіями изъ сочиненій предшествовавшихъ ему географовъ, — а потому при пользованіи этими сочиненіями весьма важенъ выборъ.

Древнѣйшія изъ ихъ классическихъ твореній, писанныя очевидцами или почерпнутыя изъ неизвѣстныхъ уже историческихъ источниковъ, — самыя богатыя содержаніемъ. Мазуди, жившій въ X столѣтіи, — Геродотъ Востока, а «Золотые лучи» — имѣютъ для Востока такое же значеніе, какъ для насъ Плиній. Многія изъ географическихъ сочиненій арабовъ написаны въ формѣ путевыхъ дневниковъ, потому что часто сочинители путешествовали сами въ качествѣ молельщиковъ или марабутовъ, посѣщая въ разныхъ странахъ извѣстныхъ своимъ благочестіемъ отшельниковъ,

знаменитыя мечети, академіи, ученыхъ имамовъ, или отъискивая гробницы своихъ святыхъ и мучениковъ. Въ качествѣ ученыхъ они посѣщали много городовъ отъ Таго до Тигра, Инда и Окса, чтобы слушать лекціи знаменитыхъ ученостью имамовъ. Страсть къ путешествіямъ осталась у арабовъ какъ наслѣдіе прежней кочевой жизни; ни у одного народа поэты не воспѣвали съ такимъ восторгомъ путешествія, какъ поэты арабскіе.

Нѣкоторыя географическія сочиненія составлены арабскими учеными по системамъ Птоломея и Страбона, и хранились въ библіотекахъ халифовъ. Точно также они подражали и сочиненіямъ персовъ, индійцевъ и маговъ по математической географіи и астрологіи. Описательная географія появилась у арабовъ позже математической; изученіе ея вызвано было многочисленными посольствами, которыя халифы разсылали во всѣ извѣстныя въ то время государства. Извѣстно напр., что Гарунъ-аль-Рашидъ отправилъ посольство и къ Карлу Великому.

Сами халифы, въ первые вѣка существованія халифата, принадлежали къ числу знаменитѣйшихъ ученыхъ своего времени, особенно Абассиды, которые ревностно занимались астрономіею, математикою, географіею и исторіею. Халифъ Аль-Мамунъ (813—833), преемникъ Гарунъ-аль-Рашида, велѣлъ перевести на арабскій языкъ сочиненія Птоломея (Batolema). Уваженіе къ этому свѣтилу астрономовъ и географовъ своего времени было такъ велико, что знаменитый историкъ Мазуди въ одномъ изъ первыхъ своихъ сочиненій называетъ его даже царемъ египетскимъ, и только впослѣдствіи исправилъ свою ошибку. Позднѣйшій географъ, князь Абульфеда, положилъ въ основаніе своей географіи таблицы Птоломея. Халифу Аль-Мамуну пришла также мысль, какъ прежде Эратосѳену, измѣрить въ дѣйствительности какой нибудь градусъ широты, чтобы по этому градусу можно было сдѣлать заключеніе о величинѣ всѣхъ 360 градусовъ земной поверхности. Измѣреніе это сдѣлано было вблизи столицы Багдада тремя братьями бенъ-Шакеръ, первыми математиками во всей Месопотаміи. Для этого на великой равнинѣ Месопотаміи избрана была плоскость, пустыня Сниджаръ, на сѣверо-востокѣ отъ Дамаска, между Пальмирой и Раккой у Евфрата, приблизительно подъ 35° с. ш. Измѣреніе это подробно описано Абульфедою въ его Annales Muslemici, т. II, стр. 241, также и знаменитымъ астрономомъ тогдашняго времени Магометомъ-аль-Ферганомъ (или аль-Фраганомъ) въ его Elementa Astronomica (изд. въ 1664 году въ Амстердамѣ Якобомъ Голіусомъ). Къ сожалѣнію, величина

масштаба, употребленнаго при этомъ измѣреніи, осталась неизвѣстною для потомства, и потому нѣтъ теперь возможности сдѣлать вычисленія на основаніи полученныхъ тогда данныхъ. На основаніи этого измѣренія изготовлена была по повелѣнію халифа лучшими астрономами и географами того времени большая модель. Подробныя свѣдѣнія о ней находятся у Мазуди. На этой модели представлена была вселенная со своими мірами, планетами и звѣздами, земля со своими морями и материками, населенными мѣстностями, государствами и городами, — словомъ это былъ глобусъ въ смыслѣ «сферы» Эратосѳена, съ землею въ центрѣ вселенной, по системѣ Птоломея, первое произведеніе искусства въ этомъ родѣ, начавшее собою рядъ подобныхъ изображеній.

Весьма значительная, можетъ быть, даже большая часть сочиненій арабскихъ историковъ и географовъ не дошла до насъ. Паденіе цвѣтущихъ халифатовъ, варварство турокъ, войны и опустошенія, наконецъ, недостаточное изученіе европейцами восточныхъ языковъ въ прежнія времена были тому причиною. Вслѣдствіе этого со многими изъ знаменитѣйшихъ арабскихъ географовъ мы знакомы не болѣе, какъ съ Пиѳеасомъ или Эратосѳеномъ, — изъ отрывковъ и цитатъ, приводимыхъ компиляторами. Сверхъ того многіе арабскіе источники по географіи хранятся еще до сихъ поръ въ библіотекахъ Европы и Азіи неизданными. Важнѣйшія рукописи арабскихъ географовъ находятся въ библіотекахъ Петербурга, Лондона, Парижа, Вѣны, Берлина, Готы (манускрипты Зеетцена) и въ Эскоріалѣ въ Испаніи. Петербургскій азіатскій музей обладаетъ приблизительно 500 рукописей; онъ особенно обогатился во время русскихъ завоеваній на Востокѣ, на счетъ персидскихъ библіотекъ, какъ напримѣръ Ардибильской.

Чтобы назвать хоть одного изъ древнѣйшихъ описательныхъ географовъ, мы упомянемъ объ одномъ персѣ, родомъ изъ Персеполя (оттуда его прозваніе Исстахри), который около 950 г. по Р. Х. написалъ географическій компендій, весьма замѣчательный по богатству матеріала. Сочиненіе это попало однако въ Европу весьма поздно, благодаря Зеетцену, и въ 1839 году оно было переведено и издано Меллеромъ [1]).

Древнѣйшими и самыми важными источниками для географіи

---

[1]) Liber Climatum vom Schech Ebn Ishak el Farsi el Isztachri. Gotha. 1839. Переводъ A. D. Mordtmann'a: Das Buch der Länder, Hamburg, 1845, въ которомъ на стр. I—XX введенія сообщены подробныя свѣдѣнія объ авторѣ.

Востока служатъ знаменитыя сочиненія Эдризи, Абульфеды и Льва Африкана, трехъ писателей княжескаго рода, которые большею частію были весьма хорошо знакомы съ описываемыми ими странами.

Эдризи или, называя его полнымъ именемъ, Абу Абдалла Магометъ-ибнъ-Магометъ, внукъ князя правовѣрныхъ Эдриза-ибнъ-Али эль-Хаммуди, царя Малаги, родился въ Цейтѣ. Лишенный престола, онъ сдѣлался другомъ Рожера II, короля Сициліи, для котораго, будучи уже 55 лѣтъ отъ роду, онъ и написалъ свое сочиненіе въ 1154 году по Р. Х. Позже онъ отправился въ Африку и умеръ въ Цейтѣ, въ 1164 или 1165 году, оставивъ по себѣ многочисленное потомство. Покровитель его, король Рожеръ II, любилъ науки и въ особенности статистику; онъ собиралъ рукописи, разныя свѣдѣнія и сочиненія Птоломея. Ученые, къ которымъ онъ обращался за совѣтами, не могли дать ему положительныхъ свѣдѣній о различныхъ странахъ и народахъ. Тогда онъ сталъ собирать разсказы очевидцевъ и практическія свѣдѣнія. Онъ приглашалъ къ себѣ путешественниковъ и распрашивалъ ихъ, при помощи переводчиковъ, по одиночкѣ или вмѣстѣ. Если показанія ихъ не противорѣчили другъ другу, онъ считалъ ихъ истинными, — въ противномъ случаѣ они оставляемы были безъ вниманія. Дворъ такого короля былъ самымъ удобнымъ мѣстомъ для географа. Тамъ ученый Эдризи и обработалъ свои географическія душевныя наслажденія (Oblectamentum Cupidi), для объясненія серебряннаго глобуса (въ 800 марокъ вѣсомъ), изготовленнаго по повелѣнію короля. Онъ окончилъ свое сочиненіе, составляющее главнымъ образомъ систематическое собраніе путешествій и описаній мѣстностей, расположенное по климатамъ, 1 января 1154 года. Большей части описываемыхъ имъ странъ Востока онъ самъ, повидимому, не посѣтилъ, но онъ очень силенъ въ современной ему арабской географической литературѣ. Объ отечествѣ своемъ, сѣверной Африкѣ, онъ пишетъ какъ очевидецъ. Изъ всѣхъ магометанскихъ географовъ, онъ, благодаря норманнамъ, болѣе всѣхъ знакомъ былъ съ Европой; его описанія простираются до Швеціи, Финляндіи и Ирландіи.

Прежде ошибочно называли Эдризи Нубійскимъ географомъ (Geographia Nubiensis); онъ не родился въ Нубіи и не передалъ объ ней никакихъ особенныхъ свѣдѣній [1]).

---

[1]) Сочиненіе Эдризи въ первый разъ напечатано было на арабскомъ языкѣ въ Римѣ, въ 1592 г.,—Giografia alkobia, i. e. Geographia universalis. Въ латинскомъ

Измаилъ Абульфеда, род. въ 1273 году, родомъ курдъ, изъ поколѣнія Эюбидовъ, къ которому принадлежалъ и Саладинъ. Еще 13 лѣтнимъ юношей онъ храбро сражался противъ крестоносцевъ. Въ 1289 году онъ участвовалъ въ завоеваніи Триполи, а въ 1290 г. былъ при взятіи штурмомъ крѣпости Акра. Позже онъ счастливо управлялъ Сиріею изъ своей столицы Гамы. Онъ былъ просвѣщеннымъ покровителемъ научныхъ стремленій своего времени и умеръ въ 1331 году.

Главное сочиненіе Абульфеды — Annales Muslemici. Географія его долгое время извѣстна была въ рукописи, подъ заглавіемъ Таквинъ аль-Больданъ, пока наконецъ Рейске перевелъ ее на латинскій языкъ, подъ заглавіемъ: Liber Canonis Terrarum, auctore Rege Forti Principe Hamah. Подлинный текстъ литографированъ въ 1829 году съ парижской рукописи. Особенно богаты содержаніемъ у Абульфеды, какъ очевидца, описанія Аравіи, Месопотаміи, Сиріи и Египта. Подобно Птоломею, онъ даетъ астрономическія опредѣленія положеній мѣстъ и ихъ описанія, часто называетъ источники, которыми пользовался, въ томъ числѣ до 60 арабскихъ географическихъ сочиненій, писанныхъ до него. Но есть еще много такихъ, которыми онъ не могъ пользоваться [1]).

переводѣ оно извѣстно подъ названіемъ: Nozhat el Moschtac, i. e. Oblectamentum cupidi. Заглавіе сочиненія: Geographia Nubiensis i. e. Accuratissima Totius Orbis Descriptio. Paris. 1694. Переведено съ арабскаго Габріелемъ Сіонитой и Іоанн. Гезронитой,—двумя маронитами, т. е. учеными изъ Ливана.

Первая Geographia Nubiensis была лишь извлеченіемъ изъ болѣе обширнаго сочиненія, которое, какъ утверждаютъ, погибло во время пожара въ Эскоріалѣ. Прежде его считали единственнымъ въ своемъ родѣ. Въ 1818 г. Ам. Жоберъ отыскалъ въ парижскомъ собраніи рукописей второй экземпляръ, который тоже считали полнымъ. Онъ переведенъ Жоберомъ и напечатанъ въ 1836 году въ Парижѣ, на счетъ Société Géographique. Другой экземпляръ этого сочиненія, привезенный Пококомъ съ Востока, лишь отчасти обнародованъ въ послѣднее время въ Англіи.

Сюда же принадлежатъ и нѣкоторые отдѣлы этого сочиненія, потребовавшіе особенныхъ комментаріевъ. Часть, заключающая въ себѣ Африку, издана Т. Гартманномъ, Гёттингенъ, 1796. съ ученѣйшими комментаріями, — лучшее географическое сочиненіе объ Африкѣ. Описаніе Испаніи переведено на испанскій языкъ Дономъ Конде: Xerif Al Edris Descripcion de España. Madrid. 1799. Описаніе Сиріи издано Розенмюллеромъ: Syria descripta a Scherifo El Edrisio. въ третьей части его Analecta Arabica. Leipzig. 1828.

[1]) Reinaud, Ecrivains Arabes, qui ont traité de la Géographie avant Aboulfeda. Paris. 1848. — Ferd. Wüstenfeld, De scriptoribus et libris, quos Abulfeda in Geographia laudat. — Описаніе Палестины и Сиріи издано J. B. Köhler'омъ:

Третій знаменитый географъ арабовъ — Лео (Левъ), сочиненіе котораго составляетъ переходъ отъ древнихъ арабскихъ географій къ описанію новыхъ открытій.

Онъ родился въ Испаніи, въ Гранадѣ, и происходитъ отъ мавръскаго княжескаго рода. Изгнанный изъ Испаніи Фердинандомъ Католикомъ, въ 1491 году, со всѣми своими единовѣрцами, онъ еще мальчикомъ бѣжалъ въ Фецъ, гдѣ въ тамошней академіи посвятилъ себя изученію арабской учености. Уже на шестнадцатомъ году отъ роду онъ сопутствовалъ своему дядѣ, посланному царемъ фецскимъ въ Тимбукту въ качествѣ посла. Затѣмъ онъ посѣтилъ многія земли Судана, сѣверной Африки, — какъ напр. Феццанъ, — Аравію, Сирію, Арменію, Татарію, Персію и Египетъ, останавливаясь по пути при дворахъ многихъ государей. Въ сѣверныхъ водахъ залива Сирте, близъ о-ва Джербы, онъ взятъ былъ въ плѣнъ христіанскимъ корсаромъ и отвезенъ въ Римъ къ папѣ Льву X. Какъ только папа узналъ высокое происхожденіе и образованіе своего плѣнника, онъ отличилъ его своимъ вниманіемъ и сдѣлался его покровителемъ. Принявъ христіанство, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ при крещеніи и имя своего патрона и воспріемника — Іоанна Льва. Лео писалъ свою географію на арабскомъ языкѣ, а въ 1526 году самъ перевелъ ее на итальянскій языкъ, — впрочемъ только описаніе Африки. Другія сочиненія этого ученаго араба никогда не были обнародованы. Описаніе Африки также было сначала затеряно, но Рамузіо вновь отъискалъ рукопись въ Венеціи и въ 1550 году напечаталъ ее тамъ же въ своемъ: Raccolta delle Navigazioni e Viaggi. T. I. Съ того времени вышло много изданій этого сочиненія, — въ томъ числѣ нѣсколько на латинскомъ языкѣ. Лучшій нѣмецкій переводъ сдѣланъ Лорсбахомъ: Leo des Afrikaners Beschreibung Afrika's, aus dem Italienischen. Herborn. 1805.

Немногіе путешественники, говоритъ Макъ Геренъ, видѣли столько какъ Лео; любое изъ его путешествій достаточно, чтобы доставить ему славу. Болѣе всего онъ знакомъ былъ съ царствами Фецъ и Марокко, и описалъ ихъ наиболѣе подробно какъ свое

Abulfedae Tabula Syriae. Lips. 1766. — Описаніе Аравіи издано Chr. Rommel'емъ: Abulfedae Arabiae Descriptio. Gotting. 1802. — Описаніе Египта издано Michaelis'омъ. Gött. 1776. — Описаніе Согдіаны издано Graves'омъ въ Geogr. Magazin Гудсона. T. III. Оксфордъ. 1712. — Wüstenfeld, Descriptio Iracae, Chuzistanæ, Armeniæ etc. Gött. 1835.

второе отечество. Свѣдѣнія его объ Алжирѣ не имѣютъ особенной важности, но за то расказы его о внутреннихъ странахъ Африки, вдоль по Нигеру, весьма важны.

Первые писатели по части математической географіи появляются у арабовъ уже въ девятомъ столѣтіи.

Секретарь и библіотекарь халифа Аль-Мамуна (813—833), Аль-Харизанъ (харизміецъ, по имени его родины у Окса), полное имя котораго Абу-Джафаръ-Магометъ-бенъ-Муза-аль-Харизми, получилъ образованіе у индійцевъ и маговъ. Онъ писалъ объ алгебрѣ и астрологіи, составилъ систему земли (Rasm alardh) по Птоломею и астрономическія таблицы.

Альфергани, родомъ изъ Ферганы на Яксартѣ, настоящее имя котораго Магометъ-бенъ-Кетиръ, жилъ около 833 г. и писалъ свои ученыя сочиненія: De Horologiis, De Astrolabio и Elementa Astronomica, изданныя въ 1669 г. въ Амстердамѣ Як. Голіусомъ. Въ этихъ сочиненіяхъ излагается астрономическая географія; они сначала переведены были съ арабскаго на еврейскій языкъ, а потомъ Голіусомъ на латинскій. Астрономическая географія Альфергани важна тѣмъ, что въ ней къ опредѣленіямъ мѣстъ Птоломея по градусамъ долготы и широты присовокуплено еще дѣленіе на поясы, что послужило облегченіемъ при отъискиваніи мѣстъ. Это — семь климатовъ, составляющіе и до сихъ поръ главную исходную точку дѣленія во всѣхъ мусульманскихъ географіяхъ.

Позднѣйшіе астрономы и математическіе географы арабовъ, Назиръ-Эддинъ и Улугъ-Бей, оставили болѣе полныя наблюденія и астрономическія таблицы для опредѣленія мѣстъ, чѣмъ ихъ предшественники. Имъ обязаны мы большей частью астрономической сѣти для опредѣленій мѣстъ центральной Азіи, о которой безъ нихъ мы не имѣли бы никакихъ свѣдѣній.

Назиръ-Эддинъ (умеръ въ 1274 г.), величайшій практическій астрономъ своего времени, жилъ при дворѣ персидскаго царя Голаку-Хана, внука Чингисхана. Какъ прославленный астрологъ, Назиръ-Эддинъ предсказалъ, по теченію звѣздъ, приближавшемуся къ Багдаду и Евфрату монгольскому завоевателю, счастливый исходъ его похода и скорое паденіе одряхлѣвшаго уже владычества халифовъ въ Багдадѣ. Въ 1258 г. халифъ палъ, Багдадъ былъ взятъ, и Назиръ-Эддинъ заслужилъ благоволеніе великаго хана. Близъ столицы своей Мараги, у озера Урміи, ханъ приказалъ выстроить на горѣ для ходжи (знатока, учителя) Назиръ-Эддина обсерваторію; обсерваторія эта скоро сдѣлалась извѣстною, благодаря

кружку ученыхъ математиковъ и астрономовъ, собравшихся при дворѣ хана. Теперь эта страна, гдѣ нѣкогда процвѣтала академія наукъ, сдѣлалась притономъ разбойническихъ ордъ курдовъ.

Назиръ-Эддинъ разработалъ много географическихъ опредѣленій мѣстъ, которыя, если и не могутъ сравняться съ новѣйшими нашими опредѣленіями по своей точности, все-таки имѣли огромное значеніе для тогдашняго времени. Назиръ-Эддинъ долженъ былъ прежде всего изобрѣсть для себя методы вычисленія и инструменты для наблюденій; въ этомъ также сказывается его великій умъ. Его географическія опредѣленія мѣстъ имѣли огромное значеніе для землевѣдѣнія, какъ первыя астрономическія таблицы въ этомъ родѣ, составленныя не на основаніи гипотезъ и приблизительныхъ вычисленій, какъ многія изъ Птоломеевыхъ таблицъ, а на основаніи дѣйствительныхъ наблюденій звѣздъ. По этимъ таблицамъ означены мѣста на нашихъ географическихъ картахъ въ средней Персіи, Арменіи, у верховьевъ Евфрата, до Каспійскаго моря къ сѣверу, Персидскаго залива къ югу и Чернаго моря къ западу. Онѣ извѣстны подъ названіемъ Zydje Jlekhani, т. е. царскія астрономическія таблицы, въ латинскомъ переводѣ (съ арабскаго) Іог. Гревіуса [1]).

Султанъ Улугъ-Бей жилъ 150 лѣтъ позже Назиръ-Эддина, 100 лѣтъ позже Абульфеды, и умеръ въ 1450 году. Онъ былъ внукомъ Тимура, завоевателя всей средней Азіи. Его отецъ, шахъ Рокъ, умеръ въ Гератѣ царемъ Персіи (царств. отъ 1415 до 1446 г.). Во время царствованія отца онъ былъ султаномъ въ Гирканіи, а по смерти отца, какъ султанъ Transoxianae (Maweralnehar, Sogdiana), перенесъ свою столицу въ Самаркандъ, богатый и знаменитѣйшій главный городъ средней Азіи. Тогда это царство, древняя Согдіана, находилось на высокой степени образованности; оно принадлежало и къ населеннѣйшимъ и богатѣйшимъ областямъ земли. Оно богато развилось подъ мирнымъ и кроткимъ правленіемъ, — рай Востока.

Султанъ Улугъ-Бей собиралъ знаменитѣйшихъ художниковъ и ученыхъ въ Самаркандѣ. Онъ особенно покровительствовалъ астрономамъ и выстроилъ громадную обсерваторію. Тогда еще думали, что вмѣстѣ съ величиною астрономическихъ инструментовъ увеличивается и ихъ достоинство. Радіусъ большаго квадранта, слу-

---

[1]) Nassir Eddini Tabula Longitudinum въ Geogr. Min. Oxon. Гудсона. 1711. Т. III.

жившаго тамъ для наблюденія звѣздъ, былъ величиною въ радіусъ свода большой Софійской мечети въ Константинополѣ, — 180 футовъ въ діаметрѣ. Точное опредѣленіе астрономическаго наблюденія высоты полюса Самарканда, 39°37′23″ с. ш., свидѣтельствуетъ о значительныхъ математическихъ познаніяхъ тамошней академіи. Вмѣстѣ съ академіею султанъ Улугъ-Бей издавалъ свои драгоцѣнныя астрономическія таблицы Азіи, къ которымъ онъ написалъ предисловіе въ 1449 г. Находящіяся въ нихъ наблюденія и измѣренія географическихъ положеній мѣстъ начинаются съ 1437 г., слѣдовательно продолжались двѣнадцать лѣтъ. Онѣ извѣстны подъ названіемъ астрономическихъ таблицъ султана, — Zydje Sulthany. Гревіусъ издалъ ихъ въ латинскомъ переводѣ, подъ заглавіемъ: Tabula Geographica Ulug Beigi Principis Tatarici, въ Geogr. Min. Oxon. Гудсона. 1711. T. III. Какъ князь татарскаго рода, но съ арабскимъ образованіемъ, Улугъ-Бей писалъ и исторію князей Джагатая или западной монгольской имперіи. На четвертомъ году своего царствованія въ Самаркандѣ султанъ былъ убитъ собственными сыновьями. Духъ его почилъ на внукѣ его Баберѣ.

Талантливый султанъ Баберъ изъ Ферганы, извѣстный своею рыцарскою храбростью, измѣнчивою судьбою и приключеніями, основалъ у Инда царство великихъ моголовъ и завоевалъ Дельги (1519 г.). Онъ, повидимому, наслѣдовалъ отъ своего дяди любовь къ астрономіи, географіи и вообще къ естествовѣдѣнію. Въ своей автобіографіи, написанной имъ на своемъ родномъ джагатайскомъ языкѣ, онъ не только упоминаетъ часто объ Улугъ-Беѣ, но и сообщаетъ важныя географическія свѣдѣнія о Ферганѣ и многихъ мѣстахъ центральной Азіи, въ которыхъ онъ царствовалъ [1]).

По приказанію великаго царя Акбара, великаго могула въ Индіи, внука Бабера, министръ его Абулъ-Фацель въ Айна Акбери составилъ самую важную новѣйшую географію Индіи. (Изд. Фр. Гладвиномъ. Лондонъ. 1800).

Рядомъ съ описательными и математическими географіями арабовъ мы должны упомянуть и объ ихъ описаніяхъ путешествій.

Мы упомянемъ здѣсь только о двухъ знаменитѣйшихъ путешественникахъ, которые сами описали свои путешествія въ обшир-

---

[1]) Мемуары султана Бабера переведены съ джагатайскаго на англійскій языкъ Лейденомъ и Эрскиномъ. Лондонъ. 1826.

ныхъ сочиненіяхъ, и такимъ образомъ передали потомству богатый матеріалъ географическихъ свѣдѣній.

Ибнъ-Гаукаль, любознательный купецъ изъ Мосуля, жившій въ десятомъ столѣтіи (около 950 г.),—одинъ изъ самыхъ поучительныхъ между старыми арабскими путешественниками. Онъ описалъ свое путешествіе подъ заглавіемъ Мезалекъ-аль-Мемалекъ, т. е. книга столбовыхъ дорогъ восточныхъ царствъ. Обыкновенно это сочиненіе извѣстно подъ латинскмъ названіемъ Itinera et Regia или просто географіи Востока Ибнъ-Гаукаля. Но оно еще до сихъ поръ не издано вполнѣ; извѣстны только извлеченія и отрывки изъ него въ переводѣ [1]).

Ибнъ-Батута, собственно Абу-Абдалла-Магометъ, современникъ Абульфеды, изъ западной Африки, берберійскаго племени, родился въ Танжерѣ, почему и называется эль-Танджи, и получилъ арабское образованіе. Онъ совершилъ самыя обширныя путешествія и говоритъ обо всемъ какъ очевидецъ. По окончаніи изученія корана, онъ началъ свои путешествія въ 1324 г. и продолжалъ ихъ почти безпрерывно 30 лѣтъ сряду. Какъ ученый, онъ находилъ гостепріимный пріемъ у всѣхъ мусульманъ, у ихъ князей и султановъ, во всѣхъ мечетяхъ, высшихъ школахъ (медрессахъ) и гостинницахъ для каравановъ. Онъ путешествовалъ въ качествѣ дервиша, т. е. благочестиваго, кающагося пилигрима. Онъ прошелъ сѣверную Африку отъ Марокко до Египта, а къ югу до Зангебара, и нѣсколько разъ посѣтилъ священный городъ Мекку. Далѣе онъ прошелъ всю переднюю и восточную Азію, всѣ земли арабовъ, персовъ и индійцевъ до Дельги, откуда онъ разъ отправился съ посольствомъ на кораблѣ чрезъ Зундскіе острова въ Китай и возвратился оттуда сухимъ путемъ чрезъ средину возвышенной Азіи въ Бенгалу. На своемъ возвратномъ пути въ отечество онъ посѣтилъ Багдадъ, земли по Евфрату, Сирію, и черезъ Каиро возвратился въ Танжеръ. Оттуда онъ познакомился со всею Испаніею. По вторичномъ возвращеніи домой, онъ началъ новое путешествіе, прошелъ пустыню Сагару, проникъ во внутреннія земли Африки, обитаемыя неграми, и прослѣдилъ теченіе Сенегала, Нигера и Нила до Донголы въ Нубіи.

Возвратившись въ свое отечество по обыкновенной столбовой дорогѣ, послѣ послѣдняго посѣщенія Мекки, онъ, послѣ тридцати

---

[1]) J. Uylenbroek, Dissertatio de Ebn Haucali Geographo. Lugd. Bat. 1822. — Will. Ouseley Mscr., Oriental Geography, London, 1800, долгое время ошибочно принимали за сочиненіе Ибнъ-Гаукаля.

лѣтъ странствованія, положилъ наконецъ свой страннический посохъ и написалъ при Марокkскомъ дворѣ, въ 1354 г., свой дневникъ въ большомъ томѣ, in quarto.

Эта рукопись долгое время оставалась неизвѣстною европейцамъ и даже на книжныхъ рынкахъ Востока списки съ нея считались большою рѣдкостю. Извѣстны были только нѣкоторыя извлеченія изъ нея. Нѣмецкій путешественникъ Буркгардтъ первый сообщилъ изъ Каиро отрывки, богатые содержаніемъ, изъ этой рукописи, — отрывки относительно Нубіи. Зеетценъ послалъ одну рукопись въ библіотеку герцога Готскаго. Оріенталистъ Козегартенъ нашелъ ее въ этой библіотекѣ и составилъ по ней свою диссертацію: De Mohammede Ebn Batuta, Arabe, Tingitano, ejusque Itineribus. Iena. 1818. Второй экземпляръ рукописи Ибнъ-Батуты, списанный его современникомъ и другомъ, Магометомъ-бенъ-Магометомъ изъ Гранады, появился въ 1797 г. на книжномъ рынкѣ въ Фецѣ. Санто Антоніо Мура издалъ ее подъ заглавіемъ: Viagens de Ben Batuta. Lisboa. 1840. Но и эта рукопись неполна. Полное изданіе арабскаго оригинала этой рукописи, съ французскимъ переводомъ и примѣчаніями, составленное по рукописямъ въ Готѣ, Парижѣ и Лейденѣ, вышло на счетъ Société Asiatique, по побужденію Юл. Моля, подъ заглавіемъ: Voyages d'Ibn Batoutah, texte arabe et traduction par C. Defremery et Dr. Sanguinetti. Paris. 1854. Вышедшій прежде, въ 1829 г., англійскій переводъ Ли (Lee) содержитъ въ себѣ лишь извлеченіе, котораго рукописный оригиналъ находится въ Кембриджской библіотекѣ.

Христіанскіе народы западной Европы, при личномъ знакомствѣ съ Востокомъ, во время крестовыхъ походовъ, познакомились ближе съ успѣхами, которые сдѣлало землевѣдѣніе, благодаря распространенію халифата и арабовъ.

Крестовые походы, продолжавшіеся два столѣтія, составляютъ періодъ воинственныхъ и мирныхъ сношеній европейцевъ съ арабами, сирійцами, египтянами, персами, малоазійскими народами и разными племенами турокъ и сарацынъ. Чтобы достигнуть св. земли, крестоносцы должны были дѣлать большіе круги, такъ какъ магометане препятствовали имъ проникать туда прямымъ путемъ. И на возвратномъ пути они часто должны были искать себѣ побочныя дороги. Такимъ образомъ разсказы и описанія крестоносцевъ составляютъ важный отдѣлъ тогдашней скудной литературы. Много тысячъ европейцевъ посѣщали обѣтованную землю и другія страны Востока, правда большею частью какъ воины и пилигримы,

но многіе и какъ торговые люди и мореходцы, — нѣкоторые и съ научнымъ интересомъ. Благодаря возвратившимся въ Европу, особенно рыцарямъ и духовенству, увеличивалось и распространялось мало по малу изученіе Востока и его языковъ. Съ тѣхъ поръ стали переходить къ нѣмцамъ, французамъ, итальянцамъ (венеціанцамъ, генуэзцамъ), британцамъ и къ другимъ европейскимъ народамъ не только міръ басенъ и сказокъ Востока, но и архитектура, поэзія, исторія, беллетристика, ученость, различныя знанія и искусства. Благодаря арабамъ, распространились довольно рано по Европѣ философія Аристотеля, медицинскія свѣдѣнія Гиппократа, высоко уважаемаго арабами, и Галена, фармакологія и фармакопея Авиценны. Арабскій переводъ Птоломея (Батолема) сталъ извѣстенъ въ Европѣ ранѣе оригинала. Отъ арабовъ европейцы приняли ихъ систему чиселъ, вмѣсто римской, ихъ ариѳметику, алгебру, ихъ химію и фармацію, ихъ физическія системы и естественно-научныя познанія, ихъ названія звѣздъ и созвѣздій, равно какъ и нѣкоторыя воззрѣнія изъ астрологіи, — воззрѣнія, господствующія отчасти и понынѣ.

Арабскія познанія передавались не только устно, но и благодаря дорожнымъ дневникамъ рыцарей и богомольцевъ. Странники въ Іерусалимъ довольно рано начали заводить дневники и вписывать въ нихъ свои путевыя замѣтки, въ которыя входили и извѣстія о чудесахъ Востока. Подъ заглавіемъ: Peregrinatio in Terram Sanctam сохранились сотни подобныхъ замѣтокъ, къ которымъ обыкновенно прибавлено въ видѣ дополненія нѣчто въ родѣ космографіи, подъ общимъ заглавіемъ: Mirabilia Mundi. Въ ней говорится о городахъ и странахъ, о Константинополѣ, Египтѣ и пирамидахъ, о Іерусалимѣ и прудѣ Саломона, объ Аравіи и о фениксѣ, о Вавилонѣ съ его висячими садами и стѣнами, объ Индіи и Персіи, о рѣкахъ, горахъ и моряхъ, о народахъ, ихъ нравахъ, обычаяхъ и вѣрованіяхъ.

Писанія эти читались въ монастыряхъ и школахъ за столомъ или въ долгіе зимніе вечера, въ видѣ отдохновенія и поученія. Для народа они вмѣстѣ съ легендами составляли любимѣйшій предметъ разговора. Peregrinationes и Mirabilia Mundi замѣняли въ то время изученіе географіи.

Число подобныхъ сочиненій умножилось въ средніе вѣка до невѣроятности. Древнѣйшій изъ этихъ дорожныхъ дневниковъ относится къ 333 году: Itinerarium a Burdigala ad Terram Sanctam Hierusalem usque (Parthey, Itinerarium Hierosolymitanum. Berol. 1848). Позднѣйшіе, болѣе поучительные дорожные дневники суть: Адамнана,

аббата острова Іоны (705), Виллибальда, епископа Эйхштедтскаго (730), монаха Бернгарда (870), Брокарда (1283), Лудольфа-де-Зухама (1350), Феликса Фабри (1483), Леонгарда Раувольфа (1575). Всѣ они, разумѣется, различнаго достоинства и постепенно переходятъ въ дѣйствительно ученыя описанія путешествій, какъ уже и послѣднія изъ приведенныхъ нами дневниковъ, написанные послѣ крестовыхъ походовъ.

Лѣтописцы крестовыхъ походовъ, какъ Виллельмъ, епископъ Тирскій, Іакобъ Витрійскій, Albertus Aquensis и венеціанецъ Маринъ Санутусъ, оставили весьма важныя географическія сочиненія о Востокѣ, въ которыхъ проглядываетъ исключительно христіанское воззрѣніе. Они собраны въ трехъ фоліантахъ — Gesta Dei per Francos. Hanoviae. 1611. Дорожные дневники собраны у Сигизмунда Фейэрабенда, въ его «Reissbuch des heiligen Landes», 1585—1609 г., Франкфуртъ на Майнѣ, и у другихъ.

Въ третьей части Gesta Dei per Francos венеціанецъ Маринъ Санутусъ приложилъ къ своему сочиненію: Liber Secretorum Fidelium Crucis — первый опытъ географической карты земнаго шара; Іерусалимъ, какъ городъ искупителя, считается на ней центромъ земной поверхности. Тоже воззрѣніе встрѣчается и у Данте, который расположилъ свой Inferno и Purgatorio на столько ниже Іерусалима, на сколько Paradiso поставилъ выше послѣдняго.

МОРСКІЯ ПУТЕШЕСТВІЯ, ПРИКЛЮЧЕНІЯ И ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ОТКРЫТІЯ НОРМАННОВЪ.

Подобно тому, какъ арабамъ мы обязаны самыми важными извѣстіями о Востокѣ и Югѣ, такъ и норманны своими путешествіями и завоеваніями у береговъ сѣверныхъ морей, равно какъ и приключеніями въ отдаленныхъ странахъ, доставили намъ первыя свѣдѣнія о Сѣверѣ и Новомъ Свѣтѣ. Дѣйствительно, норманны первые вводятъ насъ изъ Стараго Свѣта въ Новый. Еще прежде, чѣмъ арабы начали свои завоеванія, норманны, уже въ началѣ шестаго столѣтія, выступили изъ занимаемыхъ ими сѣверныхъ мѣстностей и пришли въ сильное движеніе. Когда и какъ они проникли на отдаленный сѣверъ, покрыто для насъ мракомъ неизвѣстности. Прежде всего видимъ мы, какъ они, разъѣзжая на своихъ кораблахъ, приводятъ въ ужасъ морскими грабежами прибрежья Британскихъ острововъ и Аквитанскаго моря. Откуда они

приходили туда — неизвѣстно. Ихъ нападенія и грабежи сначала записывались только въ церковныхъ и монастырскихъ книгахъ, съ обозначеніемъ года, въ которомъ случилось несчастіе. Эти отважные грабители извѣстны были подъ различными именами, — Дановъ, аскомановъ, викинговъ, гейдовъ (Hethana thioda у фризовъ), остмановъ, исторлинговъ въ Англіи, нордлейдовъ и норманновъ. Ихъ отечество неизвѣстно. Вѣроятно, берега Балтійскаго моря подвергались нападеніямъ со стороны прибрежныхъ жителей Ютландіи, Шлезвига, южной Норвегіи и провинціи Шоны; берега же Сѣвернаго моря, Нидерландіи, Англіи, Ирландіи и Франціи до Испаніи — со стороны жителей Норвегіи и сѣверной Даніи.

Корабли норманновъ были прочно выстроены изъ дубоваго и еловаго дерева. Знакомство съ бурнымъ Сѣвернымъ моремъ принудило ихъ строить не плоскіе корабли, какіе употреблялись на Средиземномъ морѣ, а высокіе, съ палубой, баками и шканцами. Ихъ путешествія по бурнымъ и волнистымъ морямъ доказываютъ искусство ихъ плаванія, а употребленіе паруса свидѣтельствуетъ объ ихъ умѣньи ѣздить и при маломъ вѣтрѣ. Вмѣсто компаса, котораго они не знали, они руководствовались полетомъ священныхъ птицъ. Норманны должны были бороться со множествомъ опасностей, съ бурями сѣверныхъ водъ, съ туманностію неба, съ прибоями волнъ къ скалистымъ берегамъ (шкеры сѣвера) и льдинами. Но вслѣдствіе этого мореплаваніе считалось у норманновъ самымъ благороднымъ занятіемъ. Оно вело къ славѣ и соединяло мореходцевъ для различныхъ цѣлей, — для войны, добычи, богатства, власти и открытій.

Въ 520 г. даны появились въ Аквитаніи, а въ 570 г. они появились на сѣверномъ берегу Австразіи. Лишь впослѣдствіи они сдѣлались бичемъ всей Европы. Въ 732 г. они въ первый разъ высадились въ Англіи, а въ 753 г. — въ Ирландіи. Въ 777 г., къ сѣверу отъ Эйдера, въ Ютландіи, появляется первое Regnum Nortmannorum; оно граничило съ землею Виттекинда, котораго называли Alborum et Saxonum Rex (Chron. Andegav. ad a. 784). Это Regnum Nortmannorum простиралось до южной Норвегіи, но не Швеціи. Въ 780 г. норманны упоминаются, подъ именемъ нордлейдовъ, между фризами и винидами, въ Annales Lobienses; въ томъ же самомъ году многіе изъ этихъ норманновъ приняли, подъ именемъ барденгауэровъ, крещеніе. Въ 782 г. они появляются язычниками, подъ именемъ Nordstrani, на берегахъ Galliae Narbonensis въ Средиземномъ морѣ. Тамъ ихъ принимали то за ев-

реевъ, то африканцевъ, то британскихъ купцевъ. Но Карлъ Великій справедливо призналъ ихъ за враждебныхъ норманновъ и предвидѣлъ въ нихъ будущую грозу франковъ.

Тотчасъ по смерти Карла Великаго (814 г.), который мужественно защитилъ отъ нихъ свои владѣнія, они отправились вверхъ по рѣкамъ, со своими разбойничьими эскадрами. Такъ въ 814 г. они вошли въ устья Эльбы, гдѣ позже (845 г.) разрушили первые зачатки Гамбурга. Въ томъ же году они поднялись по Сенѣ до Парижа, по Рейну до Кёльна и по Мозелю до Трира, котораго они осадили. Такимъ образомъ они проникали внутрь многихъ странъ, гдѣ они встрѣчали слабое противодѣйствіе, забирали добычу, предавали огню жителей и дома, и возвращались на родину или въ укрѣпленія и военныя квартиры на островахъ и другихъ удобныхъ для защиты пунктахъ. По смерти короля Эгберта (836 г.) они ежегодно нападали на Англію, которую и покорили въ 851 г. Отсюда ихъ морскіе короли отправлялись для дальнѣйшихъ открытій. Въ 843 г. они посѣтили гавань Нантъ при Луарѣ; въ 844 г. они даже высадились на берегахъ Испаніи въ Андалузіи. Ихъ попытки высадиться въ Астуріи были счастливо отражены. Позднѣе они грозили Лиссабону, объѣхали мысъ Св. Винцента, ограбили Кадиксъ и по Гвадалквивиру направились въ Севиллу, которую они завоевали и совершенно разграбили. Въ 857 г. они напали на Флорентійскій берегъ, разграбили города Луну (у Каррары) и Пизу.

Ахмедъ-эль-Каафъ, арабскій писатель,—арабы въ то время владѣли южными берегами Испаніи, — въ своей Севилльской хроникѣ называетъ вторгнувшихся въ Севиллу варваровъ именемъ Руссы, хотя онъ обыкновенно обозначаетъ ихъ словомъ Мадшусъ, т. е. язычники; предводителями ихъ были два брата: Геріольдъ (Гаральдъ) и Рорикъ (Рюрикъ). Въ 826 г., оба брата приняли крещеніе въ Ингельгеймѣ, въ императорской виллѣ на берегу Рейна, и пожалованы были помѣстьемъ по ту сторону Эльбы.

Этотъ же Рюрикъ (862 г.) съ его храбрыми воинами, варягами, по словамъ лѣтописца Нестора, призванъ былъ славянами для водворенія порядка въ образовавшемся тогда русскомъ государствѣ. Сначала у озера Пейпусъ и въ Новгородѣ, а потомъ и въ Кіевѣ онъ положилъ начало русскому государству, которое получило свое имя не отъ славянъ, а отъ норманнскаго властителя, еще прежде называвшагося Россомъ.

Благодаря удаленію воинственныхъ варяговъ къ востоку, западъ Европы успокоился на нѣкоторое время отъ ихъ набѣговъ. Но

въ 912 г. Ролло съ новыми силами овладѣваетъ частію Нейстріи и дѣлается къ сѣверо-западу низовьевъ Сены герцогомъ Нормандіи и Бретаньи, провозглашая себя вассаломъ короля вестъ-франковъ.

На Средиземномъ морѣ норманны отнимаютъ у арабовъ Сицилію. Послѣ долгой борьбы папа и императоръ признали въ 1130 г. Рожера II первымъ королемъ Сициліи и Апуліи. Такимъ образомъ въ короткое время норманны дѣлаются основателями трехъ сильныхъ государствъ внѣ своей родины, на востокѣ, сѣверѣ и югѣ Европы.

Норманны основываютъ свое господство и на островахъ Атлантическаго океана; имъ мы обязаны открытіемъ Азорскихъ острововъ. Въ XV столѣтіи норманнъ Бетенкуръ признанъ Генрихомъ III, королемъ Кастильскимъ, первымъ вассальнымъ владѣтелемъ Канарскихъ острововъ. Въ 1365 г. норманны поселились уже у устьевъ Сенегала, на западномъ берегу Африки, гдѣ они занимались торговлей.

И отдаленный востокъ не долго оставался имъ неизвѣстнымъ. Норманны, основавшіе при Рюрикѣ, подъ именемъ варяговъ, Русское государство въ Новгородѣ и Кіевѣ, приняли тамъ изъ Константинополя крещеніе (880 г.). Какъ отважнѣйшіе воины своего времени, они вступали въ лейбъ-гвардію византійскихъ императоровъ; оттуда они отправлялись какъ благочестивые христіане въ Іерусалимъ, что̀ доставляло имъ по возвращеніи въ свое сѣверное отечество большія почести.

Много прибрежныхъ земель Европы сдѣлались болѣе извѣстными, благодаря путешествіямъ норманновъ. Углубленіе ихъ внутрь странъ было уже невозможно, вслѣдствіе постепеннаго укрѣпленія континентальныхъ европейскихъ государствъ; только моря оставались еще открытыми для предпріятій мореплавателей. Съ IX и X столѣтій изъ этихъ морскихъ разбойниковъ стали выходить основатели цвѣтущихъ государствъ, открыватели, всемірные плаватели и торговые люди, которые много способствовали успѣхамъ географіи.

Какъ аргонавты на Понтѣ, такъ и норманны на сѣверѣ оставили свои названія потомству. Балтійское или восточное море они называли Аустуръ-Вегъ (Austra Salt), а сѣверное или западное море—Вестуръ-Вегъ; названіе «сѣвернаго» море это получило отъ нидерландскихъ мореплавателей. Слово Ніорва Зундъ (т. е. узкій зундъ) обозначало въѣздъ въ Средиземное море; Фландрію и сѣверную Галлію, населенную валлонами, они называли Валландъ; Романборгъ значило Римъ; Соеркландъ, т. е. земля сарацынъ — Африка; Миклагардъ — Константинополь; Новгородъ — новый

городъ; Грикія, населенная грикирами или гиркирами — Византія; Аустурландія — всѣ земли къ востоку отъ Аустурзальта (Балтійскаго моря), — Остерландія, Эстляндія, Курляндія, Россія. Кире — столица Кіевъ на Днѣпрѣ.

Варяги, составлявшіе византійскую лейбъ-гвардію съ вознагражденіемъ, іорсалафары (странники въ Іерусалимъ) съ своею опытностію и торговые люди съ ихъ барышами, — всѣ возвращались охотно на родину, чтобы тамъ пожинать плоды своихъ путешествій. Такимъ образомъ въ первые же вѣка нашей эры они распространили по отдаленному сѣверу, до Норвегіи, Швеціи и Исландіи, географическія свѣдѣнія, и тѣмъ самымъ возбудили интересъ къ изученію этой отрасли науки, въ которой норманны значительно опередили германскіе народы.

Средняя Европа относительно землевѣдѣнія находилась тогда еще въ совершенномъ невѣжествѣ и занята была междуусобными войнами. Сѣверу напротивъ того очень хорошо извѣстны были Византія, Россія и Азія, и въ руническихъ надгробныхъ надписяхъ тогдашняго времени, до самаго сѣвера Норвегіи и Исландіи, прославляются предъ потомствомъ подвиги умершихъ въ этихъ отдаленныхъ странахъ. Въ Исландіи, около 1000 г., называли тѣхъ, которые не видали свѣта, доморощенными (Hiemfödninge), что въ Фользунговой сагѣ равносильно слову — невѣжды. Самыя почетныя и важныя мѣста въ Исландіи получали только тѣ, которые прославились приключеніями, особенно въ Византіи, и вообще посмотрѣли на свѣтъ. Географическія свѣдѣнія составляли у нихъ необходимость хорошаго образованія. Немудрено, что такіе смѣлые открыватели юга и востока обратились и на сѣверъ и западъ.

Норманскимъ путешествіямъ, начиная съ IX вѣка, мы обязаны открытіемъ самыхъ отдаленныхъ береговъ и группъ острововъ Сѣвернаго моря. Они были ими не только открыты, но большею частію и населены.

Въ 753 г. даны первые высадились въ Ирландіи. Поэтому на ирландскомъ языкѣ слово Danair равносильно слову чужестранецъ. Даны основали государства: Дублинское, Ульстерское и Коннаутское. И на самомъ сѣверѣ Шотландіи (Caithness) образовалось довольно рано норманское государство [1]).

---

[1]) Въ пѣсняхъ Оссіана воспѣваются нападенія морскаго короля Сварана изъ Лохлина (въ Скандинавіи) на Эринъ и Морвенъ (Ирландію и Шотландію) и побѣды надъ нимъ Фингала, короля сѣверной Шотландіи.

Ферберскіе острова открыты были въ 861 г. шайкою норманнскихъ разбойниковъ. Предводители ихъ заняли отдѣльные острова. Названіе свое острова эти получили отъ фааръ, т. е. овцы, которыя были туда переселены, хорошо тамъ расплодились и, благодаря умѣренному климату, могли проводить тамъ зимнее время подъ открытымъ небомъ. Долгое время Ферберскіе острова оставались мѣстомъ пребыванія сѣверныхъ корсаровъ, пока, наконецъ, около 1000 г., не были завоеваны норвежскими королями, которые распространили тамъ христіанство. Изъ этихъ отдаленныхъ временъ уцѣлѣли еще и понынѣ между обитателями этихъ острововъ древне-сѣверныя героическія пѣсни о Нибелунгахъ. Онѣ записаны тамъ Люнгбейемъ и привезены въ Копенгагенъ въ 1817 г.

Группа Шетландскихъ острововъ (Jetland, Hiallaland) открыта была въ 964 г. и съ тѣхъ поръ часто посѣщалась ради ловли сельдей.

Оркадскіе или Оркнейскіе острова (*Ὀρκάδες* у Птоломея), ближайшіе сѣверные острова Шотландіи, замѣчены были уже Юліемъ Агриколой, когда онъ послѣ покоренія Британіи (84 г. по Р. Х.) объѣзжалъ Шотландію. Но они сдѣлались болѣе извѣстными только благодаря норманнамъ. Норманны нашли здѣсь неизвѣстныхъ жителей, частію вытѣснили, частію истребили ихъ и сдѣлались владѣтелями этой группы острововъ.

Гебриды (Ebudæ, *Ἔβουδαι* у Птоломея) открыты были норманнами съ морской стороны, со стороны Ферберскихъ и Оркадскихъ острововъ. Поэтому они и названы были Судуръ-Эръ — южные острова. Въ 893 г. норманны овладѣли островомъ Мона или Мэнъ и основали тамъ особенное царство Мэнъ (Мана, Мона), знаменитое въ исторіи сѣвера.

Открытія норманновъ не ограничились европейскимъ міромъ; они распространились скоро и по Сѣверному Ледовитому морю, за полярный кругъ и до Сѣверной Америки.

Въ 863 г. норвежецъ Наддодъ, отправившись изъ Швеціи, былъ заброшенъ бурею на неизвѣстный дотолѣ большой сѣверный островъ—Исландію. Онъ назвалъ его, по причинѣ высокихъ снѣжныхъ горъ, снѣжною страною (Schneeland). Наддодъ однако не долго оставался на этомъ островѣ. По его слѣдамъ отправился туда другой смѣлый мореплаватель, Гардаръ, объѣхалъ весь островъ и провелъ на немъ цѣлую зиму. Возвратившись во свояси, онъ расхваливалъ страну, которая по его словамъ имѣла и лѣса. Онъ, вѣроятно, говорилъ про южное прибрежье острова, гдѣ климатъ гораздо умѣреннѣе, чѣмъ на сѣверѣ. Это побудило одного предпріимчиваго

шведскаго мореходца, прославившагося уже другими плаваніями, отправиться съ спутниками на этотъ островъ. Снорро-Стурлезонъ, исландскій лѣтописецъ, называетъ этого мореходца Флеке. Чтобы найти путь къ острову, онъ взялъ при отплытіи съ норвежскаго берега трехъ освященныхъ вороновъ, полету которыхъ онъ слѣдовалъ по открытому морю. Такимъ образомъ онъ достигъ, черезъ Шетландскіе и Феррерскіе острова, югозападнаго берега Исландіи, у Сніефельзнеса, близъ Геклы, гдѣ лежитъ старинное мѣстечко Скалгольтъ и гдѣ позднѣе построена была первая церковь въ Бессастадрѣ. Флеке пробылъ на островѣ зиму съ своими товарищами, но нашелъ на сѣверномъ берегу много льдинъ и воротился въ Норвегію (872 г.), потому что страна ему не понравилась. Онъ назвалъ островъ Исландіей (Eisland, ледяная страна). Однако товарищи Флеке распространяли благопріятные слухи объ островѣ. Эти слухи побудили, два года спустя, норвежца Ингульфа и его друга Лейфа отправиться туда на поселеніе. Ингульфъ привезъ съ собою въ Исландію домашнюю утварь, нужные снаряды и скотъ, а Лейфъ — значительныя богатства, пріобрѣтенныя имъ въ Англіи. Ингульфъ, Лейфъ и ихъ товарищи, вмѣстѣ съ другими, вскорѣ послѣдовавшими за ними норвежцами, сдѣлались родоначальниками исландской колонизаціи. Подобно тому какъ нѣкогда сѣверная Африка заселена была въ кароагенскихъ земляхъ лучшимъ и благороднѣйшимъ народомъ съ финикійскаго берега, подобно тому какъ Италія, подъ именемъ Magna Graecia, превратилась вскорѣ, вслѣдствіе переселенія изгнанныхъ партій изъ республиканской Греціи, въ самые цвѣтущіе города и провинціи, которыя сдѣлались убѣжищемъ философіи, наукъ и искусствъ, подобно тому, наконецъ, какъ магометанство приняло самое блистательное развитіе и пожинало самые богатые плоды въ своей сѣверо-западной колоніи, въ южной Испаніи, — точно такимъ же образомъ стала все болѣе и болѣе процвѣтать юная колонія норвежцевъ и датчанъ въ Исландіи.

Въ Исландіи не найдено было жителей, такъ что она могла быть занята безъ кровопролитія; это обстоятельство могло также имѣть благопріятное вліяніе на исторію развитія этой страны. Не было нужды ни въ истребительныхъ, ни въ поработительныхъ войнахъ. Только на двухъ-трехъ прибрежныхъ мѣстахъ острова нашли слѣды прежнихъ пришельцевъ, по которымъ заключили, что, вѣроятно, ирландскіе мореходцы нѣкогда заброшены были туда. Въ этихъ мѣстахъ нашли, какъ полагали, ирландскія письмена, колокола и епис-

конскіе посохи. Но нѣтъ никакихъ болѣе точныхъ свѣдѣній объ этой неудавшейся колонизаціи. Безпорядки въ метрополіи дѣйствовали благопріятно на процвѣтаніе Исландіи. Въ 875 г. сильный норвежскій король, Гаральдъ Гарфагаръ (красиволосый), силою добился первенства надъ всѣми слабѣйшими норманскими королями, князьями и владѣтелями, и возбудилъ этимъ сильное неудовольствіе. Одновременно съ этимъ событіемъ сдѣлалъ тоже самое Гормъ Старый въ датскихъ земляхъ. Эти событія вызвали сильную эмиграцію и содѣйствовали заселенію отдаленной Исландіи. Большая часть недовольныхъ отправилась туда черезъ океанъ; они предпочитали свободу на сѣверномъ ледяномъ островѣ рабству и подчиненію на родинѣ. Тамъ поселилось множество знатныхъ семействъ, даже княжескія фамиліи со свитами, которыя перенесли съ собою богатство и тогдашнюю высшую образованность. Такимъ образомъ еще до 1000 г. по Р. Х. развилась подъ полярнымъ кругомъ въ Исландіи замѣчательная республика, которая достигла весьма высокаго благосостоянія. Тамъ процвѣтала образованность, далеко превосходившая цивилизацію среднеевропейскихъ государствъ, что̀ и выразилось въ самостоятельномъ развитіи поэзіи, исторіи, географіи, торговли и литературы. Тамъ сохранилось древнее нарѣчіе сѣвернаго языка въ своей чистотѣ и первобытности, тамъ же сохранились и Эдды, религіозныя пѣсни бардовъ, и Саги, занесенныя туда первыми поселенцами изъ ихъ отечества. Исландія сдѣлалась колыбелью весьма важной исторической литературы, замѣчательной по своему богатству и первобытности, — литературы, подобной которой не можетъ указать намъ никакая другая страна.

Исландцы должны были для своего сохраненія сдѣлаться искусными мореплавателями, — это способствовало къ открытію ими обширнаго океана.

Уже въ 877 г. Гунбіорнъ, какъ утверждаютъ, впервые видѣлъ берегъ Гренландіи. Но этотъ берегъ сталъ болѣе извѣстенъ лишь 100 лѣтъ спустя.

Эрикъ Рауде (т. е. красноволосый), исландскій владѣлецъ княжескаго рода, поссорился съ своимъ сосѣдомъ Эйольфомъ Зауромъ, однимъ изъ сильнѣйшихъ владѣтелей въ Исландіи, и убилъ его. За смертоубійство Эрикъ осужденъ былъ на трехлѣтнее изгнаніе. Въ 983 г. онъ и отправился, по тогдашнему обычаю, на кораблѣ въ невѣдомыя страны для новыхъ открытій. Эрикъ слѣдовалъ неопредѣленному сказанію о предшественникѣ своемъ Гун-

біорнѣ, которое гласило, что на западѣ лежитъ еще неизвѣстная страна. Ему удалось достичь, мимо ледяныхъ горъ, длиннаго берега, который онъ объѣхалъ по направленію къ югу до одной изъ южныхъ оконечностей. Объѣхавъ этотъ мысъ, онъ нашелъ бухту и островъ, гдѣ можно было перезимовать. Бухту Эрикъ назвалъ Эриковой бухтой, а мысъ получилъ позднѣе отъ одного изъ поселенцевъ, водворившихся тамъ, названіе Геріольфснесъ. Это мысъ Фаруэль англійскихъ мореходцевъ, Штаатенгукъ голландцевъ,—южная оконечность Гренландіи, которую Эрикъ назвалъ зеленой страной (Grünland), чтобы названіемъ приманить туда поселенцевъ [1]).

Проживъ тамъ двѣ зимы надъ изученіемъ большаго полуострова, Эрикъ возвратился изъ ссылки въ Исландію, хвалилъ свою зеленую страну, ея рощи и рыбныя ловли. Скоро составилось въ Исландіи цѣлое общество колонистовъ для переселенія въ Гренландію. Но изъ 35 кораблей, отправившихся туда въ 986 г. съ людьми, домашнею утварью и скотомъ, благополучно дошли только 14, — въ томъ числѣ корабли Эрика и его друзей Геріольфа и Біарра. Они сдѣлались первыми колонистами, а потомки ихъ—самыми сильными родами Гренландіи. Такимъ образомъ открытъ и населенъ былъ тогда этотъ сѣверный полуостровъ или лучше группа острововъ у его южной оконечности. О прежнемъ населеніи этого полуострова мы ничего не знаемъ, хотя онъ теперь населенъ вплоть до самаго сѣвера довольно отличительнымъ племенемъ.

Исландцы мало по малу занимали восточный и западный берега Гренландіи и такъ размножились, вмѣстѣ съ послѣдующими колонис-

---

[1]) Названіе Гренландія встрѣчается въ лѣтописяхъ сѣвера еще гораздо раньше, именно въ одной папской буллѣ Григорія IV, въ 832 г., во времена Аншара, а также въ посланіи къ нему короля Людовика Благочестиваго. Но здѣсь подразумѣвается другая Гренландія, которая лежала въ норвежской Финляндіи, на востокъ отъ озера Міеса. Позднѣе эта Гренландія смѣшана была несвѣдущими съ западной Гренландіей, — отсюда ложное предположеніе, будто Гренландія извѣстна была уже въ 832 году. Вѣроятно, восточная норвежская Гренландія породила и то ошибочное предположеніе, будто открытыя Эрикомъ бухта и Геріольфснесъ находились на восточномъ берегу большаго полуострова (какъ показано напр. и на полярной картѣ І. Р. Форстера), а не на юго-западѣ. Это фальшивое мнѣніе господствовало цѣлые вѣка и заставило искать пропавшую Гренландію на восточномъ берегу полуострова. Болѣе тщательное изученіе исландскихъ лѣтописей доказало ошибочность этого предположенія. Исландскій судья и историкъ, Снорро Стурлезонъ, описываетъ въ своихъ лѣтописяхъ исторію открытія Гренландіи, подъ 1215 г., немедленно послѣ самаго открытія.

тами, что въ 1124 г. число ихъ составляло одну треть обыкновенной датской епископальной діоцезы. Уже въ 999 г. прибылъ туда изъ Норвегіи первый христіанскій миссіонеръ. Тогда стали возникать тамъ церкви, школы и аббатства, которыя находились въ вѣдѣніи архіепископской діоцезы въ Дронтгеймѣ; эта діоцеза сохранила въ своемъ архивѣ статистику заселенія Гренландіи и древнѣйшую географію страны. Въ 1124 г. Гренландія получила перваго самостоятельнаго епископа въ лицѣ Арнольда.

Гренландскій епископъ посылалъ уже во времена Снорро Стурлезона (1215 г.) и позднѣе до 1400 г. положенную десятину римскому папѣ; въ 1327 г. эта десятина уплочена была моржевыми зубами, in dentibus de Roardo, которые имѣли цѣну наравнѣ съ слоновою костью. Количество ихъ въ этомъ году составляло 2600 фунтовъ (130 лисфунтовъ).

Въ одномъ краткомъ описаніи Гренландіи, принадлежащемъ тринадцатому вѣку, въ ней насчитывается до 15 церквей, изъ которыхъ главная находилась въ Гардарѣ, южнѣе Эрикова залива. Тамъ было мѣстопребываніе епископа. Число дворовъ и поселеній доходило до 280. По другимъ показаніямъ насчитывали до 19 большихъ бухтъ на восточномъ берегу, которыя всѣ были заселены, 12 епархій съ 16 церквами и двумя монастырями. На западномъ берегу Гренландіи заселены были 9 бухтъ съ 4 епархіями и отъ 90 до 100 селами. Въ Гренландіи построены были два города: Гардаръ и Гратталидъ. Ежегодно жители Гренландіи выѣзжали по берегамъ за границы населенной земли, гдѣ ловили рыбу и собирали пловучій лѣсъ. Гренландія вела нѣкоторую торговлю и съ Европой, въ особенности съ Дронтгеймомъ и Исландіею; но она никогда не была такъ часто посѣщаема европейцами, какъ другія колоніи норманновъ. Путешествіе туда всегда было затруднительно; нужно было нѣсколько лѣтъ для путешествія изъ Норвегіи въ Гренландію и обратно.

Въ началѣ пятнадцатаго столѣтія Гренландія вдругъ опять исчезаетъ изъ исторіи.

Въ 1383 году пріѣхалъ въ Норвегію послѣдній корабль изъ Гренландіи съ извѣстіемъ, что тамошній епископъ умеръ уже шесть лѣтъ тому назадъ. Внутренніе безпорядки на Скандинавскомъ сѣверѣ препятствовали тогда сношеніямъ съ Гренландіей. Чужіе (датскіе) правители, управлявшіе Норвегіей, вслѣдствіе Кальмарской уніи, не такъ интерессовались, какъ ихъ предшественники, отдаленными колоніями норманновъ. Въ 1406 г. въ Дронтгеймѣ на-

значенъ былъ послѣдній епископъ для Гардара въ Гренландіи, — это былъ семнадцатый въ ихъ непрерывномъ ряду; онъ и отправился туда въ 1408 г., но не достигъ мѣста своего назначенія; большія массы льда препятствовали ходу корабля и заставили его воротиться.

Съ тѣхъ поръ прекратились всякія сношенія съ Гренландіей, прекратилась и прежняя довольно значительная торговля. Съ тѣхъ поръ только и слышно объ огромныхъ массахъ полярнаго льда, которыя въ продолженіе трехъ столѣтій облегали восточный берегъ Гренландіи отъ сѣвера до юга и дѣлали его недоступнымъ. Къ тому же еще подошла въ 1423 г. ужасно холодная зима на сѣверѣ, за которой послѣдовали голодъ и чума. Норманнская колонія въ Гренландіи, лишенная съ тѣхъ поръ всякой внѣшней помощи, естественно пришла въ печальное состояніе и, вѣроятно, вымерла вся отъ голода и чумы; легко можетъ быть также, что эскимосы, которыхъ слѣды находились прежде лишь на сѣверѣ Гренландіи, двинулись къ югу, напали на обезсиленныхъ чужестранцевъ и такимъ образомъ содѣйствовали ихъ совершенному искорененію.

Въ продолженіи трехъ вѣковъ изрѣдка дѣлаемы были отважными плавателями попытки найти снова забытую Гренландію, но напрасно. Въ 1521 г. Дронтгеймскій архіепископъ Валькендорнъ хотѣлъ отъискать свою забытую діоцезу; но его корабль не достигъ цѣли своего плаванія. Также напрасно отправлялись для новаго открытія Гренландіи корабли датскихъ королей, особенно при Христіанѣ IV (1605 г.), и исландцевъ; они находили только льдины и ледяныя горы, но никакихъ слѣдовъ человѣческихъ жилищъ.

Датчанинъ Магнусъ Геннисенъ извѣстенъ какъ отважный мореходецъ, который увидѣлъ берегъ Гренландіи, но не могъ къ нему приблизиться. Въ 1576 г. капитанъ Мартинъ Фробишеръ посланъ былъ въ Гренландію королевою Елисаветой. Онъ открылъ страну, но нашелъ ее до того недоступною, что воротился въ Англію; однако онъ все таки проѣхалъ 60 морскихъ миль проливомъ, названнымъ по его имени (Frobisher street), и останавливался у многихъ острововъ, гдѣ вступалъ въ сношенія съ жителями. Онъ привезъ съ собой нѣсколько рудъ, изъ которыхъ въ Лондонѣ добывали золото. Въ 1577 году онъ поѣхалъ туда во второй разъ и открылъ на какомъ-то островѣ золотые и серебряные рудники, которымъ далъ различныя названія. Позднѣе отправлена была туда же эскадра изъ 15 кораблей, подъ начальствомъ адмирала Фробишера. Чтобы утвердиться тамъ на одномъ мѣ-

стѣ и обезпечить себя отъ нападеній, онъ везъ съ собою матеріалы для постройки деревянной крѣпости. Онъ захватилъ съ собой столько самородковъ, сколько позволяло помѣщеніе кораблей, но на обратномъ пути долженъ былъ бороться со льдомъ и бурями, почему подобная экспедиція уже болѣе не предпринималась. Эти плаванія ничего не прибавили къ свѣдѣніямъ о Гренландіи.

Гансъ Эгеде (1721 г.), истинный христіанскій проповѣдникъ въ Фаагенѣ, въ южной Норвегіи, первый убѣдилъ своихъ соотечественниковъ вновь отъискать древнюю Гренландію съ ея несчастнымъ, забытымъ норманнскимъ населеніемъ. Страну онъ нашелъ, но норманнскаго населенія въ ней уже не оказалось. Онъ самъ поплылъ туда со всѣмъ своимъ семействомъ, но не достигъ Эриковой бухты, на восточномъ берегу полуострова, куда, судя по времени, онъ надѣялся прибыть, а былъ занесенъ бурями и теченіемъ къ западному берегу южной оконечности, — именно туда, гдѣ безспорно предки норманновъ основали свои первыя поселенія. Но норманнскаго населенія, какъ мы уже сейчасъ сказали, онъ тамъ не нашелъ, а нашелъ новый народъ — эскимосовъ, которые не могли ему дать никакихъ свѣдѣній о прошедшемъ. Гансъ Эгеде отъискалъ на западномъ берегу отъ 90 до 110 развалинъ древнихъ жилищъ. Послѣдующія разъисканія значительно увеличили число этихъ развалинъ; между ними найдены и развалины церквей и гробницъ съ руническими надписями, такъ что не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что самая большая колонія норманновъ находилась на юго-западномъ берегу Гренландіи. Сначала предполагали, что они только оттѣснены были на восточную сторону полуострова, и потому, не смотря ни на какія опасности, перешли дикія ледяныя и снѣжныя горы, раздѣляющія оба берега полуострова, выдавшагося далеко на югъ. Но какъ на восточномъ берегу не нашлось никакихъ слѣдовъ населенія, то съ большимъ сожалѣніемъ должны были отказаться отъ надежды вновь отъискать здѣсь остатки древняго епископства Гардаръ.

Гансъ Эгеде оставался на западномъ берегу полуострова, при всевозможныхъ неудобствахъ жизни, съ 1721 до 1735 года, занимаясь обращеніемъ въ христіанство эскимосовъ, которые вскорѣ стали уважать его какъ отца и благодѣтеля. Онъ сдѣлался апостоломъ гренландцевъ и съ нимъ начинается болѣе подробное географическое знакомство съ Гренландіею, которая съ тѣхъ поръ стала датскою колоніею. Гернгуты также основали тамъ свои колоніи и продолжали заниматься крещеніемъ гренландцевъ. Они распро-

странились до Упернавика, подъ 72°55′ с. ш. и много сдѣлали для развитія гренландцевъ. Датчане устроили тамъ свои рыбныя ловли и торговыя конторы.

Всѣ позднѣйшія попытки пробраться черезъ огромные ледяные валы между Исландіею и восточнымъ берегомъ Гренландіи оставались безплодными до 1820 года. Еще съ 1786 до 1789 года датскій фрегатъ подъ начальствомъ внука Эгеде напрасно пытался проникнуть къ восточному берегу полуострова. Лишь въ іюлѣ 1820 года капитану Скоресби, отправившемуся въ тридцатый разъ на своемъ кораблѣ на китовую ловлю, удалось, посредствомъ искуснаго маневра, безъ всякой опасности пробраться черезъ широкій ледяной валъ, постотоянно заграждающій восточный берегъ Гренландіи. Онъ вступилъ на материкъ подъ 74° с. ш., стало быть на 100 миль сѣвернѣе южнаго мыса Фаруэль. Здѣсь онъ не нашелъ ни людей, ни жилищъ, но къ его изумленію страна была гораздо менѣе покрыта снѣгомъ и льдомъ, чѣмъ можно было ожидать при такой сѣверной широтѣ. Скоресби не могъ оставаться здѣсь долго, потому что изслѣдованіе страны не было главною цѣлію его путешествія, но онъ продолжалъ однако свои открытія къ югу, отъ 74° до 69° с. ш.

Въ XV столѣтіи вмѣстѣ съ Гренландіей забыто было и другое великое открытіе. Винландія, сѣверъ Америки, открыта была норманнами приблизительно еще за 500 лѣтъ до Колумба, но она забыта была вмѣстѣ съ Гренландіею, такъ что великій генуэзскій мореплаватель при своемъ посѣщеніи Исландіи могъ услышать о ней лишь смутныя сказанія.

Уже давно между колонистами распространенъ былъ слухъ о существованіи къ юго-западу большой плоской земли, покрытой лѣсами, въ которыхъ Гренландія и Исландія терпѣли нужду. Слухъ этотъ возбудилъ всеобщее вниманіе. Смѣлый исландскій мореходецъ Біарнъ или Біернъ задумалъ переѣхать на жительство къ своему отцу Геріульфу, поселившемуся на южной оконечности Гренландіи. На пути своемъ Біарнъ занесенъ былъ бурями такъ далеко на юго-западъ, что достигъ берега, покрытаго лѣсами, безъ снѣжныхъ и ледяныхъ горъ. Вскорѣ онъ убѣдился, что это не Гренландія. Принимая въ соображеніе данныя о направленіи и продолжительности путешествія Біарна, надо полагать, что онъ былъ занесенъ недалеко отъ нынѣшняго Нью-Іорка (подъ 40° с. ш.), гдѣ берега еще покрыты были тогда густыми первобытными лѣсами. Оттуда онъ отправился на сѣверъ, къ мѣсту жительства отца, у

южной оконечности Гренландіи, куда и прибылъ благополучно. На этомъ обратномъ пути онъ видѣлъ разные берега, описанные имъ такъ характеристично, что въ нихъ нельзя не узнать нынѣшней Новой Шотландіи, Нью-Фундлэнда и Лабрадора.

Немедленно по прибытіи Біарна въ Гренландію, Лейфъ, старшій сынъ Эрика, открывателя Гренландіи, снарядилъ корабль, чтобы отправиться для ближайшаго ознакомленія съ новооткрытой землею. Біарнъ при возвращеніи своемъ домой плылъ съ юга на сѣверъ, т. е. отъ южной оконечности къ Геріольфснесу, поэтому Лейфъ направился для изученія тѣхъ же береговъ отъ сѣвера на югъ. Первый берегъ къ западу, на который вступилъ Лейфъ, былъ безъ травы, плоскій, покрытый большими каменными плитами, тогда какъ внутренность страны представляла горы, покрытыя снѣгомъ и льдомъ. Онъ назвалъ его Геллюландъ (страна каменныхъ плитъ). Въ описаніи этого берега, совершенно непохожаго на Гренландію, нельзя не узнать берега Лабрадора.

Далѣе къ югу достигъ онъ другаго плоскаго берега, покрытаго лѣсами, который былъ уже названъ Біарномъ Маркландъ — лѣсная страна. Полоса бѣлаго песку, окаймлявшая берегъ, служила Лейфу признакомъ, по которому онъ узналъ страну, описанную Біарномъ. Совершенно тотъ же характеръ имѣютъ нынѣшнія Новая Шотландія и Новый Брауншвейгъ, къ югу отъ устья рѣки св. Лаврентія, гдѣ находился островъ, посѣщенный Лейфомъ. Земли эти до послѣдняго времени покрыты были роскошными лѣсами.

Къ югу отъ Маркланда, т. е. къ югу отъ нынѣшняго Бостона, Массачузета и Нью-Іорка, Лейфъ нашелъ третій берегъ, также обильный лѣсомъ, преимущественно корабельнымъ. Его назвали Винландія, потому что тамъ росъ дикій виноградъ. Товарищъ Лейфа, нѣмецъ Тиркеръ, родомъ изъ страны, изобиловавшей виноградомъ, объяснилъ ему и его спутникамъ, что найденныя сладкія ягоды — виноградъ (Wein, Win). Въ Сѣверной Америкѣ до 30 видовъ дикаго винограда; по этой же причинѣ европейскіе переселенцы и теперь еще называютъ одинъ изъ острововъ Сѣверной Америки Martha's Vineyard — виноградный садъ Марѳы. Адамъ Бременскій также упоминаетъ о виноградныхъ лозахъ и о дико растущей ржи этой страны. Найденная у берега рѣка (не Гудсонъ ли? вѣроятнѣе впрочемъ — Таунтонъ въ Родъ-Эйлэндѣ) изобиловала рыбами, особенно сёмгой. Климатъ же былъ до того благопріятный, что рогатый скотъ, привезенный путешественниками, совершенно одичалъ.

На островѣ упомянутой рѣки Лейфъ построилъ себѣ деревянный домъ, въ которомъ прожилъ нѣсколько зимъ. Многіе изъ его соотечественниковъ послѣдовали его примѣру и отправились на корабляхъ для поселенія въ этой пріятной и плодородной странѣ. Торштейнъ прибылъ въ Винландію со всѣмъ своимъ семействомъ, состоявшимъ изъ 25 человѣкъ, а Торфинъ Карлсэфне, очень богатый и знатный исландецъ норманскаго происхожденія, переселился туда съ 70 своими соотечественниками (по Рафну съ 160, прибывшими на трехъ корабляхъ), съ рогатымъ скотомъ и домашнею утварью. Торфинъ Карлсэфне, по смерти Торштейна, женился на его вдовѣ Гудридѣ. Такъ образовалась первая значительная европейская колонія въ Сѣверной Америкѣ.

Подробности трехъ путешествій въ Винландію сохранились въ сагѣ объ этой странѣ.

Описывая свое мѣстопребываніе въ Винландіи, Лейфъ говоритъ, что кратчайшій день продолжался тамъ отъ половины восьмаго утра до половины пятаго пополудни. Показаніе это весьма важно для опредѣленія положенія этой мѣстности; оно строго соотвѣтствуетъ 41°24′10″ ш. и обозначаетъ приблизительно широту 41°26′ Нью-Іорка, Вашингтона, Филадельфіи и Коннектикута. Дѣйствительно, въ Массачузетѣ у Таунтона, текущаго къ югу, на востокѣ отъ Родъ-Эйлэнда, найденъ интересный памятникъ пребыванія тамъ норманновъ, — скала (Writing Rock), покрытая грубыми изображеніями людей и руническими надписями, между которыми ясно сохранилось имя Торфина. Эта скала, покрытая надписями, между которыми сохранилась и надпись «Nam Thorfins», т. е. владѣніе Торфина, даетъ намъ нѣкоторыя довольно точныя понятія о тогдашней обширной и богатой колоніи. На обѣихъ сторонахъ скалы сохранились грубыя изображенія человѣческихъ фигуръ двоякаго вида — однѣ съ продолговатыми лицами, другія съ круглыми головами, какъ эскимосы, гораздо меньше ростомъ и худощавѣе. Норманны приходили въ прикосновеніе съ этимъ народомъ, доставлявшимъ имъ мѣха, но не имѣвшимъ еще никакихъ свѣдѣній о желѣзѣ. Народъ этотъ, который теперь отодвинутъ на нѣсколько сотъ миль далѣе къ сѣверу, норманны въ насмѣшку называли скреллингерами, т. е. обрѣзками людей, карликами. Такимъ образомъ крѣпкія краснокожія племена индійцевъ, которыя европейцы встрѣтили тутъ позже, еще не распространились тогда такъ далеко къ сѣверу. Это переселеніе состоялось позже, когда обитатели центральной Америки вытѣснили краснокожія индійскія племена къ сѣверу, которыя

въ свою очередь сдѣлали тоже самое съ эскимосами, отодвинувъ ихъ еще далѣе къ сѣверному полюсу. Такимъ образомъ это первое открытіе норманновъ въ Америкѣ даетъ намъ и нѣкоторое понятіе о переселеніи народовъ въ этой части свѣта.

Торговля съ Винландіею, мѣхами, строевымъ лѣсомъ и другими товарами, повидимому, приносила выгоды Исландіи. Изъ Винландіи Торфинъ вернулся весьма богатымъ человѣкомъ спачала въ Гренландію, а потомъ въ Исландію, гдѣ купилъ себѣ большое помѣстье въ сѣверномъ округѣ (Syssel) и построилъ въ немъ великолѣпный домъ, въ которомъ и умеръ. Жена его Гудрида отправилась по смерти его на богомолье въ Римъ и вернулась оттуда монахиней. Она умерла въ монастырѣ, построенномъ для нея сыномъ ея, рожденнымъ въ Винландіи, Сиорро-Стурлезономъ, замѣчательнымъ ученымъ и судьей (Lagman) Исландіи [1]). Знаменитый епископъ Торлакъ Рунольфсонъ, первый проповѣдникъ Св. Писанія въ Исландіи, былъ сынъ дочери Гудриды. Такимъ образомъ извѣстіе объ этомъ открытіи довольно рано дошло до Рима, но, къ сожалѣнію, принято было тамъ безъ всякаго участія.

Послѣ этого предпринято было нѣсколько путешествій въ Винландію. Сто лѣтъ спустя послѣ перваго заселенія Винландіи, упоминается объ епископѣ Эрикѣ въ Гренландіи, отправившемся въ 1121 году въ Винландію, съ цѣлью обратить въ христіанство своихъ соотечественниковъ, которые еще были язычниками. Затѣмъ вмѣстѣ съ прекращеніемъ извѣстій о Гренландіи, прекращаются и свѣдѣнія наши о Винландіи, и дальнѣйшая участь этой колоніи остается совершенно неизвѣстною. Мнѣніе, высказанное въ новѣйшее время, будто дикія племена краснокожихъ индійцевъ, обитающія на островѣ Нью-Фундлэндѣ, суть потомки норманновъ, — на томъ основаніи, что они живутъ въ постоянной враждѣ съ эскимосами, — мы должны считать только предположеніемъ.

Такимъ образомъ исландцы еще за 500 лѣтъ до Колумба расширили землевѣдѣніе до Сѣверной Америки. Ихъ потомкамъ недоставало только предпріимчивости и энергіи, чтобы сдѣлаться повелителями сѣверной половины огромной части свѣта. Себастьяну Каботъ, въ 1496 и 1497 годахъ, пришлось вторично открыть для Англіи Нью-Фундлэндъ и близлежащіе берега [2]).

---

[1]) Благородные потомки этого рода существовали долгое время подъ именемъ Торвальдсеновъ.

[2]) Источниками объ открытіяхъ норманновъ служатъ: Thormod Torfäus,

ПЕРІОДЪ ПРОЦВѢТАНІЯ ИТАЛЬЯНСКИХЪ МОРСКИХЪ И ТОРГОВЫХЪ РЕСПУБЛИКЪ.

Арабы познакомили насъ съ тропическими странами Африки вдоль Нигера и Сенегала и съ Востокомъ до Китая, а норманны открыли намъ сѣверъ до Гренландіи и Сѣверной Америки. Благодаря этимъ двумъ народамъ, сдѣлались извѣстными три четверти земнаго шара. Обитатели средней Европы, занятые внутренними войнами, ограничивались небольшимъ пространствомъ своей земли. Невѣжество въ землевѣдѣніи ученой христіанской Европы продолжалось еще нѣсколько столѣтій; открытія арабовъ дошли до нея очень поздно, а открытія норманновъ стали ей извѣстны лишь съ нынѣшняго столѣтія, со времени разработки произведеній исландской литературы. Географія, какъ наука, стала пользоваться этими открытіями со времени реформаціи и возрожденія наукъ вообще, — съ XVI столѣтія. Торговый міръ гораздо ранѣе науки сталъ извлекать пользу изъ географическихъ открытій. Можно было бы убѣдиться въ этомъ однимъ взглядомъ, если бы мы имѣли еще подъ руками карты, сдѣланныя учеными среднихъ вѣковъ для разныхъ значительныхъ особъ. Подобныя карты считались въ свое время чрезвычайною рѣдкостью, на нихъ смотрѣли какъ на драгоцѣн-

---

Groenlandia antiqua seu veteris Groenlandiæ Descriptio. Hafniæ. 1705. — Его же: Historia Vinlandiæ antiquæ. 1705. — Arngrim Ionas, Specimen Islandiæ historicum. — Adam Bremensis, De situ Daniæ, собралъ въ своей исторіи много свѣдѣній о Винландіи, доходящихъ до XI столѣтія. — Langebek, Scriptores rerum Danicarum. T. II, стр. 106.—Islands Landnamabok, hoc est Liber Originum Islandiæ. Havniae. 1774. — Antiquitates Americanæ sive Scriptores septentrionales Rerum ante-Columbianarum in America. Ed. Societas regia Antiquariorum septentrionalium. Hafn. 1837. — Annalen und Memoiren der k. Gesellschaft für nordische Alterthumskunde. Kopenhagen. 1836 и слѣд. — Rafn's, Gamle Geografia. Kopenhagen. 1845. — Entdeckung Amerika's im 10 Jahrh. Переводъ съ датскаго Mohnike. Stralsund. 1838. — Iosua Smith, Discovery of America by Northmen. Lond. 1839. — Hermes, Die Entdeckung von Amerika durch die Isländer im 10 u. 11 Jahrh. Braunschweig. 1844. — Müller, Sagabibliothek. — Отдѣльныя саги: Laxdaela Saga sive Historia de rebus gestis Laxdoliensium. Ex Manuscriptis etc. Hafniæ. 1826. Die Kristni Saga, Historia religionis christ. in Islandiam introduct. Hungurvaka Saga, Historia primorum quinque in Islandia Episcoporum. Heimskringla Saga, ein historisches Werk von Snorro Sturleson im 12 Jahrh. Voluspa Vafthrüdnismal Lacasena. Tirés de l'Edda de Saemund, avec traduit, notes et glossaire, par F. G. Bergmann. Paris. 1838.

ность, число ихъ было весьма ограниченно, — ими владѣли лишь князья и владѣтельныя лица.

Карлъ Великій велѣлъ приготовить для своей библіотеки три серебряныя доски и изобразить на одной — Константинополь, на другой—Римъ, а на третьей—весь извѣстный тогда міръ, въ трехъ отдѣлахъ. Внукъ его Лотаръ, во время войны съ своими братьями, въ 842 г., за недостаткомъ денегъ приказалъ разрѣзать на куски третью доску, какъ самую большую, и раздать войску вмѣсто жалованья.

Въ знаменитомъ монастырѣ въ Сенъ-Галленѣ находилась въ VII столѣтіи Mappa subtili opere. Она еще значится и по каталогу монастырской библіотеки отъ 1000 г., но во время французской революціи пропала безвозвратно.

Въ Туринской библіотекѣ находится очень старинная карта (отъ 787 г.), весьма бѣдная содержаніемъ, съ страннымъ раздѣленіемъ земли на три части, служащая дополненіемъ къ комментарію на апокалипсисъ. Она вырѣзана на мѣди и значится въ каталогѣ Туринской библіотеки Пазини. Туринъ. 1749. Т. I, стр. 28.

Хорошо, что послѣдующія карты приготовлены были на болѣе дешевыхъ матеріалахъ, а то онѣ бы также неминуемо пропали. Пергаментные свитки сохранялись дольше серебряныхъ досокъ.

Генрихъ, Майнцскій каноникъ, нарисовалъ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ на пергаментѣ карту земнаго шара для императора Генриха V. Карта отъ 1265 года, рисованная въ Кольмарѣ на 12-ти пергаментныхъ свиткахъ, для насъ потеряна. Въ 1321 году венеціанскій дворянинъ Маринъ Сануто задумалъ отнять у египетскаго и сирійскаго султановъ прибыльную индійскую торговлю и сталъ проповѣдывать новый крестовый походъ. Къ своему проекту объ этомъ походѣ, весьма тщательно выработанному на основаніи собственныхъ долголѣтнихъ наблюденій на Востокѣ и надѣлавшему много шума въ Римѣ и при дворахъ христіанскихъ государей, онъ присовокупилъ объяснительныя географическія карты земнаго шара, Палестины, Сиріи, Египта и пр. Онѣ сохранились гравированными въ Gesta Dei per Francos Бонгара, собраніе писателей крестовыхъ походовъ. Hanoviae. Т. II, fol. 1611, въ Liber Secretorum Fidelium Crucis. Во всѣхъ этихъ старинныхъ средневѣковыхъ картахъ Іерусалимъ принимается за центръ земнаго шара [1]).

[1]) Эти и другія карты собраны у Іоахима Лелевеля, Atlas Géographique du Moyen Age, Bruxelles, 1850, у Vicomte de Santarem, Essay sur l'histoire de la Cosmographie et Cartographie du Moyen Age, Paris, 1850, и въ собраніи Jomard'a,

Средняя Европа стала дѣлать значительные успѣхи въ землевѣдѣніи лишь съ XIII и XIV столѣтій. Благодаря торговлѣ Италіи съ Востокомъ, мало по малу открыты были и совершенно новые пути сообщенія.

Монгольскія войны въ восточной Азіи въ теченіе 200 лѣтъ имѣли сильное вліяніе на западную Европу. Чингисханъ (1206) и Тамерланъ (1400), своими огромными завоеваніями и основаніемъ новыхъ монархій, потрясли всю Азію и привели въ ужасъ сосѣднюю Европу. Вниманіе европейцевъ, до тѣхъ поръ обращенное лишь на Переднюю Азію и Палестину, устремилось тогда далеко за мусульманскія земли, на центральную и восточную возвышенную Азію, гдѣ имъ представился совершенно новый, дотолѣ неизвѣстный міръ. Ранѣе всѣхъ итальянцы, особенно генуэзцы и венеціанцы, отличились своею предпріимчивостью и проницательностью относительно отдаленныхъ странъ Востока. Впрочемъ отношенія свои съ этими странами они сохраняли въ тайнѣ, такъ что лишь позднѣйшія изслѣдованія показали, что они въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, во время и послѣ крестовыхъ походовъ, вели весьма выгодную торговлю съ Индіей и Китаемъ, черезъ Черное море и Донъ.

Индія всегда снабжала Западъ разными пряностями и различными предметами роскоши и необходимости. До владычества арабовъ торговля съ Индіею производилась черезъ Чермное море, Египетъ и Александрію, которая считалась всемірнымъ рынкомъ между Индіей и Европой; но съ завоеваніемъ Египта халифами, религіозный фанатизмъ уничтожилъ въ немъ всякія сношенія съ христіанскими народами, — и Нилъ съ Александріей опустѣли. Итальянскіе купцы, разбогатѣвшіе отъ перевозки милліоновъ крестоносцевъ и ихъ багажа на Востокъ и пріобрѣвшіе вліяніе въ восточныхъ частяхъ Средиземнаго моря, съумѣли тогда найти другіе пути сообщенія съ Азіей. Пизанцы, генуэзцы и флорентинцы, поселившись въ Константинополѣ и его окрестностяхъ, отправлялись оттуда черезъ Черное море къ Дону, у Кавказа, гдѣ старались пріобрѣсть себѣ господство. Тана сдѣлалась тогда сѣверной Александріей, — главнымъ рынкомъ торговли съ Востокомъ. Флорентинцы и генуэзцы отправлялись оттуда сухимъ путемъ къ Волгѣ, въ Гинтерканъ (Астрахань), оттуда по Каспійскому морю, а потомъ караванами черезъ земли монголовъ въ Китай. Подобное путешествіе отъ Азова черезъ среднюю Азію въ Китай, Камбалу (Пекинъ) продолжалось отъ 11 до 12 мѣсяцевъ.

Флорентинецъ Балдуччи Пеголетти, совершившій такое путе-

шествіе, оставилъ намъ описаніе этого торговаго пути, отъ 1335 г. Въ этомъ описаніи обозначены подробно всѣ станціи и таможенные города, — ясное доказательство, что дорога эта часто посѣщалась. Дорога эта шла отъ Азова, черезъ Гинтерканъ, Органу (Ургенцъ въ Хивѣ), Отраръ (Ташкентъ на Спрѣ), Армалекъ (резиденція монгольскихъ хановъ у верховьевъ Иртыша), Карамуранъ (у желтой рѣки, Гоанго), Кассай (Анинзай, пограничный городъ), въ Камбалу (Пекинъ) [1]).

Смѣлость этихъ путешествій для тогдашняго времени приводитъ насъ въ справедливое изумленіе. Ни одному изъ новѣйшихъ путешественниковъ, не смотря на всѣ старанія, не удалось такое путешествіе черезъ всю среднюю Азію. Эти путешествія значительно расширили географическія познанія о средней, возвышенной и восточной Азіи.

Этимъ путемъ привозили въ Европу китайскіе товары: золото, драгоцѣнные камни, лазурь (Lapis Lazuli), бирюзу, рубины, китайскія краски, лакъ, фарфоръ, чай, ревень, шелковыя и бумажныя матеріи, мѣха, различныя изящныя произведенія и пряности Индіи. Торговля эта сильно обогатила Генуя, Пизу и Флоренцію, которыя сбывали эти товары, какъ свою монополію, сѣверной Ганзѣ, всѣмъ дворамъ южной и западной Европы, особенно же цвѣтущимъ прибрежнымъ городамъ Средиземнаго моря, отъ ла-Таны и Константинополя до Рима, Барцелоны и Кадикса. Торговля эта доставила генуэзцамъ не только большія богатства, но и сильное вліяніе на всемъ Средиземномъ морѣ. Съ паденіемъ Александріи, Константинополь, остававшійся еще долгое время христіанскимъ городомъ, сдѣлался главнымъ складочнымъ мѣстомъ всѣхъ восточныхъ товаровъ, и роскошь достигла въ немъ высшей

---

[1]) Libro dei Divisamenti di paesi e Misure y Pagnini, della Decima e delle altre Gravezze. Lucca. 1766. — M. Chr. Sprengel, Geschichte der wichtigsten geographischen Entdeckungen. Halle. 1792. — Рецензія Абеля Ремюза «Asiae» Murtay, въ которой онъ считаетъ Пеголетти компиляціею, составленною позже Марко-Поло, Одерика и Мандевилля. — Viaggi fatti da Venezia alla Tana. 1543.— Viaggi alla Tana, in Persia, India, in Constantinopoli. Figliuoli di Aldo. 1545. Еще въ 1820 году въ библіотекѣ Riccardi во Флоренціи находился манускриптъ (въ 1827 году его уже не было): Libro dei divisamenti di paesi e misure du Francesco Balducci Pegoletti. Сочиненіе это содержитъ сначала описаніе путешествія автора въ верхнюю Азію и Китай, потомъ свѣдѣнія о торговлѣ итальянскихъ городовъ черезъ Черное море и Азовъ въ Астрахань и Азію, затѣмъ описаніе различныхъ мѣръ и вѣсовъ азіатскихъ странъ, черезъ которыя онъ проѣзжалъ, сравнительно съ мѣрами и вѣсами, существовавшими тогда въ Европѣ.

степени своего развитія. Партія могущественныхъ и богатыхъ генуэзцевъ въ Константинополѣ сильно поддерживала при спорѣ за престолъ императора Михаила (VIII) Палеолога (I). Въ 1261 году онъ силою овладѣлъ Константинополемъ, уступилъ генуэзцамъ предмѣстья Перу и Галату, а вмѣстѣ съ тѣмъ даровалъ имъ важныя торговыя преимущества, которыми они съумѣли воспользоваться съ большою для себя выгодою. Съ этого времени Пера и Галата сдѣлались генуэзскими городами; еще и нынѣ стоитъ тамъ башня генуэзцевъ, господствовавшихъ надъ этими городами и надъ всей Византіей, свидѣтельствуя о тогдашнемъ ихъ величіи и могуществѣ.

Торговая монополія генуэзцевъ вытѣснила изъ Босфора соперниковъ ихъ — венеціанцевъ. Генуэзцы стали господствовать надъ всѣми гаванями Чернаго моря, подобно древнимъ финикіянамъ и милетянамъ. Въ интересахъ своей торговли они вступали въ дружественные союзы со всѣми князьями и владѣтелями этихъ прибрежій, съ царями Арменіи и Трапезунта, съ татарами и монголами. По всѣмъ торговымъ путямъ чрезъ Эрзерумъ въ глубь Персіи, на мѣсто складочныхъ мѣстъ милетянъ, возникли укрѣпленные генуэзскіе торговые города. До сихъ поръ еще сохранилось тамъ много преданій о Castelli Genovesi. Итальянскія названія городовъ въ Крыму и на Азовскомъ морѣ, какъ Ѳеодосія, Каффа, ла-Тана и пр., гдѣ между прочимъ находились обширные монетные дворы генуэзцевъ, также служатъ памятниками этого знаменитаго періода. Отсюда они снабжали и огромную, богатую населеніемъ, императорскую резиденцію Константинополь хлѣбомъ, солью, рыбою и всѣми предметами роскоши Востока.

Владычество генуэзцевъ продолжалось приблизительно до 1406 года, когда всемірный завоеватель Тимуръ (Тамерланъ), предводительствуя фанатическими ордами татаръ, завоевалъ прибрежья Чернаго моря и основалъ Крымское ханство. Съ тѣхъ поръ эта страна закрывается для землевѣдѣнія; Передняя Азія осталась недоступною до настоящаго времени.

Подобнымъ же образомъ развилась и торговля венеціанцевъ.

Венеціанцы, вытѣсненные изъ Чернаго моря завистью генуэзцевъ, принуждены были искать другой путь для торговли съ Индіею, — они должны были стараться пріобрѣсть себѣ господство на южномъ морскомъ пути въ Индію, представлявшемъ еще бòльшія и продолжительныя выгоды, потому что на этомъ пути господствовали менѣе сильные властители, чѣмъ на сѣверномъ пути черезъ Азію.

Они вступали въ дружескія сношенія съ сарацынами, особенно же съ болѣе вѣротерпимыми султанами Сиріи и Египта, не смотря на то, что ихъ за это называли еретиками. Подобно генуэзцамъ, венеціанцамъ удалось пріобрѣсть сильное вліяніе на египетскихъ султановъ въ Александріи, и съ тѣхъ поръ для нихъ открыты были всѣ гавани Сиріи, Египта, Аравіи и Индіи. Съ этого времени начинается обширная торговля венеціанцевъ съ Востокомъ; въ 1229 г. она уже простиралась до Алеппо. Они завоевали острова Кипръ, Кандію и Негропонтъ, основали тамъ сильныя морскія царства и сдѣлались властителями на Средиземнемъ морѣ.

Богатства Индіи стали стекаться въ гавани царицы Адріатическаго моря, — и изъ лагунъ Венеціи стали выростать великолѣпные дворцы. Какъ ни упала теперь Венеція, — видъ ея съ площади св. Марка и теперь еще свидѣтельствуетъ, что здѣсь въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ стекались сокровища Индіи, Передней Азіи, Египта и южной Европы. Еще и теперь передъ великолѣпнымъ дворцемъ дожей и величественнымъ соборомъ св. Марка развѣваются на высокихъ мачтахъ, какъ символъ стариннаго величія, вимпела трехъ царствъ Кипра, Кандіи и Негропонта. Левъ св. Марка покоящійся на колоннахъ гавани древней Александріи, и два колоссальныхъ мраморныхъ льва, сторожившіе нѣкогда гавань Пирей въ Аѳинахъ, суть единственные памятники прошедшаго величія.

Вмѣстѣ съ предметами торговли привозились изъ отдаленныхъ странъ и морей и географическія свѣдѣнія, — и Венеція стала средоточіемъ важнѣйшихъ географическихъ сокровищъ среднихъ вѣковъ. Венеціанцы имѣли свои рынки въ Индіи и Египтѣ, во многихъ мѣстахъ на Средиземномъ морѣ, равно какъ и въ Аугсбургѣ и Нюрнбергѣ. Въ богатой Фландріи и Голландіи они имѣли конторы для своей сѣверной торговли, а въ Александріи — для торговли съ Переднею Азіею и Индіею. Венеція есть родина величайшаго сухопутнаго путешественника среднихъ вѣковъ Марко Поло, величайшаго мореплавателя и открывателя, указавшаго путь португальцамъ, равно какъ и славнаго географа и составителя картъ Фра-Мауро.

Прежде чѣмъ приступимъ къ обстоятельному разсказу о путешествіяхъ Марко Поло, мы должны сообщить нѣкоторыя важнѣйшія свѣдѣнія о священникѣ Іоаннѣ и о Монголіи.

Еще около 300 г. христіанская вѣра проникла въ землю парѳянъ. Григорій, апостолъ Арменій, княжескаго рода, родился на

Араксѣ и принялъ христіанство отъ каппадокіянъ. Изъ его родины и южныхъ береговъ Каспійскаго моря распространились проповѣдники христіанства къ востоку и сѣверу, о дѣяніяхъ которыхъ, къ сожалѣнію, не дошли до насъ достовѣрныя свѣдѣнія.

Когда въ V столѣтіи католическая партія осудила на изгнаніе константинопольскаго епископа Нестора, какъ лжеучителя, то, принужденный покинуть греческую имперію, онъ отправился съ многочисленными своими приверженцами искать убѣжище въ Персіи и средней Азіи. Несторіанцы основали много христіанскихъ общинъ, проникли въ среднюю Азію, Индію и даже въ Китай. Извѣстно напр., что Чингисханъ былъ женатъ на несторіанкѣ. Одинъ изъ епископовъ ихъ, по имени Іоаннъ de Monte Corvino, въ 1305 году перевелъ въ Камбалу Новый Завѣтъ на монгольскій языкъ и обратилъ въ христіанство одного монгольскаго князя. Въ 1326 году богатая армянка выстроила въ Кантонѣ на свой счетъ великолѣпную церковь, по свидѣтельству Epistolae минорита Андрея отъ 1326 года, у Raynaldus того же года, № 30.

Уже во время крестовыхъ походовъ распространены были, благодаря этимъ событіямъ, темные слухи о какомъ-то христіанскомъ князѣ въ средней Азіи, которому приписывали большое могущество и называли священникомъ Іоанномъ. Многіе полагали, что этотъ князь — апостолъ Іоаннъ, продолжающій свое существованіе. Въ тѣ времена господства суевѣрія подобные слухи возбудили сильное любопытство при всѣхъ европейскихъ дворахъ. Всѣ съ жадностью добивались узнать подробности загадочнаго существованія, священника-князя, тѣмъ болѣе что въ немъ надѣялись найти сильную опору для христіанства противъ монголовъ.

Особенно папа Инокентій IV и Людовикъ IX Святой не теряли надежды найти въ мнимомъ священникѣ Іоаннѣ и монгольскомъ князѣ въ восточной Азіи сильную помощь противъ магометанскихъ враговъ въ Передней Азіи. Это было поводомъ цѣлаго ряда миссій и путешествій на Востокъ, и лишь точныя изслѣдованія Марко Поло, участвовавшаго въ такой миссіи, разсѣяли мнѣ о существованіи въ Азіи священника Іоанна.

До Марко Поло, въ XIII столѣтіи, миссіи, посланныя изъ Рима въ возвышенныя страны монголовъ, состояли преимущественно изъ доминиканскихъ и францисканскихъ монаховъ. Они первые сообщили нѣкоторыя географическія свѣдѣнія объ обширныхъ степяхъ монголовъ.

Іоаннъ de Plano Carpini (1246 г.), миноритъ изъ Италіи, по-

славъ былъ со многими товарищами папою Инокентіемъ IV къ Батыю, второму преемнику Чингисхана, въ Капчакъ, откуда онъ отправился далѣе въ верхнюю Монголію къ главному хану Аюку. Онъ пробылъ въ пути 16 мѣсяцевъ. Доминиканецъ Асцелино (1254 г.) проникъ только до восточнаго берега Каспійскаго моря.

Оба они принуждены были ѣздить по казацки верхомъ безъ отдыха по завоеваннымъ монголами степямъ южной Руси, Астрахани и Кавказа, черезъ Днѣпръ, Донъ, Волгу и Уралъ. Монголы извѣстны были тогда въ Европѣ подъ именемъ татаръ, по имени храбрѣйшаго племени между ними — татовъ. Такимъ образомъ обширныя земли восточной Европы и плоской западной Азіи выступаютъ тогда на сцену подъ именемъ Татаріи. Племенное названіе нѣсколькихъ тысячъ татовъ перешло ко многимъ милліонамъ народа. Это воинственное племя, обитавшее первоначально на границѣ Китая, у истоковъ рѣки Гоанго при озерѣ Хухэноръ, находилось всегда въ переднихъ рядахъ монголовъ во время ихъ опустошительныхъ походовъ на Европу. Созвучіе названія таты съ названіемъ ада, тартаръ, было причиною того, что скоро стали смотрѣть на всю толпу монголовъ какъ на исчадіе ада. Всѣ народы средней Азіи и ихъ земли получили съ тѣхъ поръ отъ христіанъ названіе татаръ и Татаріи, хотя монгольское войско составляли два совершенно различныя племена, монгольское и тюркское, вмѣстѣ съ элементами другихъ племенъ, — китайскаго, тибетскаго, персидскаго, финскаго и славянскаго. Между тѣмъ названіе татары, въ бранномъ смыслѣ, означающее въ тоже время и смѣшеніе народовъ, оставалось въ употребленіи въ теченіе среднихъ вѣковъ и до того утвердилось, что до сихъ поръ не вышло изъ употребленія, — подобно тому какъ столь же безсмысленныя и совершенно ошибочныя названія скиѳы у грековъ, тураны у персовъ, варвары у египтянъ, язычники у христіанъ, кафры и геберы у магометанъ до сихъ поръ еще употребляются въ этнографіи для обозначенія народовъ.

Вильгельмъ Рубруквисъ (1253 г.), миноритъ изъ Брабанта, считается третьимъ замѣчательнымъ миссіонеромъ того времени. Когда вѣсть объ обращеніи въ христіанство великаго хана дошла до Парижа, король Людовикъ IX Святой, какъ ревностный христіанинъ, послалъ Рубруквиса выразить великому хану свое глубокое уваженіе. Эта вѣсть оказалась ложною.

Подробнымъ описаніемъ своего путешествія Рубруквисъ значительно расширилъ географическія свѣдѣнія Европы о средней Азіи,

потому что онъ проникъ дальше всѣхъ своихъ предшественниковъ. На пути своемъ черезъ Крымъ онъ открылъ тамъ остатки древнихъ готовъ, языкъ которыхъ онъ, какъ нидерландецъ, легко научился понимать. Онъ перешелъ почти непроходимый Уральскій хребетъ горъ, чрезъ южныя вѣтви его, и познакомился тамъ съ землею паскатировъ (башкировъ). По ту сторону Уральскихъ горъ въ пустыняхъ Монголіи и лѣсахъ позднѣйшей Сонгаріи онъ нашелъ нѣсколько мелкихъ государствъ. Тутъ же онъ нашелъ и много нѣмцевъ, привезенныхъ туда плѣнниками изъ восточной Европы, которые распространяли европейскія искусства и ремесла въ средней Азіи. Какъ рудокопы и оружейные мастера они были тамъ достойно оцѣнены и разсѣялись далеко по горнымъ землямъ. Рубруквисъ проникъ до столицы Каракорума въ верхней Монголіи. Эта столица лежала къ сѣверу отъ Пекина, въ монгольской степи Гоби, недалеко отъ рѣки Онона, гдѣ нынѣ находится Карчинъ, подъ 42°22′ с. ш. Въ то время великій ханъ поручилъ французскому машинисту, Гилльомъ Бушье, сдѣлать въ своемъ лагерѣ искусственный фонтанъ и украсить его серебрянными статуями. Рубруквисъ самъ присутствовалъ при работахъ Бушье.

Всѣхъ своихъ предшественниковъ далеко превзошелъ благородный венеціанецъ Марко Поло. Лишь въ позднѣйшее время съумѣли оцѣнить значеніе и точность сообщенныхъ имъ данныхъ и справедливо назвали его Геродотомъ среднихъ вѣковъ. Прежде его обвиняли въ преувеличеніяхъ. Соотечественники прозвали его Il Millione, потому что многія цифры въ его описаніяхъ казались имъ слишкомъ невѣроятными.

Сочиненіе Марко Поло долгое время было въ Европѣ единственнымъ руководствомъ по географіи Азіи, — оно привлекало всѣхъ своими новостями и своими Mirabilia Mundi. Многіе изъ его разсказовъ объ Индіи и Китаѣ, считавшіеся прежде преувеличенными, подтверждены были впослѣдствіи его послѣдователями въ этихъ земляхъ — португальцами. Правдивость его все болѣе и болѣе доказывалась съ каждымъ новымъ изслѣдованіемъ оригинальныхъ источниковъ.

Марко Поло отправился вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, Николаемъ, и дядей, венеціанскими патриціями и купцами, ко двору монгольскаго хана. Вмѣстѣ съ ними отправилось туда и нѣсколько проповѣдниковъ. Марко Поло вскорѣ сдѣлался любимцемъ хана Кублая, легко изучилъ языки восточныхъ народовъ Азіи и провелъ, большею частію въ свитѣ хана, 26 лѣтъ (1272—1298) въ путеше-

ствіяхъ по этой части свѣта. Его храбрость и знаніе военнаго искусства скоро доставили ему славу, почести и важное значеніе. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ (1275—1279), во время великаго завоеванія Китая, онъ особенно участвовалъ въ осадѣ большихъ и укрѣпленныхъ городовъ, — искусство, въ которомъ монголы не были опытны, но хорошо знакомое венеціанцамъ. Марко Поло умѣлъ даже строить метательныя и другія боевыя машины. При его помощи два большія китайскія царства на сѣверѣ и югѣ, Катай и Ма-Хинъ, превращены были въ одну нераздѣльную монгольскую монархію. Столицею этой монархіи, съ 1280 г., сдѣлался Пекинъ, неподалеку отъ прежней столицы Камбалу (Ханъ-Балу или Балкъ, т. е. ханскій городъ).

Такимъ образомъ Марко Поло первый въ состояніи былъ описать Китай съ его милліонами жителей, съ его громадными и многочисленными городами съ сотнями тысячъ жителей, съ его богатствами, произведеніями искусствъ и драгоцѣнностями, которымъ не могли вѣрить въ его отечествѣ. Онъ дѣйствительно составилъ первую обстоятельную географію Китая, приводя часто цитаты изъ туземныхъ писателей. Онъ первый сообщаетъ и нѣкоторыя свѣдѣнія о восточной группѣ многочисленныхъ и большихъ Ципангскихъ или Іипенскихъ (Японскихъ) острововъ. Марко Поло не безъизвѣстна была группа богатыхъ и цвѣтущихъ острововъ Восточнаго океана, которая, 200 лѣтъ спустя, сдѣлалась предметомъ стремленій Колумба, думавшаго достигнуть ее вмѣстѣ съ Aurea Chersonesus (*Χρυσῆ* Птоломея) по западному пути. Монгольскій ханъ задумалъ овладѣть этой группой острововъ, но буря помѣшала ему привести свое намѣреніе въ исполненіе.

Благодаря постояннымъ походамъ сухимъ путемъ, Марко Поло изучилъ обширныя завоеванныя земли Катая и Монголіи, отъ Хины до Арменіи. Онъ сопровождалъ хана и въ походахъ его на югъ въ царства Таргутъ, Тибетъ (Тебетъ) до Міена (Пегу). Поэтому мы у Марко Поло находимъ первыя извѣстія о Тибетской плоской возвышенности. Эта страна уже разъ опустошена была Чингисханомъ, но теперь въ ней утвердился ламаизмъ, какъ слѣдствіе буддизма, съ своимъ священствомъ и полубогомъ на землѣ Далай-Ламой, которому поклонялись и монголы. Такимъ образомъ Марко Поло разъяснилъ монгольское идолопоклонство, и миѳъ о священникѣ Іоаннѣ въ Азіи долженъ былъ потерять всякое значеніе; но онъ такъ сильно вкоренился въ понятіяхъ тогдашнихъ христіанъ, что скоро воскресъ въ Африкѣ.

Марко Поло узналъ въ Пегу и названіе передней Индіи; онъ первый называетъ ее Бангала (Бенгалъ), разсказываетъ про ея жрецовъ абрагамовъ (браминовъ), про ея пряности, ловлю жемчуга и пр.

Возвращаясь въ 1292 г., послѣ разныхъ приключеній, съ китайскимъ флотомъ на западъ, онъ познакомился и съ Зундскими островами, Явой, Суматрой, Борнео, Целебесомъ, съ Молуккскими островами и полуостровомъ Малакка, населеннымъ малайцами. Такимъ образомъ найдены были настоящія границы Aurea Chersonesus Птоломея и повѣрены его предположенія о 1000 Зундскихъ острововъ. Марко Поло описываетъ произведенія и достопримѣчательности всѣхъ этихъ мѣстъ. Онъ посѣтилъ и островъ Цейлонъ съ своимъ флотомъ изъ 14 кораблей, а потомъ высадился въ Персидскомъ заливѣ, потому что ханъ Кублай поручилъ ему привести китайскую принцессу въ невѣсты тогдашнему монгольскому хану на персидскомъ престолѣ.

Основываясь на показаніяхъ арабскихъ мореходцевъ и писателей, Марко Поло описываетъ и восточный берегъ Африки. Онъ упоминаетъ о воинственномъ племени Зенгви, отъ котораго получили свои названія берегъ Зангебаръ и прилежащіе острова. Онъ первый говоритъ объ островѣ Малагашѣ или Магастарѣ (нынѣшнемъ Мадагаскарѣ) и о земляхъ, населенныхъ неграми, лежащихъ за нимъ, утверждая, что ихъ можно объѣхать. Такимъ образомъ онъ первый послѣ Геродота снова указываетъ на возможность обогнуть южный берегъ Африки, хотя это предпріятіе исполнено было лишь 200 лѣтъ спустя. Марко Поло сообщаетъ весьма важныя свѣдѣнія и о нынѣшнемъ Габешѣ; онъ называетъ страну— Абасціа, въ которой, по его показанію, господствовалъ христіанскій царь. Весьма вѣроятно, что онъ узналъ эту новость, приведшую въ восторгъ европейскихъ христіанъ, въ Іерусалимѣ, куда абиссинскіе христіане, повидимому, постоянно стекались, какъ и теперь, на поклоненіе гробу Господня. Съ тѣхъ поръ христіанскій Габешъ, среди язычниковъ и мусульманъ, обратилъ на себя вниманіе европейцевъ и указалъ впослѣдствіи португальцамъ путь къ открытію внутренней эѳіопской Африки, подобно тому какъЦипангу и земли негровъ на югъ отъ Мадагаскара указали новыя цѣли позднѣйшимъ мореплавателямъ.

Марко Поло сообщаетъ самыя поучительныя свѣдѣнія о всѣхъ этихъ странахъ Азіи и Африки, до сѣверной Сибири, гдѣ онъ описываетъ тунгузовъ и бурятовъ у Байкала. Нельзя не удив-

ляться огромнымъ познаніямъ и многочисленности наблюденій, сдѣланныхъ этимъ человѣкомъ. Если въ его разсказахъ и встрѣчаются нѣкоторыя басни и ложныя показанія относительно величины и положенія мѣстъ, то стоитъ только подумать о времени, когда онъ собиралъ всѣ эти свѣдѣнія, — и намъ все-таки нельзя будетъ не удивляться его проницательности. Къ сожалѣнію, многія изъ его извѣстій, особенно названія мѣстъ, искажены невѣжественными переписчиками.

Вскорѣ послѣ возвращенія Марко Поло на родину, въ 1298 г., возгорѣлась война между венеціанцами и генуэзцами, соперниками по торговлѣ съ Востокомъ. Въ одномъ морскомъ сраженіи, въ которомъ онъ отличился храбростью, онъ былъ захваченъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ адмираломъ Дандоло, и отвезенъ въ Геную. Во время своего заточенія, говоритъ первый его латинскій переводчикъ, онъ описывалъ свое путешествіе, т. е. диктовалъ это описаніе заключенному вмѣстѣ съ нимъ пизанцу Рустижіело. Это описаніе написано было на венеціанскомъ діалектѣ. Первое изданіе его вышло въ Венеціи, въ 1496 г., подъ заглавіемъ: Marco Polo Veneziano delle Maraviglie del Mondo da lui vedute. Но еще далеко прежде появился во многихъ рукописныхъ экземплярахъ французскій (провансальскій) переводъ этого сочиненія, который графъ Балделли Бони считаетъ оригинальнымъ сочиненіемъ на романскомъ діалектѣ. Уже въ 1320 г. сдѣланы были съ этихъ рукописей два латинскіе перевода. Съ этихъ переводовъ списано было множество копій, при чемъ невольно вкрались въ нихъ многія ошибки. Въ 1477 г. вышли въ Нюрнбергѣ и Вѣнѣ два нѣмецкія изданія, а въ 1502 г. напечатано было въ Лиссабонѣ первое португальское изданіе. D'Avezac также старался доказать, что Марко Поло первоначально писалъ на французскомъ (романскомъ) языкѣ [1]).

---

[1]) Un mot sur la langue en laquelle M. Polo a écrit son Original, въ Bulletin de la Société de Geogr. Paris. 1841. Томъ XIII, стр. 319 и томъ XIV, стр. 189. Лучшія итальянскія изданія: въ Giov. Baptist. Ramusio, Raccolte delle Navigationi. Venetia. 1583. T. II. По флорентійской рукописи: Il Millione di Messer Marco Polo Veneziano. Ed. illustrata e commentata da Conte Giov. Batt. Baldelli Boni, съ Storia dell' Asia въ видѣ введенія. Firenze. 1824. По рукописи люцернской библіотеки: Viaggi di M. Polo. Vincenzo Lazari и Ludov. Pasini. Venezia. 1847. Лучшее латинское изданіе по самому старинному латинскому манускрипту на пергаментѣ въ Берлин. королев. библіотекѣ: Marci Pauli Veneti de Regionibus orientalibus libri tres. Ed. Müller. Berol. 1671. На старо-французскомъ языкѣ: Voyages de M. Polo, Paris, 1824, въ Recueil des Mem. et Voy. publiés par la Soc. de Géogr. de Paris,

Обратимся теперь къ великому венеціанскому мореплавателю и открывателю.

Алоизо да-Кадамосто, венеціанскій патрицій, жилъ въ срединѣ XV вѣка. Онъ имѣетъ такое же значеніе относительно западной Африки, какое Марко Поло имѣетъ относительно восточной и южной Азіи.

Будучи 22-хъ лѣтъ отъ роду, Кадамосто отправился, въ 1454 г., на кораблѣ изъ Венеціи во Фландрію, тогдашній сборный пунктъ предпріимчивыхъ венеціанцевъ. Противные вѣтры задержали его корабль у мыса св. Винцента, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ остановиться у югозападной оконечности Европы, гдѣ былъ очень ласково принятъ патрономъ всѣхъ мореходцевъ, принцемъ Генрихомъ португальскимъ, въ его замкѣ Villa Raposera. Въ 1455 году онъ былъ въ Лиссабонѣ и, побуждаемый Генрихомъ, отправился оттуда для новыхъ открытій. Онъ поѣхалъ мимо почти неизвѣстныхъ тогда Мадеры и Канарскихъ острововъ къ мысу Біанко. Оттуда начинаются его собственныя открытія. Онъ открылъ острова Зеленаго мыса, обогнулъ этотъ мысъ и открылъ Сенегалъ, знаменитую рѣку негровъ. Въ 1456 году онъ возвратился въ Лиссабонъ и послалъ оттуда извѣстіе о своемъ открытіи въ Венецію.

Въ томъ же году онъ отправился въ морское путешествіе во второй разъ, по приказанію своего покровителя, инфанта Генриха, и открылъ рѣки Гамбію, Ріо-Гранде и весь материкъ до Золотаго берега. Такимъ образомъ Кадамосто первый между венеціанцами проѣхалъ на югъ отъ Гибралтара, вдоль материка, до экватора.

Послѣ этого Кадамосто остался въ Португаліи, странѣ большихъ морскихъ предпріятій, гдѣ открыто было обширное поприще для морскихъ открытій. По временамъ онъ посѣщалъ свою родину и сообщалъ своимъ соотечественникамъ пріобрѣтенныя имъ свѣдѣнія о новыхъ земляхъ. Особенная заслуга Кадамосто состоитъ въ томъ,

---

Т. I., гдѣ сличены 9 манускриптовъ. Лучшее англійское изданіе знаменитаго оріенталиста Will. Marsden'a, который самъ былъ долгое время губернаторомъ въ Суматрѣ, съ прекраснымъ комментаріемъ: The Travels of Marco Polo. London. 1818. Изданіе ученаго кардинала Placido Zurla: Di Marco Polo e degli altri Viaggiatori Veneziani. Venezia. 1819. Старинный нѣмецкій переводъ Пеллегрини (1802) нынѣ замѣненъ хорошей разработкой и переводомъ путешествій Марко Поло А. Бюрека, Лейпцигъ, 1845, съ прибавленіями и объясненіями Нейманна (синолога). Dei Viaggiatori Veneziani Frammento inedito del Marco Foscanti della Litteratura Veneziena. Venezia. 1854.

что онъ первый между португальскими мореходцами, открывшими Африку и объѣхавшими ея западные берега, составилъ и обнародовалъ описаніе своего путешествія. Дневникъ его плаванія есть единственное подлинное сочиненіе первыхъ открывателей Африки. Онъ разсказываетъ не только о собственныхъ своихъ путешествіяхъ, но и о путешествіяхъ своихъ португальскихъ предшественниковъ. Онъ составилъ свои путевые отчеты о золотоносныхъ земляхъ негровъ на венеціанскомъ діалектѣ [1]).

Фратеръ Маурусъ, знаменитый венеціанскій составитель географическихъ картъ, былъ камальдуленскимъ монахомъ и жилъ въ монастырѣ св. Михаила ди-Мурано. О жизни его мы ничего не знаемъ, — извѣстенъ только годъ его смерти (1459). Въ свое время онъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ Fra Mauro, Cosmographus incomparabilis.

Венеція была, какъ мы уже сказали, высшей школой возродившихся географическихъ и историческихъ наукъ, центромъ всемірной торговли и извѣстій мореплавателей и сборнымъ пунктомъ всѣхъ путешественниковъ. Въ то же время стали тамъ процвѣтать искусства, скульптура, живопись, рѣзьба на деревѣ и мѣди, и разныя ремесла. Венеція славилась знаменитѣйшими писцами манускриптовъ и миніаторами, украшавшими пергаментные листы различными изображеніями. Художественное письмо и миніатурная живопись были началомъ лучшей картографіи; географическія карты тогдашняго времени были отчасти и картинами. Камальдуленскіе монахи были самыми лучшими художественными писцами и миніаторами (Scriptores и Miniatores). Дожи и дворяне республики гордились драгоцѣнными художественными произведеніями, хранившимися въ ея дворцахъ. Дѣйствительно, въ библіотекахъ Венеціи собрано было множество драгоцѣнныхъ манускриптовъ и книгъ. Библіотека св. Марка занимаетъ въ исторіи новѣйшей литературы одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ. Тамъ сохранялись ландкарты, какъ важныя научныя художественныя произведенія. Для изученія исторіи картографіи необходимо ознакомиться съ библіотеками и музеями Венеціи. Нигдѣ не находится столько рѣдкихъ

---

1) Они напечатаны въ Виценцѣ, 1507. — Navigatio ad terras ignotas Aloysii Cadamusti въ Simon Grynaeus Novus Orbis. Basil. 1532. — Mondo novo или Navigazioni di Aloise da Cadamosto въ сборникѣ Рамузіо. Venet. 1583. — Первое изданіе на нѣмецкомъ языкѣ: Unbekannte Leute und eine neue Welt in kurz vergangenen Zeiten erfunden. Nürnberg. 1508.

рукописныхъ ландкартъ, какъ въ Венеціи; вмѣстѣ съ тѣмъ находятся тамъ и рукописныя объясненія и описанія этихъ картъ. Изъ этихъ рукописей почерпали много матеріаловъ для своихъ сочиненій по исторіи литературы Тирабоски, Тоальдо, Формалеони, Морелли, Цурла, Марити, Фоскарини, Филати и др. Венеціанцы уже довольно рано имѣли свои Mappe Mondo, общія и спеціальныя ландкарты разныхъ странъ, равно какъ и копіи съ персидскихъ и арабскихъ картъ материковъ и морей. Въ Венеціи находились также и лучшіе манускрипты Птоломея изъ библіотекъ Египта и Константинополя, равно какъ и копіи съ картъ Агатодемона. Венеціанскіе путешественники, какъ Марко Поло, Кадамосто и др., сами рисовали свои карты въ Венеціи. Съ тѣхъ поръ конечно много уже потеряно, но много драгоцѣнностей хранится еще въ музеяхъ Лондона и Парижа. Венеціанцы, подобно древнимъ, особенно цѣнили карты мореходцевъ и перипы. Прежде всего они обнародовали описанія гаваней, — такъ называемые Portolani. Первое описаніе этого рода появилось въ Венеціи въ 1440 г. Описанія острововъ они называли Isolarii; первый Isolarium, составленный Джіованни Бембо объ островахъ греческаго архипелага, принадлежитъ къ 1473 г. Въ Венеціи стали составлять такъ называемые Raccolte, сборники путешествій, между которыми особенно замѣчательны сборники Рамузіо и Фраканцано, за которыми послѣдовали Recueils и Collections французовъ и англичанъ и Reissbücher нѣмцевъ.

Не мудрено, если при такихъ обстоятельствахъ Венеція сдѣлалась географической школой и для иностранцевъ. Фламандцы, португальцы и нюрнбергцы отправлялись за географическими свѣдѣніями къ венеціанскимъ учителямъ; вмѣстѣ съ упражненіемъ въ картографіи, иностранцы занимались тамъ математикой и наукой мореплаванія, собирали астрономическія, наутическія и географическія свѣдѣнія о землѣ и изучали миніатюрную живопись. Между нѣмецкими учениками венеціанскихъ учителей особенно замѣчателенъ Альбрехтъ Дюреръ. Alberti Dureri Opera. Norimb. 1527. и Arnem. 1604 служатъ тому свидѣтельствомъ. Великолѣпный глобусъ, съ надписью Mappa Mundi, вырѣзанный Дюреромъ на деревѣ (1515) къ космографіи астронома и математика Стабія, безспорно замѣчательное произведеніе искусства. Знаменитѣйшій неаполитанскій картографъ Граціозусъ Бенинказа подписывалъ (1471) на своихъ картахъ: Composuit Venetiis, чтобы этимъ придать имъ большую цѣну.

Между тогдашними художниками выше всѣхъ стоялъ Фра-Мауро, считавшійся вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшимъ знатокомъ геогра-

фическихъ открытій. Лучшіе труды свои онъ предпринялъ для республики Венеціи и для португальскаго короля Альфонса V, при которомъ начались великія открытія португальцевъ въ Новомъ Свѣтѣ. Фра-Мауро составилъ двѣ большія Mappe Mondo, изъ которыхъ одна до сихъ поръ еще хранится въ венеціанскомъ дворцѣ дожей, — самое замѣчательное картографическое произведеніе среднихъ вѣковъ. Второй экземпляръ отправленъ былъ въ Португалію, гдѣ онъ отчасти указалъ путь къ открытію обѣихъ Индій, — Остъ-Индіи, мимо Африки, Вестъ-Индіи и Америки, черезъ Атлантическій океанъ. Дѣйствительно, на этихъ картахъ были уже нѣкоторыя указанія для морскихъ открытій Васко де-Гамы и Христофора Колумба. Фра-Мауро работалъ надъ этими картами въ послѣдніе годы своей жизни (1457—1459). Исторія этихъ художественныхъ произведеній записана въ книгахъ монастыря св. Михаила. Въ этихъ книгахъ указаны всѣ приготовительныя работы для составленія этихъ картъ, поименованы рисовальщики и писцы и даже записана сумма, истраченная на краски и листовое золото. Трудъ этотъ предпринятъ, сказано въ этихъ книгахъ, въ честь республики и назначенъ для публичной выставки во дворцѣ, — a contemplacion di questa illustrissima Signoria, какъ написано на рамѣ. За карту, оставленную въ Венеціи, вычеканена была республикою въ честь Фра-Мауро медаль. Подъ портретомъ его написано Cosmographus incomparabilis.

Эта карта и теперь еще составляетъ одно изъ главныхъ украшеній дворца дожей. Она имѣетъ шесть футовъ вышины и семь футовъ ширины и вставлена въ золотую раму, въ углахъ которой изображены четыре системы міра древнихъ. Самая карта нарисована лучшими красками и написана золотымъ шрифтомъ. Она имѣетъ не круглую, а эллиптическую форму, по примѣру Птоломеевыхъ таблицъ. Протяженіе ея отъ востока къ западу больше, чѣмъ отъ сѣвера къ югу. Фра-Мауро зналъ систему Птоломея, но убѣжденъ былъ въ ея недостаточности для новѣйшихъ открытій; онъ оставилъ прежнее дѣленіе на градусы, но самъ не былъ въ состояніи составить самостоятельную градусную сѣть. Онъ изображаетъ лишь пространства земель, не обращая вниманія на ихъ раздѣленія. Но это изображеніе, весьма неудовлетворительное, выполнено имъ съ удивительнымъ тактомъ и точностію и поразительною полнотою матеріала. Фра-Мауро сопоставляетъ древнія названія вмѣстѣ съ новѣйшими, указывая такимъ образомъ на сравнительную географію. Къ новѣйшимъ названіямъ почти всюду прибавлены примѣчанія на простонародномъ венеціанскомъ нарѣчіи. Карта Фра-Мауро представ-

ляетъ полнѣйшую критически разработанную планисферу до открытія Новаго Свѣта. Она содержитъ въ себѣ три части Стараго Свѣта, со множествомъ островковъ, которые, за недостаткомъ мѣста и точныхъ свѣдѣній о разстояніяхъ, скучены по краямъ. Открытія Марко Поло въ Азіи указаны на этой картѣ до дальняго Востока, до Катая, у самаго края карты. На сѣверѣ находится Пермія (земля самоѣдовъ), на сѣверозападѣ Скандинавія и Иксландія (Нордкапъ и Исландія), на западѣ Испанія и Берзилія (Азорскіе острова), на югозападѣ Зеленый мысъ и Сенегалъ, на югѣ южный мысъ Африки съ Софалой, на юговостокѣ Цейлонъ, Суматра и Ява. Кругомъ — огромный океанъ; нѣтъ и слѣдовъ старинной сказки о южной полярной странѣ или, по Птоломею, о Mare Indicum, замкнутомъ Aurea Chersonesus. Въ тоже время указана возможность морскаго пути на западъ отъ острововъ. Центръ планисферы обозначенъ металлической дощечкой, между Халдеей, Ассиріей и Месопотаміей, въ Арменіи у Арарата, откуда распространился человѣческій родъ послѣ потопа. Такимъ образомъ историческій центръ не совпадаетъ у него съ Іерусалимомъ[1].

ОТКРЫТІЯ ПОРТУГАЛЬЦЕВЪ ДО КОЛУМБА.

Столько трудовъ должно было предшествовать величайшимъ открытіямъ конца XV вѣка. За то съ какою быстротою смѣлый духъ открывателей пустился тогда одновременно къ обоимъ концамъ свѣта, на востокъ и западъ, въ неизвѣстную до тѣхъ поръ даль океана. Съ тѣхъ поръ дѣло открывателей не зависѣло болѣе отъ случая, а сдѣлалось предметомъ искусства и науки. Теперь недоставало только болѣе отваги и силы воли со стороны капитановъ и лоцмановъ, недоставало только спеціальной технической школы для мореходцевъ, чтобы побѣдоносно выдержать долгую борьбу съ открытымъ океаномъ. Такая школа въ первый разъ возникла и развилась въ Португаліи, во время войнъ, которыя португальскіе короли въ XV столѣтіи должны были вести съ своими морскими сосѣдями, — маврами въ сѣверной Африкѣ.

---

[1]) Dr. Placido Zurla il Mappamondo di Fra Mauro descritto ed illustrato, Venezia, 1806, съ копіею карты. — Старинныя карты: Mappa Mondo Франциска и Доменика приготовлена въ Венеціи. 1357. Mappa Mondo Carta Catalana (1375), съ парижской рукописи издан. Бушономъ и Тэстой. Paris. 1839.

Особенное положеніе Португаліи на юговосточномъ краю Европы, конечно, очень много способствовало развитію ея морскихъ силъ. По своей незначительной величинѣ (всего 1500 кв. миль съ 3—4 милліонами жителей) страна эта, повидимому, не призвана была играть важную роль въ исторіи Европы; но она была порогомъ для входа въ океанъ, — и португальскій народъ позналъ свое назначеніе во всемірной исторіи и предался его выполненію съ ревностію и не безъ величія души. Счастливо веденныя войны за независимость противъ магометанъ ввели португальцевъ на путь къ высшему развитію своихъ силъ и къ высокой славѣ на страницахъ всемірной исторіи.

Первую побѣду португальцы одержали надъ маврами въ битвѣ при Урике, на границѣ между Алентежо и Алгарвіей. Въ память невѣрныхъ самая южная завоеванная провинція сохранила свое арабское названіе Алгребъ, т. е. западъ арабовъ. Войны съ маврами еще долго наполняютъ исторію Португаліи. Съ тѣхъ поръ какъ испанцы отняли у арабовъ пограничную провинцію Андалузію, португальцы не могли болѣе сражаться съ невѣрными въ Европѣ. Португальскіе рыцари и крестоносцы отправлялись тогда на корабляхъ искать враговъ своей вѣры за предѣлы отечества, — на противоположномъ прибрежьи сѣверной Африкѣ и далѣе къ берегамъ морей, о которыхъ прежде и не знали или считали недоступными.

Сыновья португальскаго короля Іоанна I (1385—1433) начали завоеванія въ Африкѣ. Въ 1415 г. они завоевали Цеуту, столь опасную для Португаліи, какъ нѣкогда Карѳагенъ для Рима. За это они посвящены были въ рыцари. Такимъ образомъ положено было основаніе господству въ Африкѣ. Завоеваніе Цеуты повело къ новымъ успѣхамъ, — она служила вратами для входа въ Африку и Индію. Въ 1471 г. завоеванъ былъ Танжеръ. Между пятью сыновьями Іоанна I особенно отличался предпріимчивостію и неутомимою дѣятельностію третій сынъ его, принцъ Генрихъ, гросмейстеръ ордена Христа. Онъ былъ храбръ, любознателенъ и до своей смерти (въ 1460 г.) систематически продолжалъ открытія на западномъ берегу Африки. Онъ извѣстенъ подъ именемъ Генриха мореплавателя (Enrique o Navegador). Онъ проложилъ морской путь въ Остъ-Индію и положилъ основаніе системѣ португальскихъ колоній, распространившихся по обѣимъ Индіямъ. Важною побудительною причиною его предпріятій была сначала надежда отнять у арабовъ цвѣтущія и богатыя провинціи на западномъ

берегу Африки, въ тогдашнемъ Марокскомъ царствѣ. Эта надежда обманула его.

Плоская возвышенность Атласа въ сѣверной Африкѣ слишкомъ укрѣплена была природою, такъ что португальцы не могли сдѣлать въ ней никакихъ значительныхъ и прочныхъ завоеваній. Она защищена была со всѣхъ сторонъ водами, горами и степями. Вслѣдствіе этого Марокко удержалось во время войнъ съ португальцами, которыя послѣдніе вели съ удивительнымъ религіознымъ воодушевленіемъ, при короляхъ Іоаннѣ I (1385—1433), Эдуардѣ III (1433—1438) и Альфонсѣ V (1438—1481). Извѣстна очень хорошо исторія младшаго изъ пяти сыновей Іоанна, Фернанда, «непоколебимаго принца», умершаго послѣ пятилѣтняго плѣна у невѣрныхъ въ 1443 г. въ Фецѣ мученикомъ церкви.

Землевѣдѣніе однако очень много выиграло отъ этихъ войнъ. Благодаря частымъ высадкамъ и плаваніямъ у береговъ Марокко, благодаря многимъ битвамъ въ области этого царства, распространилось мало по малу между португальцами множество извѣстій и разсказовъ объ этихъ неизвѣстныхъ странахъ,—особенно благодаря плѣннымъ арабамъ, евреямъ и неграмъ. Христіанскіе народы въ первый разъ узнали тогда, что за крайнимъ мысомъ Атласа, у южной границы Марокко, лежатъ еще гораздо бо̀льшія, сильно населенныя земли. Они узнали, что оттуда происходили негры, что оттуда привозились золото и слоновая кость. Земли негровъ совершенно неизвѣстны были римлянамъ и ихъ непосредственнымъ преемникамъ. Около 26° с. ш., къ югу отъ Канарскихъ острововъ, самыя южныя цѣпи Атласа образуютъ черный мысъ, характеристически отличающійся отъ бѣлаго песчанаго берега, мысъ Нонъ, за которымъ начинается пустыня Сагары. Мысъ этотъ считался самою южною границею возможнаго мореплаванія, и никто еще не отваживался за этотъ мысъ на югъ. Отсюда названіе этого мыса—Cap Non plus ultra. Повсюду распространена была сказка, что кто переступитъ этотъ мысъ, тотъ уже не вернется. Данте дозволяетъ переступить этотъ роковой рубежъ лишь Улиссу, хотя онъ самъ считаетъ Гибралтарскій проливъ предѣломъ мореплаванія. Онъ влагаетъ въ его уста:

И я, и мой народъ ужь были стары, дряхлы,
Когда увидѣли проливъ, гдѣ Геркулесъ
Воздвигнулъ памятникъ, чтобъ люди не дерзали
Во вѣки вѣчные его переступать.

Позднѣе мы встрѣчаемъ еще извѣстіе о мысѣ Нонѣ, полное суевѣрнаго почитанія къ нему, у португальскаго рыцаря Мартина Бе-

гайма. На его знаменитомъ глобусѣ (яблокѣ земли), приготовленномъ имъ въ Нюрнбергѣ въ 1492 г., замѣчено при мысѣ Нонъ, что до этого мѣста Геркулесъ доплылъ съ своимъ флотомъ, но долженъ былъ возвратиться назадъ, потому что нашелъ тамъ сильную покатость моря къ югу. Такъ глубоко вкоренились предразсудки того времени, которые нужно было разсѣять. Даже бури должны были способствовать ихъ искорененію.

Одинъ португальскій корабль, подъ командою Іоанна Гонзалеса Зарко, былъ отброшенъ бурею отъ берега въ средину Атлантическаго океана. Такимъ образомъ случайно открытъ былъ островъ съ священною гаванью, Porto Santo, на сѣверъ отъ Мадеры (1418). Прежде этотъ островъ былъ неизвѣстенъ, потому что мореплаватели до сихъ поръ всегда старались не упускать изъ виду береговъ. Въ 1420 году замѣтили къ югу отъ острова Порто-Санто густой туманъ, и когда направились туда, то открыли прекрасный сосѣдній островъ Мадеру, который впослѣдствіи прославился гораздо болѣе Порто-Санто. Этотъ обширный островъ не имѣлъ названія и не былъ населенъ; его покрывалъ густой лѣсъ, въ которомъ гнѣздились безчисленныя стаи птицъ. Отъ обильныхъ лѣсовъ (materia) этотъ островъ получилъ названіе Мадеры (лѣсной островъ). Лѣса были сожжены; семь лѣтъ, говоритъ де-Барросъ, продолжалось это выжиганіе лѣсовъ. Удобренная этимъ пепломъ земля заселена была колоніею. Это была первая колонія, поселенная принцемъ Генрихомъ, который снабдилъ ее разными сельско-хозяйственными орудіями и домашнимъ скотомъ. Онъ пересадилъ туда изъ Сициліи сахарный тростникъ, который былъ тогда занесенъ арабами въ Сицилію и южную Испанію. Изъ Кандіи онъ перенесъ на Мадеру малвазійскій виноградъ, который оттуда перенесенъ былъ на Канарскіе острова. Оставшіеся еще лѣса Мадеры употреблены были Португаліей, бѣдной лѣсами, для ея флота. Такимъ образомъ островъ Мадера мало по малу заселился, обстроился и сталъ украшеніемъ португальской короны [1]).

---

[1]) Вѣроятно, римскій полководецъ Серторіусъ, современникъ Суллы, считалъ эти два острова Атлантическими островами блаженныхъ, о которыхъ онъ много слышалъ отъ мореплавателей и такъ полюбилъ ихъ, что охотно оставилъ бы войны и поселился бы на нихъ для спокойной и мирной жизни. Онъ считалъ ихъ на разстояніи 10,000 стадій (250 географ. миль) отъ Гибралтара. См. Plutarch. Vit. Sertorii 8.

Послѣ этого смѣлые мореходцы пускались и далѣе. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, капитану Гиліанецу удалось наконецъ (1433) обогнуть мысъ Non plus ultra, который съ тѣхъ поръ получилъ названіе Боядоръ (отъ слова bojar — объѣзжать).

Въ то же время другіе португальцы, отправившіеся съ мыса Финистерре, по побужденію Дона Энрика, который снарядилъ для этой цѣли два корабля, открыли въ 1432 году первый изъ Азорскихъ острововъ, далеко на западѣ Атлантическаго океана. Это былъ самый восточный островъ изъ группы девяти острововъ, которую открыватель ея Гонзало Вельго назвалъ Santa Maria. Такъ какъ на этой групѣ острововъ не было жителей, то ее скоро же населилъ португальскій флотъ въ 16 кораблей. Отъ множества ястребовъ, Açores, острова эти получили названіе Азорскихъ. Въ 1449 г. принцъ Генрихъ получилъ позволеніе заселить семь Азорскихъ острововъ. Нидерландскіе колонисты, посланные туда, семнадцать лѣтъ спустя (1466), бургундской герцогиней Изабеллой, матерью Карла Смѣлаго, назвали эти острова Фламандскими, — названіе, которое до сихъ поръ сохранилось еще въ названіи села Фламенгосъ на островѣ Фаялѣ. Изабелла получила эти острова въ подарокъ отъ своего брата, короля Альфонса португальскаго, во время голода, свирѣпствовавшаго во Фландріи. Іобстъ фонъ-Гуртеръ, дворянинъ изъ Брюгге, сдѣлался штаттальтеромъ этихъ острововъ и зять его Мартинъ Бегаймъ изъ Нюрнберга впослѣдствіи окончательно поселился тамъ. Такимъ образомъ онъ могъ передать первыя извѣстія объ этой группѣ острововъ.

Група Канарскихъ острововъ открыта была уже прежде норманнами и испанцами. Полагаютъ, что уже въ 1330 году заброшенъ былъ туда норманнскій корабль и что въ 1370 году испанцы поселились на островѣ Ланзеротс. Но лишь въ 1402 году Жанъ де-Бетенкуръ, въ сопровожденіи Піерра Бувье и Жана ле-Веррье, занялъ эти острова для кастильскихъ королей. Окончательное покореніе острововъ Канаріи, Пальмы и Тенериффа послѣдовало однако только послѣ ожесточенныхъ войнъ 1492—1502 годовъ [1]). Потому что открыватели этихъ острововъ уже находили на нихъ жителей: на островѣ Тенериффѣ эти жители называли себя гуанхами, Guanches, т. е. мужи

[1]) Histoire de la première Découverte et Conquête des Canaries. Paris. 1630.

или сыновья. Ихъ патріархальный бытъ и чистые нравы соотвѣтствовали, повидимому, прежнимъ разсказамъ объ Insulae Fortunatae. Они обоготворяли солнце, луну и звѣзды, — богослуженіе, сходное съ финикійскимъ и кареагенскимъ и различное отъ фетищизма африканскихъ народовъ. Еще Кадамосто, посѣтившій весною 1445 г. нѣкоторые изъ этихъ острововъ, какъ Гомера и Ферро, и назвавшій островъ Ланзероте Фуэрте-Вентурой, говорилъ, что на островѣ Канаріи жило тогда около 8000 человѣкъ. Съ этими жителями открыватели этихъ острововъ вели кровавыя войны; но гуанхи были храбрые горцы и въ продолженіи цѣлаго столѣтія защищались на вершинахъ своихъ горъ. Наконецъ они были побѣждены, и христіане продавали ихъ въ рабство тысячами на рынкахъ Африки и Испаніи. Большая часть истреблена была мечемъ испанцевъ. Многіе насильно крещенные, сохранившіе втайнѣ свои языческіе обряды, истреблены были въ слѣдующемъ столѣтіи инквизиціею іезуитовъ. Въ началѣ XVII столѣтія вымерли послѣднія семейства гуанховъ.

Такимъ образомъ погибъ одинъ изъ первобытныхъ народовъ, котораго своеобразный языкъ и исторія могли бы разъяснить намъ много изъ исторіи финикіянъ и кареагенянъ, которые при своихъ колонизаціяхъ по всей вѣроятности приходили съ ними нѣкогда въ столкновеніе. Немногія слова, сохранившіяся изъ языка гуанховъ, показываютъ нѣкоторое родство его съ берберійскимъ нарѣчіемъ [1]).

Почти полуторовѣковая борьба (1370 — 1502) съ гуанхами совершенно отвлекла испанцевъ отъ дальнѣйшихъ открытій, между тѣмъ какъ португальцы счастливо и побѣдоносно подвигались впередъ.

---

[1]) У гуанховъ сохранилось преданіе, что они составляютъ единственные остатки древняго могущественнаго народа. Особенно замѣчателенъ у нихъ обычай бальзамировать мертвыхъ, какъ это дѣлалось въ Египтѣ,—хотя впрочемъ гуанхи не были такъ искусны въ этомъ дѣлѣ,—для того чтобы видѣть подлѣ себя своихъ умершихъ родственниковъ. Въ позднѣйшія времена находили еще такія муміи въ ущельяхъ Пика Тенерифа; онѣ хранятся и теперь въ европейскихъ музеяхъ. Conquista y Antiguedades de las Jslas de la Gran Canaria. Madrid. 1676.—Clavijo, Noticias de la Historia general de las Canarias. Madrid. 1772.—Bergeron, Traité de Navigation. Paris. 1629. — Histoire de la première Découverte et Conquête des Canaries. Paris. 1630.—Glas, History of the Discovery and Conquest of the Canary Islands. London. 1764. — Webb et Bertholet, Hist. nat. des Isles Canaries.—Bory de St. Vincent, les Isles fortunées.—L. v. Buch, Physikalische Beschreibung der Canarischen Inseln. Berlin. 1825.

Объѣхавъ мысъ Боядоръ (1433), португальцы продолжали воевать и по ту сторону этого мыса съ магометанами, которые уже въ XIII вѣкѣ распространились на югъ до Сенегала и Нигера. Жители тамошнихъ городовъ, какъ старые мавританцы, такъ и арабскіе или азіатскіе переселенцы, назывались маврами (Mauros, Moros). Арабскія же племена, которыя продолжали вести кочующую жизнь въ африканскихъ пустыняхъ и степяхъ, извѣстны были подъ названіемъ бедуиновъ (Bedewi, т. е. сыновья пустыни). Мавры и бедуины оттѣснили негровъ къ южнымъ берегамъ Сенегала и Нигера, сдѣлались и здѣсь повелителями селъ и городовъ и образовали множество мелкихъ государствъ съ мечетями и арабскими школами для обращенія черныхъ. При этомъ они ежегодно грабили земли негровъ и торговали плѣнными на рынкахъ. Такимъ образомъ въ средней Африкѣ открылась постоянная борьба между послѣдователями Корана и язычниками-неграми. Это обстоятельство много содѣйствовало счастливымъ успѣхамъ португальцевъ вдоль западнаго берега Африки, о которыхъ мы сейчасъ будемъ говорить. Португальцы сначала встрѣчали въ неграхъ дружественныхъ союзниковъ противъ общаго врага — мавровъ. Всюду черные князья при первомъ знакомствѣ съ португальцами съ полной довѣренностью отдавали себя въ ихъ руки и старались пріобрѣсть ихъ дружбу [1]).

Еще до открытія Кадамосто Зеленаго мыса и Сенегала (1456 г.) португальцы часто плавали по западному берегу Сагары, гдѣ они занимались ловлей рыбъ и ластоногихъ животныхъ и старались захватить въ плѣнъ магометанскихъ мавровъ, которыхъ они продавали въ рабство въ Лиссабонѣ и на другихъ рынкахъ Европы. Главной станціей ихъ, откуда они немного позже большею частію предпринимали свои экспедиціи, былъ островъ Аргуинъ (20° ш.), къ югу мыса Бланко, къ сѣверу отъ Сенегала. Этотъ островъ съ своею плодородною почвой представлялъ португаль-

[1]) Около средины XV столѣтія начинаются первые слѣды торга неграми, который все болѣе и болѣе развивался съ новыми открытіями. Многіе маврскіе князья отвезены были плѣнными въ Лиссабонъ. Магометане выкупили своихъ родственниковъ золотымъ пескомъ, слоновою костью и черными рабами, потому что въ Африкѣ съ незапамятныхъ временъ существовало рабство. Такимъ образомъ въ 1442 г. появились первые негры въ Лиссабонѣ, гдѣ до тѣхъ поръ знали только коричневыхъ плѣнныхъ—мавровъ. Эти настоящіе черные негры съ курчавыми волосами обратили на себя всеобщее вниманіе. Это были первые негры, попавшіе въ рабство къ христіанамъ. За ними суждено было послѣдовать милліонамъ

цамъ защиту противъ нечаянныхъ нападеній. Отсюда они могли безопасно продолжать свое плаваніе. Вслѣдствіе этого здѣсь рано образовалась вторая португальская колонія послѣ Мадеры, а съ 1452 года и Аргуинское торговое общество.

Съ Аргуина португальцы стали предпринимать и сухопутныя путешествія черезъ пустыню, для того чтобы войти въ прямыя сношенія съ неграми въ камедныхъ лѣсахъ вдоль Сенегала. Такимъ образомъ возникли первыя торговыя сношенія мирнымъ путемъ. Всѣ народы къ сѣверу отъ Аргуина, съ которыми португальцы до сихъ поръ находились въ сношеніяхъ, были магометане. У Сенегала начались уже, какъ и теперь, земли черныхъ. Венеціанецъ Кадамосто, объѣхавъ Зеленый мысъ (1455—1456), въ первый разъ увидѣлъ негровъ въ ихъ обширной, необозримой родинѣ. Онъ удивлялся ихъ многочисленности отъ Сенегала до мыса Пальмы и Гвинейскаго залива. Тутъ открылось совершенно новое поле для землевѣдѣнія и этнографіи. Португальцы удивлялись не только многочисленности народонаселенія, но и огромному числу находившихся тамъ царствъ. Эти царства занимали огромное пространство, — вдвое больше всей Европы, — къ югу отъ Сенегала и Гамбіи, черезъ Нигеръ до Конго и Замбезе. Драгоцѣнные продукты этихъ странъ вскорѣ возбудили живѣйшее чувство стяжанія португальскаго торговаго міра. Золотой песокъ, слоновая кость, перецъ, разныя пряности и рабы стали скоро лозунгомъ спекулянтовъ.

Принцъ Генрихъ мореплаватель еще дожилъ великаго успѣха своего народа, обогатившаго землевѣдѣніе открытіемъ половины части свѣта. Онъ самъ въ началѣ столѣтія положилъ основаніе этимъ успѣхамъ своимъ предпріятіемъ противъ Цеуты. Когда онъ умеръ (1460), уже объѣханъ былъ мысъ Мезурадо, къ югу отъ Сіерра Леоне и Либеріи (нынѣшнихъ свободныхъ колоній негровъ), и, благодаря Петро де-Цинтра, подробнѣе изслѣдованъ былъ берегъ Гвинеи (золотой, невольничій, слоновой кости, перцовый [1]). Преимущественно благодаря усиліямъ Генриха, Африка изслѣдована была отъ Гибралтарскаго пролива (30° с. ш.) до самаго экватора, на протяженіи по крайней мѣрѣ 500 геогр. миль.

По смерти Генриха страсть къ открытіямъ пріутихла, а жажда стяжанія усилилась. Вскорѣ (1469 г.) образовались монополистическія

[1]) Wappäus, Untersuchungen über die geogr. Entdeckugen der Portugiesen unter Prinz Heinrich dem Seefahrer. Göttingen. 1842.

*

компаніи для торговли съ Гвинеей, которыя послужили скорѣе ко вреду, нежели къ успѣху открытій; потому что лишь только эти компаніи получили привиллегію на исключительную торговлю съ золотоносными берегами Африки, какъ уже нельзя было ни одному португальскому мореплавателю, ни одному частному человѣку появляться на берегахъ экваторіальнаго моря. Гвинейскій заливъ былъ запертъ, за что компанія платила правительству много золота. Въ 1471 году построено было на Золотомъ берегу укрѣпленіе ла-Мина (эль-Мина) для торговой конторы. Король португальскій удержалъ за собой монопольную торговлю слоновой костью и перцомъ.

Король Іоаннъ II скоро послѣ своего вступленія на престолъ снарядилъ (1481 г.) 12 кораблей въ Африку для продолженія завоеваній. Начальство надъ ними поручено было дону Діэго Дазамбліа. Съ согласія короля негровъ Карамузы, португальцы построили укрѣпленіе св. Георгія да-Мина, которое скоро обратилось въ городъ. При каждой высадкѣ на берегъ португальцы немедленно воздвигали кресты и домогались папскихъ буллъ для утвержденія ихъ господства во вновь открытыхъ земляхъ.

Въ глубинѣ Гвинейскаго залива, подъ 0°, открыты были въ 1472 году острова Аннобомъ, св. Өомы, Фернандо По и царство Бенинъ,—страны, черезъ которыя въ новѣйшее время старались проникнуть, не смотря на опасности тропическихъ земель, знаменитые изслѣдователи Бельцони, Клапп(ертонъ, Денгамъ, Удней, братья Ландеръ и др. Португальцы нашли здѣсь плодородныя и отлично орошаемыя земли, что̀ совершенно не соотвѣтствовало прежнимъ предположеніямъ. Они пересадили туда сахарный тростникъ и другія тропическія растенія, которыя дали отличные плоды, хотя стоили жизни многихъ людей. Португальскіе земледѣльцы не выдерживали полевой работы въ жаркихъ тропическихъ земляхъ. Многіе испанскіе евреи, переселившіеся во время жестокихъ гоненій изъ Испаніи въ Португалію, посланы были на острова Гвинейскаго залива, но не могли выдержать тамошняго климата и перемерли какъ мухи; такъ же скоро погибли тамъ переселенныя колоніи преступниковъ и плѣнные мавры, отправленные туда для работы. Одни черные переносили работу въ свойственномъ имъ тропическомъ климатѣ. Постоянное похищеніе людей на западныхъ берегахъ Африки доставляло огромное количество смуглыхъ и черныхъ плѣнныхъ, которыхъ продавали за высокія цѣны въ плантаціи и торговыя конторы Гвинейскаго берега, пока король Іоаннъ III не запретилъ торга невѣрными.

Обильно орошаемыя и плодородныя страны вдоль Сенегала и Гамбіи сильно привлекали португальцевъ, которые старались ознакомиться съ внутренностью этихъ странъ. Нѣкоторыя попытки не удались. Небольшія экспедиціи избиты были туземцами. Но постоянныя войны царей негровъ съ ихъ вассалами проложили португальцамъ путь къ открытію внутренней страны вдоль Сенегала до Томбукту близъ Нигера.

Когда Бемой, верховный царь іолоффовъ на Сенегалѣ, подъ властью котораго находилось много мелкихъ царей-вассаловъ, низвергнутъ былъ съ престола, онъ бѣжалъ съ своими приверженцами въ Аргуинъ и призвалъ къ себѣ на помощь португальцевъ. Португальцы приняли его радушно и отправили со всѣми почестями на особомъ кораблѣ въ Лиссабонъ къ королю для объясненія. Король принялъ Бемоя какъ принца царской крови и далъ ему аудіенцію, въ которой онъ высказалъ свои желанія. Ему обѣщана была помощь лишь въ томъ случаѣ, если онъ приметъ христіанство. Отъ него португальцы получили нѣкоторыя довольно важныя свѣдѣнія о внутреннихъ земляхъ негровъ; онъ говорилъ и о двухъ большихъ городахъ Іинніи [1]) и Томбукту [2]) при рѣкѣ (Джолибѣ), утверждая что они превосходятъ величиною Лиссабонъ. Онъ говорилъ, что эти города представляютъ средоточіе важной торговли, большихъ рынковъ, торга невольниками, и что оттуда производится вывозъ всего золота во внутреннюю Африку. За этими землями, по словамъ его, лежитъ огромная страна, гдѣ живутъ не мавры и язычники, какъ іолоффы, а народъ болѣе похожій на христіанъ, которымъ правитъ также христіанинъ.

Это извѣстіе привело португальцевъ въ восторгъ. Тамъ они надѣялись найти дорогу къ старому христіанскому царю и священнику Іоанну, котораго такъ долго напрасно искали на Востокѣ. Они тѣмъ болѣе надѣялись найти его гдѣ нибудь въ Африкѣ, что всѣ попытки отъискать его въ Азіи оказались тщетными. Къ тому же царь іолоффовъ называлъ христіанскаго царя въ Африкѣ Оганне, что̀ очень сходно съ Іоанномъ. Царь іолоффовъ торжественно принялъ крещеніе; онъ былъ возведенъ португальскимъ королемъ въ достоинство гранда и получилъ гербъ съ португальской коро-

---

[1]) Іиннія—населена золотыхъ дѣлъ мастерами, приготовляющими золотые амулеты, которые составляютъ предметъ торговли на всемъ Востокѣ.

[2]) Вѣрнѣе Тонъ-Букту—лугъ Букту. D'Avezac, Journ. Asiat. T. IX. 1840. стр. 388. Бартъ пишетъ Тимбукто.

ной. Послѣ этого заключенъ былъ съ нимъ мирный договоръ, какъ съ вассаломъ португальскихъ королей.

Снаряженъ былъ флотъ въ 20 кораблей, съ войскомъ, ремесленниками и колонистами, для возвращенія Бемою его престола, равно и для сооруженія крѣпостей и основанія португальской колоніи. Педро Вацъ д'Акунга былъ главнокомандующимъ этой экспедиціи. Его провожала многочисленная миссія изъ доминиканскихъ монаховъ, во главѣ которой стоялъ Альваро, для распространенія христіанства между неграми. Флотъ благополучно достигъ Сенегала, но Бемой, на котораго возлагали большія надежды, погибъ, не успѣвъ ничего сдѣлать

Португальскій флотъ возбудилъ удивленіе въ земляхъ негровъ. Всѣ цари негровъ, до которыхъ дошла вѣсть о немъ, составили себѣ высокое мнѣніе о могуществѣ португальскаго короля. Съ тѣхъ поръ стали являться въ португальскихъ колоніяхъ на Сенегалѣ и Гамбіи послы съ подарками изъ разныхъ царствъ негровъ. Португальскій губернаторъ въ свою очередь отправлялъ посольства къ болѣе могущественнымъ дворамъ негровъ внутренней Африки. Главною цѣлью всѣхъ этихъ посольствъ было изслѣдованіе торговли, желаніе собрать болѣе подробныя свѣдѣнія о царѣ Іоаннѣ и склонить негровъ къ крещенію. Достиженіе послѣдняго вмѣнено было самимъ королемъ въ обязанность португальскимъ экспедиціямъ. Такимъ образомъ португальцы вступали въ мирные договоры съ важнѣйшими царствами негровъ и дѣлали весьма важныя открытія во внутренней Африкѣ. Они далѣе насъ проникали въ эти малоизвѣстныя земли. Еще до 1500 года ихъ посольства посѣтили главные города и дворы мандинговъ, какъ Тукуроль и Тимбукту. Внутри этихъ владѣній негровъ часто находятъ мѣста, населенныя потомками древнихъ португальскихъ колонистовъ. Португальскій языкъ былъ господствующимъ въ торговлѣ съ иностранцами во всѣхъ прибрежныхъ земляхъ негровъ, у устьевъ всѣхъ рѣкъ и на всѣхъ рынкахъ. Въ настоящее время португальскій языкъ, вслѣдствіе смѣшенія съ нарѣчіями негровъ, получилъ тамъ характеръ, подобный тому какъ lingua franca въ Передней Азіи.

Къ сожалѣнію, подробности этихъ посольствъ и колонизацій остались неизвѣстными; можетъ быть, онѣ хранятся еще въ канцелярскихъ архивахъ португальскаго двора или торговыхъ компаній, или потерялись во время переѣзда династіи въ Бразилію [1]).

---

[1]) Сохранились лишь немногія извѣстія, разбросанныя въ разныхъ сочиненіяхъ.

Во время описаннаго распространенія и колонизаціи португальцевъ въ земляхъ негровъ къ сѣверу отъ экватора стремленіе къ дальнѣйшимъ открытіямъ на югѣ океана, повидимому, немного охладѣло. Но эта страсть скоро опять возгорѣлась, благодаря изобрѣтенію корабельнаго астролябія Мартиномъ Бегаймомъ и открытіямъ Діэго Кама и Бартоломея Діаца, настоящихъ предшественниковъ Васко де-Гамы.

Быстрые успѣхи, сдѣланные физикою и астрономіею въ концѣ XV столѣтія, содѣйствовали и усовершенствованію мореплаванія. Самая насущная потребность мореплавателей, конечно, уже удовлетворена была введеніемъ въ употребленіе компаса, который во время крестовыхъ походовъ, благодаря арабамъ, заимствовавшимъ его отъ китайцевъ, появился на берегахъ Средиземнаго моря и — въ видѣ буссоли, по Амальфи, — у генуэзцевъ и венеціанцевъ. Но все таки не было еще возможности, при продолжительныхъ плаваніяхъ на открытомъ морѣ, вдали отъ материка, точно наблюдать истинную высоту каждаго мѣста и опредѣлить его положеніе на земной поверхности. Всѣ попытки, сдѣланныя до сихъ поръ для устраненія этого затрудненія, были тщетны. Наконецъ помогъ этому дѣлу Бегаймъ.

Мартинъ Бегаймъ, сынъ суконнаго фабриканта въ Нюрнбергѣ, былъ ученикомъ извѣстнаго въ свое время астронома и математика Іоанна Мюллера Регіомонтануса, который основалъ въ Нюрнбергѣ механическую мастерскую и призванъ былъ папою въ Римъ для пересмотрѣнія календаря. Будучи еще молодымъ купцомъ, Мартинъ Бегаймъ отправился черезъ Фландрію въ Португалію (1480 г.), гдѣ онъ принималъ такое живое участіе въ открытіяхъ того времени, что уже въ 1483 году король назначилъ его членомъ коммиссіи, которой поручено было улучшить морскія науки и обсудить предложенія Колумба относительно новыхъ открытій. Король зналъ, конечно, что посредствомъ компаса

Преимущественно въ Asia de Ioam de Barros dos feitos que os Portugueses fizeram no descobrimento e conquista das mares e terras do Oriente. Lisboa. 1532. De Barros, Asia, итальянскій переводъ Уллоа. Venezia. 1562.—Soltau, Geschichte der Entdeckungen und Eroberungen der Portugiesen im Orient. Braunschweig. 1821.—Vicomte de Santarem, Recherches sur la Priorité des découvertes des pays situés sur la côte occidentale d'Afrique par les Portugais. Paris. 1842. — De Azurara, Chronica do descobrimento e conquista de Guiné, изд. Сантаремомъ. Paris. 1841. — Schmeller, über Valentin Fernandez Alemao und seine Sammlungen, въ Abhandlungen der Bayr. Acad. d. Wiss. philos. Cl. T. IV. 1847. Стр. 1 — 73. — Kunstmann, die Handelsverbindungen der Portugiesen mit Timbuktu im 15 Jahrh. Тамъ-же. T. VI. отд. I. 1850. Стр. 171 — 235.

можно при плаванiи опредѣлять страны свѣта; но при этомъ мореходецъ не могъ знать подъ какимъ градусомъ широты онъ находится. Король возложилъ на коммиссiю устраненiе этого неудобства. Инструментъ, который могъ бы служить для этой цѣли (астролябiй для опредѣленiя высоты солнца) не совсѣмъ чуждъ былъ португальцамъ, но онъ не могъ быть употребляемъ на качающихся корабляхъ, да притомъ онъ былъ слишкомъ великъ и приготовлялся изъ дерева. До сихъ поръ употребляли его лишь на материкѣ. Мартинъ Бегаймъ, выросшiй въ механическихъ мастерскихъ Нюрнберга, въ которыхъ приготовлялись лучшiе компасы для всѣхъ европейскихъ мореходцевъ, изобрѣлъ другой астролябiй, который можно было привѣшивать какъ маятникъ къ мачтѣ такимъ образомъ, что онъ и при незначительной качкѣ оставался по своей тяжести въ надлежащемъ вертикальномъ положенiи. Нѣкоторые полагаютъ, что этотъ инструментъ изобрѣтенъ былъ уже Регiомонтанусомъ и что Бегаймъ только предложилъ его коммиссiи.

Примѣненiе новаго астролябiя повело къ самымъ блистательнымъ результатамъ, чему много содѣйствовали извѣстные эфемериды Регiомонтануса, — астрономическiя таблицы, на которыхъ вычислено было мѣсто стоянiя солнца и другихъ небесныхъ тѣлъ впередъ на 32 года (отъ 1474 до 1506), что было весьма важно для мореходцевъ. Всѣ великiе мореплаватели того времени, Колумбъ, Васко де-Гама, Каботъ, Магеланъ, осуществили свои открытiя, благодаря изобрѣтенiю астролябiя.

Португальскiй капитанъ Дiэго Камъ, котораго Мартинъ Бегаймъ сопровождалъ въ качествѣ астронома во время плаванiя вдоль западнаго берега Африки (1484—1485), съ помощью астролябiя очень скоро проѣхалъ по направленiю отъ сѣвера къ югу 280 географическихъ миль. Онъ открылъ рѣку Заиру, царство негровъ Конго и проникъ за 6° ю. ш. Онъ открылъ острова св. Ѳомы и Принца и первый привезъ въ Португалiю такъ называемыя райскiя зерна (кардамонъ, Malaguetta [1]).

Дiэго Камъ вывезъ изъ новооткрытаго царства Конго нѣсколько

---

[1]) Бегаймъ посвященъ былъ за свое открытiе въ рыцари ордена Христа. Въ 1492 г. онъ отправился уже рыцаремъ къ своему семейству въ Нюрнбергъ, въ томъ самомъ году, когда Колумбъ впервые открылъ Антильскiе острова. Въ Нюрнбергѣ онъ нарисовалъ на пергаментѣ свой искусный глобусъ, на которомъ онъ обозначилъ открытые имъ берега Африки и острова, и описалъ ихъ со многими учеными примѣчанiями. Это — первый нѣмецкiй глобусъ, который служилъ многимъ другимъ образцомъ. Онъ до сихъ поръ уцѣлѣлъ въ его родномъ городѣ и

уроженцевъ, которые добровольно отправились съ нимъ въ Португалію. Въ Лиссабонѣ они охотно приняли крещеніе и подтвердили давнишнее предположеніе португальцевъ о существованіи среди язычниковъ обширнаго царства священника Іоанна. Владѣнія его, по ихъ показаніямъ, находились на разстояніи 250 миль отъ берега, между Ниломъ Египта и землями черныхъ. По ихъ показаніямъ, царство Іоанна не менѣе другихъ царствъ негровъ сильно притѣсняемо магометанами. Безъ сомнѣнія, эти свѣдѣнія дошли въ Конго посредствомъ караванной торговли, которая тогда уже существовала во внутренней Африкѣ.

Въ концѣ августа 1486 года король Іоаннъ II отправилъ Бартоломея Діаца съ двумя кораблями, чтобы отъискать наконецъ неизвѣстное царство христіанскаго царя и священника, окруженное со всѣхъ сторонъ язычниками. Король приказалъ обходится ласково со всѣми новыми народами и давать имъ дары, для того чтобы получить отъ нихъ нѣкоторыя извѣстія о царѣ-священникѣ и побудить ихъ доставить ему пріятное извѣстіе о скоромъ прибытіи его единовѣрцевъ. Бартоломей Діацъ направился прямо къ Конго, чтобы оттуда начать свои открытія. Но ему пришлось много бороться съ бурями и теченіями океана; сильныя юговосточныя бури унесли его корабли отъ берега. Скоро экспедиція совсѣмъ потеряла изъ виду материкъ и стала блуждать по открытому морю. Затѣмъ Діацъ плылъ тринадцать дней обратно отъ запада къ востоку. Онъ переплылъ уже 36° ю. ш., слѣдовательно находился уже за южной оконечностью Африки; онъ дѣйствительно обогнулъ ее, самъ того не замѣчая. Не видя материка, португальцы снова стали плыть къ сѣверу и лишь на этомъ возвратномъ пути они увидѣли берегъ. Они пристали къ берегу въ заливѣ новооткрытой южной земли, который съ тѣхъ поръ сталъ извѣстенъ подъ названіемъ Моссельбая. На островѣ, лежащемъ къ востоку отъ него, они водрузили, въ знакъ своего открытія и владѣнія, крестъ съ португальскимъ гербомъ. Поэтому островъ до сихъ поръ сохранилъ названіе Санта-Круцъ (св. креста). Жители береговъ бѣжали, такъ что не было возможности познакомиться съ ними. Португальцы плыли еще дальше на востокъ

составляетъ драгоцѣнную принадлежность семейства Бегаймъ. Мартинъ Бегаймъ возвратился въ Лиссабонъ и умеръ тамъ въ бѣдности (1506 г.?). v. Murr, Diplomatische Geschichte des berühmten Portugiesischen Ritters Martin Behaim. Nürnberg. 1778.—Ghillany, der Erdglobus des Martin Behaim vom Iahre 1492. Nürnberg. 1842.—Ghillany, der Ritter Martin Behaim der Seefahrer. Nürnberg. 1853.

до устья большой рѣки, которая получила названіе Ріо Инфанте, въ честь капитана втораго корабля, Іоанна Инфанте. Это—нынѣшняя Большая Рыбная рѣка (Fischrivier), которая долго считалась границею между Капской колоніей и землею каффровъ. Устье ея лежитъ между 34° ю. ш. и 46° в. д.

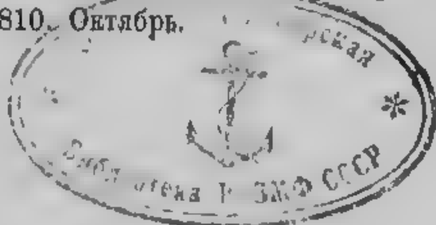
Между тѣмъ матросы стали тяготиться трудностями плаванія, начали роптать и требовать возвращенія. Съѣстные припасы дѣйствительно истощились. Діацъ долженъ былъ исполнить ихъ желаніе. На возвратномъ пути по направленію къ западу онъ увидѣлъ замѣчательный южный мысъ Стараго Свѣта, съ величественною Столовою горою, который онъ прежде, во время опасной бури, объѣхалъ незамѣтно. Теперь дѣйствительно открылся европейцамъ новый міръ земель и морей, — Индійскій. Въ память бурь, которымъ Діацъ подвергся у этого мыса, онъ назвалъ его Cabo tormentoso. Когда же онъ передалъ королю извѣстіе о своемъ великомъ открытіи, то король переименовалъ мысъ въ Cabo de Boa Esperanca, въ надеждѣ открыть вскорѣ морской путь въ Индію. Діацъ употребилъ на свое плаваніе шестнадцать съ половиною мѣсяцевъ и открылъ слишкомъ 270 географическихъ миль берега. Такимъ образомъ онъ первый сдѣлалъ это открытіе, а не Васко де-Гама, которому приписывали это въ позднѣйшее время. Заслуги Бартоломея Діаца въ первый разъ справедливо оцѣнены были Лихтенштейномъ, во время многолѣтняго пребыванія его на мысѣ Доброй Надежды [1]; къ сожалѣнію, трудъ Лихтенштейна мало извѣстенъ и многіе еще до сихъ поръ остаются на этотъ счетъ въ заблужденіи.

Прежде нежели Бартоломей Діацъ успѣлъ возвратиться въ Лиссабонъ съ извѣстіемъ о своихъ открытіяхъ, король Іоаннъ II отправилъ въ Іерусалимъ двухъ монаховъ, съ цѣлью собрать отъ пилигримовъ, стекающихся туда со всѣхъ сторонъ во время пасхи, нѣкоторыя извѣстія о священникѣ Іоаннѣ и объ Индіи. Были уже основанія предполагать, что христіанскій царь и священникъ — никто иной какъ владѣтель Абиссиніи, царь (негуцъ) Габеша. Титулъ его Негуцъ Негуши, т. е. царь царей, доказываетъ уже, что онъ былъ могущественнымъ монархомъ, которому покорялось множество мелкихъ царствъ,—владѣтель Эѳіопіи, съ которымъ впослѣдствіи португальцы неоднократно приходили въ столкновеніе.

Оба монаха, Альфонсъ фонъ-Паира и отецъ Ковилламъ, отпра-

---

[1]) Geschichte der Entdeckung des Vorgebirges der Guten Hoffnung, въ Vaterländ. Museum. 1810. Октябрь.

вились изъ Іерусалима въ Александрію, откуда Ковилламъ отправился въ Индію; Папра же отправился сухимъ путемъ въ Абиссинію, куда послѣдовалъ за нимъ и Ковилламъ. Наконецъ оба монаха попали ко двору царя Габешскаго. Паира скоро умеръ, а Ковилламъ достигъ при дворѣ большихъ почестей, но по тамошнимъ обычаямъ не могъ никогда оставить Абиссиніи. Извѣстія его объ Индіи и Абиссиніи дошли въ Лиссабонъ черезъ двухъ еврейскихъ пословъ.

Эта радостная вѣсть о христіанскомъ царѣ, подтвердительныя извѣстія о богатствѣ Индіи и удачное плаваніе Діаца вокругъ южнаго мыса вызвали такой энтузіазмъ всѣхъ мореходныхъ народовъ, особенно португальцевъ, что король Эмануилъ Великій (1495 — 1521) рѣшилъ отправить немедленно Васко де-Гаму въ Индію. Одновременное великое открытіе Колумба (1492) на западѣ Атлантическаго океана еще болѣе ускорило экспедицію Васко де-Гамы. Уже въ 1492 году донъ Кристовалъ Колонъ (Кристофоро Коломбо) открылъ Антильскіе острова, Гванагани, Кубу и Ст. Доминго, составляющіе какъ бы преддверіе Америки; онъ впрочемъ не предполагалъ, чтобы они составляли новую часть свѣта, а счелъ ихъ просто за острова восточной Азіи, которые ему удалось открыть западнымъ путемъ. Вскорѣ отправилась туда вторая экспедиція испанцевъ, подъ начальствомъ Колумба (1493—1496), который теперь открылъ Малые Антильскіе острова, Ямайку, прибрежную землю Паріи или материкъ средней Америки. Непосредственно за этимъ, въ 1497—1504 г., Америго Веспуччи открылъ Бразилію и южную Америку.

Чтобы предъупредить испанцевъ съ востока въ завладѣніи новымъ свѣтомъ португальцы поспѣшили своею экспедиціею въ Индію. Во второй годъ царствованія короля Эмануила (1497) Васко де-Гама отправленъ былъ для открытія Остъ-Индіи и для заключенія союза съ царемъ-священникомъ Іоанномъ противъ общаго врага — мавровъ и арабовъ. Это необходимо было для того, чтобы обезопасить предполагаемую торговлю съ Индіею по Индійскому морю. Гостепріимныя гавани Абиссиніи при входѣ въ Красное море и Индійскій океанъ представлялись весьма важными для новыхъ предпріятій.

Васко де-Гама плылъ весьма благополучно на трехъ корабляхъ, съ 170 матросами и тѣмъ же лоцманомъ, который сопровождалъ Бартоломея Діаца. Эта экспедиція расширила землевѣдѣніе на цѣлую четверть глобуса. Васко первый изъ европей-

скихъ мореплавателей проплылъ Индійскій океанъ до его восточныхъ границъ, точно такъ какъ Колумбъ первый достигъ западныхъ границъ Атлантическаго океана. Осенью 1497 года Васко высадился на юго-западномъ берегу Африки, на разстояніи около $1^1/_2°$ широты отъ мыса Доброй Надежды, въ заливѣ св. Елены. По словамъ де-Барро, онъ хотѣлъ высадиться на берегъ для опредѣленія высоты солнца посредствомъ астролабія Мартина Бегайма, чтобы такимъ образомъ узнать подъ какимъ градусомъ широты онъ находится. Здѣсь онъ впервые увидѣлъ тамошнихъ жителей прибрежныхъ горъ, которые съ зажженными факелами искали медъ въ ущельяхъ горъ. Такимъ образомъ южная оконечность этой части свѣта была уже тогда населена. Совершенно несправедливо португальцы назвали этихъ жителей неграми; они принадлежали къ совершенно другому племени, отличались меньшимъ ростомъ, желто-коричневымъ цвѣтомъ и говорили совершенно другимъ языкомъ. Позднѣе англійскіе и голландскіе мореплаватели назвали это племя готтентотами. Корень этого названія неизвѣстенъ; они сами себя такъ не называютъ. Вѣроятно оно было прежде бранное слово между матросами.

Вскорѣ Васко де-Гама отправился болѣе на югъ и наконецъ, 20 ноября 1497 года, при чудномъ, ясномъ солнечномъ днѣ, съ громкимъ ликованіемъ, при звукахъ трубъ и литавръ, эскадра его объѣхала мысъ Доброй Надежды.

Въ восточныхъ заливахъ португальцы нашли множество людей и большія стада, а въ моряхъ имъ попадались тюлени и киты. На востокѣ Васко высадился на выдающійся берегъ, обитаемый племенами коричневаго цвѣта — кафрами. Названіе это португальцы заимствовали отъ своихъ сосѣдей—арабовъ. Такъ какъ они высадились на этотъ берегъ въ праздникъ Рождества Христова, то онъ получилъ названіе Terra Natal. Жители этого берега встрѣтили португальцевъ такъ дружески и радушно, что слѣдующій заливъ получилъ названіе de Boa Paz, заливъ мира, а берегъ, гдѣ теперь воинственные кафры постоянно враждуютъ съ европейцами, назвали они землей добрыхъ людей, de Boa Gente. Такимъ образомъ открыта была южная и восточная Африка.

Послѣ этого Васко отправился къ сѣверу, къ экватору, придерживаясь близко восточнаго берега Африки. Такимъ образомъ онъ достигъ Мозамбика (15°), Момбазы (5°) и Мелинда (4° ю. ш.), — три города, въ которыхъ португальцы нашли хорошія зданія, рынки, корабли и даже довольно важную торговлю съ Индіей.

Эти три царства основаны арабами, которыхъ колоніи достигли этихъ предѣловъ. Въ Мелиндѣ Васко нашелъ торговую колонію индійцевъ, которыхъ родину онъ искалъ. Ничто не могло быть важнѣе для достиженія его главной цѣли. Это была колонія баніановъ, т. е. изъ касты индійскихъ купцовъ и мореплавателей; такую же колонію въ новѣйшее время Петерсъ нашелъ въ Мозамбикѣ. Колописты снабдили Васко лоцманами, при помощи которыхъ онъ благополучно переплылъ по направленію къ востоку Индійскій океанъ и высадился на Малабарскомъ берегу въ гавани Каликута (1498). Каликутъ (подъ 12° с. ш.) былъ тогда резиденціею одного браминскаго царя, у котораго португальцы просили аудіенцію. Они называютъ его Цаморинъ, — искаженный настоящій титулъ его, потому что онъ называлъ себя Замудрія Раіа, т. е. властитель моря. Португальцы нашли у него радушный пріемъ, что̀ было для нихъ весьма важно, потому что они пріобрѣли въ немъ сильнаго союзника противъ мусульманъ. Впослѣдствіи они худо отплатили ему за гостепріимство: они свергли его съ престола и завладѣли его прибрежной страною.

Такимъ образомъ преграда между Западомъ и Востокомъ, которую образовалъ въ средніе вѣка магометанскій міръ, была наконецъ преодолѣна и морской путь въ Остъ и Вестъ-Индію былъ проложенъ. Съ тѣхъ поръ раскрывается широкое поприще для дальнѣйшихъ открытій, колонизацій и торговли.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Такимъ образомъ два новыхъ свѣта, Американско-Вестъ-Индскій и Остъ-Индскій, пришли одновременно въ сношенія съ Европой. Съ открытіемъ Америки Колумбомъ (1492) и Индійскаго океана Васко де-Гамой (1498) начинается третій періодъ географіи, періодъ новѣйшихъ временъ.

Событія этого времени гораздо ближе къ намъ, они болѣе связаны съ исторіею настоящаго. Эти событія уже болѣе извѣстны: съ самаго ранняго возраста обыкновенно начинаютъ знакомить насъ съ исторіей открытія Америки и съ длиннымъ рядомъ новѣйшихъ путешествій. Въ новѣйшія времена Америка отклонила вниманіе отъ другихъ частей свѣта. Классическія сочиненія А. Гумбольдта познакомили съ нею весь образованный міръ; огромныя

массы низшихъ классовъ европейскихъ народовъ нашли тамъ пріютъ для себя; вслѣдствіе этого Новый Свѣтъ тѣсно сблизился со Старымъ.

Наука должна теперь однимъ взглядомъ обнимать два свѣта. Задача ея совершенно измѣнилась. Въ концѣ пятнадцатаго и началѣ шестнадцатаго вѣка открытія быстро стали слѣдовать другъ за другомъ, они скоро обняли всѣ части земнаго шара. Особенно неизвѣстная до тѣхъ поръ противуположная намъ часть земли стала быстро разъясняться, преимущественно съ тѣхъ поръ, какъ португалецъ Фернандо Магелланъ совершилъ первое путешествіе вокругъ свѣта.

Отъ запада Европы Магеланъ отправился, по слѣдамъ Америго Веспуччи, къ югу Америки и благополучно объѣхалъ эту часть свѣта черезъ Магелановъ проливъ, который въ честь его получилъ это названіе. Онъ открылъ Великій океанъ, переименованный съ тѣхъ поръ въ Тихій, потому что Магеланъ безъ всякихъ затрудненій переплылъ его во всю ширину отъ востока къ западу, до восточныхъ береговъ Азіи, гдѣ постигла его преждевременная смерть на Филиппинскихъ островахъ. Флотъ его привезъ въ Европу извѣстіе о первомъ удавшемся кругосвѣтномъ плаваніи.

Португальскія колоніи вскорѣ распространились отъ Индіи черезъ Малакку до Китая и Японіи. Въ 1521 г. испанцы, благодаря Кортесу, открыли и покорили Мексику, въ 1536 г. они открыли Калифорнію, въ 1535 г. они завоевали Перу, низвергли престолъ инковъ, а затѣмъ открыли Квито, Чили и землю, лежащую вдоль Амазонской рѣки.

Для того чтобы составить себѣ вѣрное понятіе объ успѣхахъ открытій въ новѣйшее время необходимо болѣе точное и обширное знакомство съ земнымъ шаромъ, со всѣми океанами и материками. Теперь уже нельзя принимать за исходный пунктъ при обзорѣ географическихъ открытій главные историческіе моменты. Въ древніе и средніе вѣка эти главные моменты опредѣляли собою географическіе успѣхи,—съ этого же времени малѣйшій шагъ впередъ имѣетъ громадныя послѣдствія для всего образованнаго міра. Открытія уже не остаются тайнами. Одна искра даетъ свѣтъ во многихъ мѣстахъ.

Въ прежнія времена слѣпое влеченіе или инстинктъ, бѣдствія или фанатическія страсти народовъ имѣли вліяніе на успѣхи открытій; въ послѣдніе вѣка отдѣльныя географическія открытія менѣе находятся въ прямой связи съ судьбами цѣлыхъ народовъ и госу-

дарствъ,—они зависятъ болѣе отъ судьбы отдѣльныхъ личностей, отъ успѣховъ промышленности, торговли, искусствъ и наукъ. Почти у всѣхъ народовъ отдѣльныя личности дѣлаютъ великія открытія, отъ которыхъ зависитъ общее благо народовъ и государствъ, современниковъ и потомства. Такой характеръ представляетъ вся эпоха отъ Колумба до Джемса Кука, открывшаго южный свѣтъ, и до Александра Гумбольдта, вторично открывшаго Америку въ научномъ отношеніи. Гумбольдтъ открываетъ собою новую эру всеобщаго вторичнаго открытія почти всѣхъ, хотя уже извѣстныхъ, но неизслѣдованныхъ съ научной точки зрѣнія, областей земли, въ ихъ общихъ корпоративно-теллурическихъ отношеніяхъ. Примѣръ Гумбольдта вызвалъ научное изслѣдованіе сѣвернаго и южнаго полярнаго міра, материка Австраліи, центральной Азіи и Африки, равно какъ и геологическія, геодетическія и гипсометрическія изслѣдованія земной коры и ея поверхности.

Въ послѣдніе вѣка за открытіями послѣдовали вездѣ колонизаціи, вслѣдствіе чего происходили передвиженія цѣлыхъ племенъ, какъ напр. испанцевъ, португальцевъ, англичанъ и нѣмцевъ въ сѣверную и южную Америку, негровъ — въ Вестъ-Индію, сѣверную и южную Америку, англичанъ и голландцевъ — въ Индію, китайцевъ и кулiевъ — въ Калифорнію, на Зундскіе острова и въ южную Америку.

Наука входитъ въ свои права; область неизслѣдованной земли становится все меньше и меньше. Снѣжныя вершины и зеркальныя поверхности озеръ внутренней Африки выступаютъ изъ мрака неизвѣстности, и материкъ Австраліи скоро будетъ изслѣдованъ отъ одного конца до другаго. Такимъ образомъ близко время, когда предметомъ географическихъ открытій будутъ не обширныя, еще неизвѣстныя земли, а подробности относительно извѣстныхъ уже земель. На этомъ поприщѣ предстоитъ еще много сдѣлать.

ПОПРАВКА.

На стр. 93, строка 4 сверху, вм. Бѣлградъ читай Болградъ.

Геродот — 43
Страбон — 94
Итого — 101